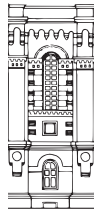

ГЛАВА 4
ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ
ДОНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ
И ВКЛАД РУКОВОДСТВА В ЕЕ РАЗВИТИЕ
(1868–1920 гг.)

4.1. ИСПОЛНЯЮЩИЙ ДОЛЖНОСТЬ РЕКТОРА АРХИМАНДРИТ ВЕНИАМИН (СМИРНОВ) (1868–1879)

97

Первым руководителем Донской духовной семинарии со статусом «исправляющий должность ректора» 26 августа 1868 г. Св. Синодом был назначен выпускник Киевской духовной академии, кандидат богословия архимандрит Вениамин (Смирнов)¹. До назначения на непростую должность, предполагавшую как строительство семинарских зданий, так и организацию учебного процесса, он прошел многотрудный путь. С 9 ноября 1856 г., еще будучи мирянином, В.М. Смирнов был назначен на должность инспектора Воронежского духовного училища; с 3 сентября 1862 г., после принятия монашеского пострига и иерейской хиротонии, был инспектором Черниговской духовной семинарии. В Чернигове иеромонах Вениамин приобрел бесценный опыт постройки семинарского здания будучи членом временного строительного комитета семинарии. С 1866 по 1868 г. он трудился в должности инспектора Псковской духовной семинарии².

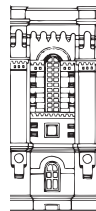
Скорее всего, выбор Св. Синода при назначении иеромонаха Вениамина исправляющим должность ректора Донской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита был не случаен. Имеющий опыт в организации учебного процесса и в строительстве семинарского здания, архимандрит Вениамин был незаменим для Донской семинарии. За время пребывания в Новочеркасске ему, несмотря на особенности, обусловленные укладом жизни столицы донского казачества, удалось и достойно организовать учебный процесс, и подготовить строительство великолепного семинарского корпуса. Принимая активное участие в жизни и духовном руководстве семинаристов, архимандрит Вениамин пользовался заслуженной любовью с их стороны и уважением со стороны преподавателей.

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 91. Л. 3об.–9.

² Там же.

Вениамин (Смирнов), архимандрит

ПОДГОТОВКА К ПОСТРОЙКЕ СЕМИНАРСКИХ ЗДАНИЙ

Повседневная жизнь Донской духовной семинарии началась 1 октября 1868 г. во временном пристанище – домах генерал-майора Шумкова и штабс-ротмистра А.П. Янова, купленных с разрешения Св. Синода, утвержденного императором, еще 10 августа 1867 г.¹ За год до открытия семинарии один из домов был переоборудован. По отзыву члена Учебного комитета при Св. Синоде Н.А. Сергиевского, ревизовавшего семинарию в конце первого учебного года, «семинария помещается в купленном доме впредь до постройки надлежащих зданий для оной. В этом доме имеются помещения для классов и квартиры для ректора, инспектора и эконома, комнаты для Правления и библиотеки. При доме большой двор, где устроены на летнее время гимнастика для учеников, классы очень просторны, за исключением одного 4-го... все здание и снаружи, и внутри имеет привлекательный вид»².

Несмотря на созданный руководством семинарии как для учащихся, так и для учащихся комфорт, делом первоочередной важности оставалась постройка семинарских зданий на участке, отведенном Войском Донским в августе 1867 г.³ По обычаю того времени, «с целью достижения большего успеха в сооружении зданий для семинарии»⁴ в 1868 г. в семинарии был организован строительный комитет под председательством архимандрита Вениамина. В состав комитета вошли: клирик новочеркасского кафедрального Вознесенского собора протоиерей В. Смирнов, священник Троицкой церкви В. Пашутин (с 29 ноября 1873 г. – священник В. Иванов), делопроизводитель священник И. Соловьев (с 6 ноября 1871 г. – священник Н. Захаров) и архитектор, губернский секретарь А.А. Кампиони (до 30 октября 1869 г.)⁵.

Еще до начала активной деятельности строительного комитета предполагаемое строительство было под вопросом. 30 января 1869 г. архиепископ Платон ходатайствовал перед Хозяйственным управлением Св. Синода о разрешении на покупку дома с надворными строениями и земли полковника Василия Иловайского, «имеющего продаваться с публичного торга». По мнению Пресвященного, покупка смежного с уже имеющимся семинарским зданием каменного одноэтажного дома с 1420 кв. саж. усадебной земли решит проблему недостатка помещений для планирующей расширяться семинарии и избавит от необходимости строить новые здания на отведенном Войском участке на Троицкой площади,

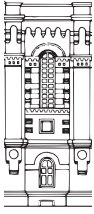
¹ Кириллов А.А. Речь, сказанная на публичном собрании ... 1884. № 17. С. 632.

² РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1884 г. Д. 6. Л. 65.

³ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 34. Л. 24об.

⁴ Кириллов А.А. Указ соч. С. 675.

⁵ Там же. С. 675, 671.

оставив семинарию на том месте, «на котором она теперь находится»¹. Хозяйственное управление, приняв во внимание доводы архиепископа Платона, дало разрешение «на имеющий быть публичный торг»². Однако дом наследников полковника Иловайского был продан «частным образом, не дожидаясь публичных торгов»³.

Первым шагом строительного комитета была попытка найти подходящий проект семинарского корпуса для постройки. 9 июля 1869 г. комитет обратился в Хозяйственное управление при Св. Синоде с просьбой «сообщить нормальный план семинарских зданий, который бы мог служить образцом при постройке новых зданий Донской семинарии»⁴. Хозяйственное управление откликнулось очень быстро, и 18 августа 1869 г. комитет получил проект здания семинарии, созданный архитектором Хозяйственного управления Св. Синода Сычевым. 20 октября комитету была предоставлена копия проекта одной из уже существовавших семинарий⁵. Присланные проекты не удовлетворили строительный комитет⁶. 13 октября 1869 г. комитет запросил в Хозяйственной экспедиции правления Войска Донского «генеральный план части города Новочеркаска с показанием места, отведенного Войсковым правлением под строительство Донской духовной семинарии», составленный войсковым архитектором А.А. Кампиони⁷. 18 ноября 1869 г. Правление представило строительному комитету требуемый документ⁸. Получив подтверждение прав на участок на Троицкой площади Новочеркаска, семинария, однако, не торопилась приступить к строительству. В 1871 г. вновь был найден выставленный на торги дом, удовлетворявший требованиям строительного комитета. Это был смежный с семинарией двухэтажный девятиоконный каменный дом с надворными строениями и землей, принадлежавший наследникам штаб-ротмистра Иловайского. 10 октября 1870 г. архиепископ Платон обратился в Хозяйственное управление Св. Синода за разрешением на покупку этого дома⁹. Разрешение Хозяйственного управления, утвержденное Св. Синодом, было дано 7 ноября 1870 г.¹⁰

Скорее всего, покупка дома штаб-ротмистра Иловайского окончательно решила вопрос о предстоящем строительстве. Строительный комитет, Правление семинарии и Высокопреосвященной-

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 34. Л. 39.

² Там же.

³ Там же. Л. 56.

⁴ Кириллов А.А. Речь, сказанная на публичном собрании ... 1884. № 18. С. 672.

⁵ Там же.

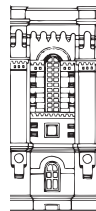
⁶ Там же.

⁷ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 34. Л. 24.

⁸ Там же. Л. 24об.

⁹ Там же. Л. 54–54об.

¹⁰ Там же.

ший Платон пришли к заключению, что вместо постройки новых зданий на Троицкой площади Новочеркаска целесообразнее будет построить один корпус на том участке, где находится семинария, одновременно используя те дома, которые были уже куплены. В декабре 1871 г. строительный комитет семинарии принял решение для составления проекта обратиться к частным архитекторам г. Новочеркаска. 6 августа 1872 г. составить проект и смету на постройку нужных для семинарии зданий было поручено архитектору Айвазову¹. Выбор комитета оказался неудачным, поскольку архитектор затребовал слишком высокую цену – «за составление плана и сметы 1500 руб. и 4% от суммы за наблюдение за работами»². После долгих поисков комитет заключил договор на составление проекта с инженером Решетовским, который попросил за работу 575 руб.³ Готовый проект автор предоставил комитету 20 ноября 1873 г.⁴ Однако его замысел не был осуществлен, несмотря на то что Решетовский выразил готовность внести изменения в проект по желанию строительного комитета семинарии. Причиной отказа от готового проекта была неожиданно представившаяся возможность купить дом и «дворовое место», смежное с семинарией, у вдовы генерал-майора П.А. Боковой за 16 000 руб.⁵ Строительный комитет «горячо принялся за это дело, имея в виду устроить более удобное расположение новых зданий семинарии и устранить открывавшуюся тесноту в помещении некоторых классов»⁶.

31 октября 1874 г. дом П.А. Боковой с усадебным участком был приобретен⁷, и вновь встал вопрос о поиске архитектора, который смог бы найти решение создания комплекса из уже существующих семинарских корпусов и постройки нового здания, которое было бы «лицом» Донской духовной семинарии. Взоры строительного комитета вновь обратились к архитектору Айвазову. 10 января 1875 г. с ним был заключен договор на составление проекта и сметы за 600 руб. Однако ни в назначенный срок, ни даже после дополнительного срока Айвазов проект и смету не представил. Тогда строительный комитет передал составление проекта и сметы выдающемуся архитектору, академику архитектуры Александру Александровичу Яценко.

А.А. Яценко в конце 1870 – начале 1880-х гг. служил в Областном правлении Войска Донского при войсковом наказном атамане Н.А. Краснокутском⁸, затем был прикомандирован к Главно-

¹ Кириллов А.А. Речь, сказанная на публичном собрании ... 1884. № 18. С. 675.

² Там же.

³ Там же.

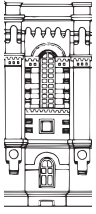
⁴ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 34. Л. 96.

⁵ Кириллов А.А. Речь, сказанная на публичном собрании ... 1884. № 18. С. 676.

⁶ Там же.

⁷ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 34. Л. 113.

⁸ А.А. Яценко // ДЕВ. 1893. № 7–8. С. 323–325.

му инженерному управлению Войскового правления, после чего служил в ведомстве императрицы Марии Федоровны¹. В 1890 г., после очередного обрушения строящегося кафедрального собора в Новочеркасске, начал работу над проектом собора. С 4 мая 1891 г. служил в «соборостроительной комиссии»². Построенные по проекту А.А. Яценко величественные сооружения пользовались в России большой популярностью. Наиболее известны из них Вознесенский кафедральный войсковой собор в Новочеркасске, собор св. блгв. кн. Александра Невского в г. Ростове-на-Дону (разобран в 1930-е гг.), здание Донской духовной семинарии и женская гимназия в Новочеркасске³. А.А. Яценко скончался 11 апреля 1893 г.⁴, не дожив до освящения своего выдающегося творения – новочеркасского Вознесенского собора.

Договор на составление проекта и сметы зданий Донской духовной семинарии был заключен с А.А. Яценко 31 октября 1876 г. Через три с половиной месяца – 15 февраля 1877 г. – проект был готов⁵. В октябре 1878 г. Правление семинарии получило разрешение Св. Синода «построить новое здание для Донской семинарии с перестройкой старого семинарского корпуса и постройкой вновь отдельных зданий для служб и больницы на местные епархиальные средства»⁶. В ноябре 1879 г. были проведены окончательные торги на постройку⁷, а в мае 1880 г. начались строительные работы⁸. Завершено строительство было уже при третьем ректоре семинарии архимандрите Иоанникии (Казанском) в 1883 г.

Вся подготовка к строительству семинарии – покупка домов с усадьбами, отказ от выделенного Войском Донским участка на Троицкой площади, поиск готового проекта семинарии и неудачи с новочеркасскими архитекторами, создание оригинального проекта академиком архитектуры А.А. Яценко и проведение торгов на постройку – проходили при непосредственном участии архимандрита Вениамина, возглавлявшего строительный комитет. Кроме этого, архимандрит Вениамин нес все тяготы организации учебного процесса.

ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА

Несмотря на колоссальные усилия Преосвященного Платона (Городецкого) и организованного им комитета по учреждению

¹ А.А. Яценко // ДЕВ. 1893. № 7–8. С. 323–325.

² Там же.

³ Там же.

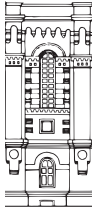
⁴ Там же.

⁵ Кириллов А.А. Речь, сказанная на публичном собрании ... 1884. № 18. С. 677.

⁶ Там же. 1884. № 19. С. 724.

⁷ Там же. С. 725–726.

⁸ Там же. С. 727.

Донской духовной семинарии, после ее торжественного открытия, поддержанного Войском Донским, новочеркасской общественностью и донским духовенством, архимандрит Вениамин как исполняющий должность ректора оказался в сложной ситуации. В первый год существования семинарии недоставало многого для ее работы. Прежде всего, был не до конца укомплектован штат преподавателей. Как писал архимандрит Вениамин, нередко «учение по предметам семинарского курса начиналось с поступлением преподавателей сих предметов»¹. С 16 октября, т.е. через две недели после торжественного открытия, начали преподаваться Священное Писание, догматическое богословие, нравственное богословие, основное богословие, гомилетика, литургика, греческий язык (одним преподавателем вместо двух), гражданская история, математика и французский язык². С 22 октября преподавалась словесность, с 25 октября – латинский язык, с 31 октября – церковная история с соединенными предметами, с 27 ноября – немецкий язык, с 30 января 1869 г. – церковное пение³. Поскольку преподаватель психологии «с соединенными предметами» в 1868/1869 учебном году так и не был назначен, чтение психологии с 24 февраля 1869 г. было поручено преподавателю словесности, обзора философских систем – с 27 января преподавателю гомилетики, педагогики – с 27 января преподавателю гражданской истории⁴. В течение всего учебного года из-за отсутствия преподавателей не было занятий по гимнастике и калмыцкому языку⁵.

Кроме преподавателей, недоставало учебных руководств и пособий⁶. Необходимые учебники, в первый раз выписанные Правлением семинарии 12 октября 1868 г., были получены 30 ноября⁷, но и их было недостаточно. Наставники первое время «заимствовали» учебную литературу из книг, пожертвованных в пользу Донской семинарии Высокопреосвященнейшими Платоном (Городецким) и Афанасием (Телятевым)⁸, а также они по всем предметам составляли конспекты, которые семинаристы переписывали⁹.

Несмотря на все сложности, связанные главным образом со спешностью подготовки открытия семинарии, в конце учебного года успехи учеников оказались превосходными: из 114 воспитанников на экзаменах «отлично-хорошие успехи» показали 10 семинаристов; «очень хорошие» – 44; «хорошие» – 52, и только 8 –

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 5. Д. 2. Л. 7.

² Там же.

³ Там же. Л. 7об.

⁴ Там же.

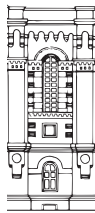
⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 7.

⁷ Там же. Л. 8.

⁸ Там же.

⁹ Акт, бывший в Донской духовной семинарии ... С. 407.

«неудовлетворительные». Не сдавали экзамены по разным причинам 9 воспитанников¹.

19 июня 1869 г. в Донской духовной семинарии состоялось торжество по случаю завершения первого учебного года, на котором присутствовали архиепископ Платон, новочеркасское духовенство и некоторые из «почетных лиц» военного и гражданского ведомств². В отчете о состоянии семинарии, зачитанном секретарем Правления М. Сланским, подчеркивалось, что первый год обучения потребовал и от преподавателей, и от воспитанников особых усилий. Кроме нехватки преподавателей и учебных пособий, немаловажным препятствием оказался неодинаковый уровень знаний воспитанников, обучавшихся ранее в разных семинариях. В отчете также отмечалось, что на протяжении всего учебного года Высокопреосвященнейший Платон посещал классы в учебные часы и проводил пастырские беседы как с наставниками, так и с воспитанниками семинарии³.

Деятельность новоучрежденной семинарии находилась под пристальным наблюдением Учебного комитета при Св. Синоде, который принял решение с 11 августа по 4 сентября 1869 г. провести ее ревизию. В качестве ревизора в Новочеркасск прибыл действительный статский советник Н.А. Сергиевский⁴. Понимая сложности, связанные с до конца не решенными организационными вопросами, ревизор дал положительную оценку состоянию Донской духовной семинарии, впрочем, отметив и некоторые недостатки. Так, в отчете он указал, что вопрос с назначением недостающих преподавателей находится на завершающей стадии решения: преподаватель по греческому языку уже назначен Киевской духовной академией, а преподаватель основного и догматического богословия еще не избран Санкт-Петербургской духовной академией⁵.

Позволяющим увидеть подробности учебного процесса в семинарии был отчет о ревизии, содержащий отзывы о преподавателях. Давая характеристики наставникам, Н.А. Сергиевский писал: «Словесность, история литературы и логика преподаются не вполне удовлетворительно. Нельзя отказать наставнику этих предметов Хераскову (окончил курс в Санкт-Петербургской духовной академии в 1867 г.) ни в некотором знании взятых им на себя предметов, ни в способности быть преподавателем: главная причина неудовлетворительного преподавания заключается в недостатке усердия к своему делу, вследствие чего он приходил в класс не совсем го-

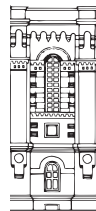
¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 5. Д. 2. Л. 11.

² Акт, бывший в Донской духовной семинарии ... С. 407.

³ Там же. С. 407–408.

⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1884 г. Д. 6. Л. 7.

⁵ Там же.

товый, говорил вяло, читал, например, в продолжение всего класса Слово о полку Игореве, вместо того, чтобы рассказать ученикам содержание этого словесного произведения и указать на его значение в литературе»¹. Также не вполне положительным был отзыв о преподавании исторических предметов: «Нельзя назвать вполне удовлетворительным преподавания всеобщей церковной истории, истории Русской церкви и практического руководства для пастырей Церкви: преподаватель этих предметов Сланский (окончил курс в Киевской академии в 1863 г. и сначала был наставником Екатеринославской семинарии, а потом смотрителем Новочеркасского духовного училища) не столько заботился о существе дела в изложении уроков, сколько о красивой фразе, не всегда последователен в объяснениях, часто не договаривает второй половины периода или предложения, употребляя взамен того да, или какой-нибудь жест рукой»².

Если выпускники духовных академий оказались не на высоте, то преподаватели иностранных языков получили высокую оценку ревизора: «Учители иностранных языков Вейдле и Дени очень хороши и по методе преподавания, и по познаниям. Жаль только, что они не всегда вовремя приходят на уроки в семинарию, будучи связаны уроками в других учебных заведениях г. Новочеркаска»³. Действительно, проблема совмещения расписания преподавателей семинарии, задействованных в других учебных заведениях, еще долго не могла разрешиться. По этой причине некоторым из них пришлось покинуть семинарию, от чего пострадали в первую очередь семинаристы.

Анализируя степень успеваемости воспитанников Донской духовной семинарии, Н.А.Сергиевский справедливо отметил то, о чем говорил на торжественном акте по случаю завершения первого года обучения секретарь Правления семинарии М. Сланский. В отчете ревизор указал, что степень успехов воспитанников семинарии не одинакова: «Ученики I класса, только что поступившие в семинарию из Новочеркасского и Усть-Медведицкого училищ, с трудом принимают за математику, не получив в училищах основательных арифметических познаний; затем принятые из Новочеркасского училища слабы в обоих древних языках, а поступившие из Усть-Медведицкого училища хорошо знают эти языки»⁴. Результаты работы преподавательского состава для ревизора были очевидны: обучавшиеся в разных семинариях воспитанники к концу учебного выровнялись в своих познаниях»⁵.

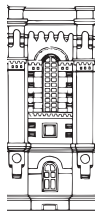
¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1884 г. Д. 6. Л. 35.

² Там же. Л. 35–35об.

³ Там же. Л. 36об.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 38об.

Особенно отрадным был пункт отчета ревизора о нравственности семинаристов: «Нравственность воспитанников... вообще может быть названа очень хорошей... Доброе настроение воспитанников Донской семинарии нельзя не приписать особенной заботливости местного Преосвященного, а также уменью действовать на них и.д. ректора архимандрита Вениамина, и.д. инспектора Орлова»¹.

Как видно, отчет Н.А. Сергиевского, несмотря на замечания общего характера, оказался позитивным и доброжелательным. Более того, ревизор оказал семинарии существенную методическую помощь. По словам архимандрита Вениамина, «в начале 1869/1870 г. производивший ревизию Донской семинарии член Учебного комитета... Н.А. Сергиевский разрешил многие недоумения по учебной части и сделал указания относительно преподавания всех предметов семинарского курса. Это заметным образом облегчило дело обучения»². В течение первого учебного года исполняющему должность ректора и преподавательской корпорации семинарии, несмотря на трудности, связанные с необходимостью замещения кафедр, остававшихся без преподавателей, отсутствием необходимых учебных пособий и разницей в подготовке воспитанников, удалось организовать учебный процесс, который дал достаточно высокие результаты, отмеченные ревизором Учебного комитета.

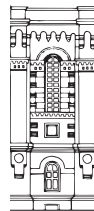
Успешное завершение первого учебного года поставило вопрос о месте, которое должен занимать ректор семинарии во время соборных священнослужений. В связи с этим в «Донских епархиальных ведомостях», подробно освещавших события, связанные с жизнью семинарии, была опубликована заметка, в которой сообщалось, что «по указу Его Императорского Величества... ректоры семинарий... по важности занимаемой должности должны при соборных священнослужениях занимать место непосредственно за кафедральными протоиереями, а в тех случаях, когда кафедральный протоиерей будет моложе ректора семинарии из протоиереев по заслугам своим, последний должен занимать место высшее против кафедрального протоиерея»³. Несмотря на то, что основным местом служения исполняющего должность ректора Донской духовной семинарии архимандрита Вениамина была крестовая церковь, поднятый вопрос был чрезвычайно важен, поскольку он свидетельствовал о высоком статусе ректора.

Второй год принес семинарии не только облегчение, связанное с назначением недостающих преподавателей и основанием

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1884 г. Д. 6. Л. 9–10.

² ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 76. Л. 70.

³ По вопросу о месте, которое должен занимать ректор семинарии из протоиереев во время соборных священнослужений // ДЕВ. 1869. № 26. С. 423–424.

фундаментальной и ученической библиотек, но и новые «недоумения». Преподаватели были обязаны работать по программам, разработанным и утвержденным Учебным комитетом, однако к 1869/1870 учебному году по ряду дисциплин в Правление семинарии программы еще не поступили. Так, по изучению «философских систем» программа была получена в ноябре, по гражданской истории – в конце марта¹. Эта задержка стала причиной невыполнения некоторыми преподавателями учебного плана. Кроме этого, новые программы не были обеспечены учебными пособиями: «По некоторым предметам учебники не были указаны... а вновь указанные учебники по иным предметам не были еще изданы»². В связи с этим преподаватели, как и в 1868/1869 учебном году, вынуждены были давать семинаристам «собственные записки по своим предметам»³.

Технические сложности в организации учебного процесса были не единственными. Февраль и октябрь 1870 г. ознаменовались недолгими противостояниями архиепископа Платона и Правления семинарии, связанными с желанием Преосвященного усовершенствовать обучение семинаристов. Первый случай, когда Правление выразило несогласие с мнением архиепископа, был обусловлен решением проблемы недостаточной практики составления и произнесения семинаристами проповедей и поучений. 23 февраля 1870 г. Преосвященный внес предложение Правлению семинарии следующего содержания: «Я замечаю, что только воспитанники VI класса Донской семинарии сочиняют и говорят проповеди, притом немногие и редко; а при таком распорядке ученики семинарии не навыкнут хорошо составлять и произносить церковные поучения. Потому предлагаю семинарскому Правлению сделать распоряжение, чтобы все воспитанники V и VI классов семинарии занимались составлением проповедей и произносили оные в воскресные и праздничные дни в Архиерейской церкви⁴ на ранних и поздних литургиях, а ученики III и IV классов приучались к составлению катехизических поучений в виде толкований Свящ. Писания, которое изъясняется им наставниками»⁵. Правление семинарии, ссылаясь на недостаток времени у воспитанников, предложило ученикам V класса, помимо произнесения ими одной проповеди в год «собственного их сочинения», ограничиться произнесением уже готовых проповедей, отличавшихся назидательностью, «по преимуществу тех, которые были разобраны ими»⁶, и которые «имеются в семинарской библи-

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 76. Л. 70об.

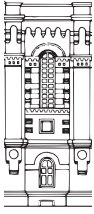
² Там же. Л. 71.

³ Там же. Л. 71.

⁴ Имеется в виду крестовая церковь в Архиерейском доме.

⁵ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 76. Л. 90об.

⁶ Там же. Л. 91.

отеке в немалом количестве»¹. Относительно воспитанников III и IV классов Правление вынесло решение не привлекать их ни к составлению, ни к произнесению проповедей и катехизических бесед, так как, по его мнению, «ученики достаточно приготавливаются к сочинению проповедей и, по всей вероятности, когда поступят в V и VI классы, будут писать проповеди лучше, нежели теперешние ученики V и VI классов, которые до поступления в эти классы только в течение одного года слушали объяснения Свящ. Писания по новому уставу»².

Высокопреосвященнейший Платон, ознакомившись с мнением Правления, написал резолюцию, выразившую несогласие с его позицией: «Объяснение замечательных мест Свящ. Писания, делаемое наставником в классе, записывается учениками III и IV классов; поэтому, мне кажется, нетрудно исполнить то, что я сказал... Для этого нужно только то, чтобы объяснения замечательных мест Свящ. Писания, записываемые теперь учениками в классе, по возможности кое-как излагались по назначению наставника, хотя однажды³ в треть года, потщательнее и правильнее. Из этого выйдет та польза, что ученики будут слушать наставника внимательнее, записывать объяснения его усерднее, вникать в смысл Свящ. Писания глубже, излагать мысли свои лучше. Прочитать в треть по одному объяснению, изложенному учениками, едва ли может быть обременительно для наставника, в особенности деятельного и усердно пекущегося о лучшем образовании вверенных ему воспитанников»⁴. Ознакомившись с резолюцией архиепископа Платона, Правление семинарии вынесло определение, согласно которому ученики III и IV классов, кроме обычного сочинения по Свящ. Писанию, должны писать еще по одному сочинению каждые три месяца на темы, связанные с объяснением «замечательных» мест Свящ. Писания⁵. Предполагалось, что эти сочинения будут не только подготовкой к составлению проповедей и катехизических бесед, но и по желанию Преосвященного могут быть произнесены во время литургии в крестовой церкви.

Второе столкновение интересов Высокопреосвященнейшего Платона и Правления семинарии было связано с увеличением часов на преподавание учения о расколе⁶. Обратив внимание на то, что важнейшая, на его взгляд, дисциплина преподается всего два урока в неделю в рамках изучения догматического богословия,

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 76. Л. 91.

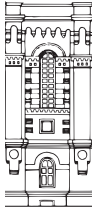
² Там же. Л. 91–91об.

³ Имеется в виду «хотя бы один раз».

⁴ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 76. Л. 91об.

⁵ Там же. Л. 91об.

⁶ Подробнее этот сюжет освещен в разделе «Миссионерская направленность деятельности Донской духовной семинарии».

а не как самостоятельная дисциплина¹, Преосвященнейший, не взирая на доводы Правления, настоял на том, чтобы учение о расколе преподавалось как самостоятельная дисциплина для желающих воспитанников V и VI классов вместо обучения их пению и гимнастике². Изменение в учебном плане, внесенное по настоянию архиепископа Платона, было утверждено указом Св. Синода от 14 апреля 1871 г.³

Третий год жизни Донской духовной семинарии был отмечен не только значительным пополнением фундаментальной и ученической библиотек. Введение нового устава духовных семинарий в 1870/1871 учебном году наконец увенчалось появлением печатных учебников по некоторым предметам⁴.

Важным событием этого года было издание 14 апреля 1871 г. указа Св. Синода, определившего возможности дальнейшего обучения выпускников духовных семинарий. Согласно этому указу, каждая семинария обязывалась ежегодно, не позднее 1 мая, представить Св. Синоду сведения об оканчивающих курс воспитанниках, которые могли бы «по их способностям, успехам, нравственности»⁵ продолжить обучение в духовной академии. В обязанности семинарским Правлениям также вменялось заинтересовать выпускников перспективой дальнейшего обучения и «назначить для поступления в академии окончивших курс воспитанников семинарии, отличающихся не только успехами, но и поведением»⁶. Несмотря на указ, Донская духовная семинария только в 1877 г. впервые публично объявила о «назначении» своего выпускника для поступления в духовную академию⁷. Первые годы рекомендации ограничивались исключительно Киевской духовной академией, и только в 1885 г. Правление семинарии дало рекомендацию для поступления в Московскую духовную академию⁸.

После учреждения в 1871 г. викарной кафедры и шести лет неустанных забот о духовной семинарии и духовных училищах, 12 февраля 1872 г.⁹ архиепископ Платон обратился в Учебный комитет Св. Синода с прошением о разрешении поручить «ближайший надзор» за духовными учебными заведениями «под главным его наблюдением и руководством» Преосвященному Никанору (Бровковичу), епископу Аксайскому, викарию Донской и Новочер-

¹ Снесарев Н.П. Донская епархия и десятилетнее управление ею архиеп. Платона. Вып. 2. С. 133.

² Там же. С. 137.

³ Там же.

⁴ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 124. Л. 2–2об.

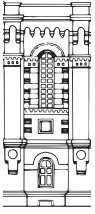
⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ ДЕВ. 1877. № 17. С. 539–540.

⁸ Там же. 1885. № 14. С. 495.

⁹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 157. Л. 1–2.

касской епархии¹. Архиепископ Платон назвал две причины, заставившие его просить о помощи Преосвященного Никанора: множество епархиальных дел, поглощающих все его время, и недуги². Личность викария – доктора богословия, бывшего ректора духовных семинарий и академии, по мнению Высокопреосвященнейшего Платона, «своим влиянием на донские духовные учебные заведения будет много содействовать их благоустройству»³. Архиепископ Платон просил Св. Синод о следующих правах для своего викария: «1) посещать духовно-учебные заведения Донской епархии и вникать во все части управления их с тем... чтобы о всех замеченных в них недостатках и тех мерах, которые, по его мнению, нужно применять к улучшению той или другой части их устройства, сообщать епархиальному архиерею для надлежащего распоряжения и 2) в случае болезни Преосвященного Платона и отсутствия его... Преосвященный Никанор мог бы рассматривать и утверждать журналы семинарского и училищных Правлений и делать по оным нужные предложения сим Правлениям, кроме тех статей, кои по важности своей будут требовать непосредственного рассмотрения и распоряжения Преосвященного архиепископа Платона»⁴. Рассмотрев прошение, Учебный комитет журнальным определением от 5 апреля 1872 г. предоставил просимые права епископу Никанору⁵. Заключение Учебного комитета было утверждено Св. Синодом 20 апреля 1872 г.⁶ Преосвященный Никанор исполнял обязанности по надзору за духовными учебными заведениями Донской епархии до 1877 г., но влияние, которое «могло бы содействовать их благоустройству»⁷, донским духовенством замечено не было, и не нашло отражения ни в «Донских епархиальных ведомостях», ни в делопроизводстве Донской духовной семинарии.

В 1874 г. в Донской духовной семинарии по инициативе преподавательской корпорации и семинаристов⁸ была установлена добрая традиция празднования юбилеев преподавателей семинарии. 24 марта 1874 г. отмечался юбилей 25-летней службы исполняющего должность инспектора Донской духовной семинарии Василия Алексеевича Орлова. Первые поздравления юбиляр получил от Высокопреосвященнейшего Платона, который поздравил его и поблагодарил за многополезные труды в семинарии и «в прежнее время» в консистории. Также Владыка благословил его иконой Христа

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1872 г. Д. 4. Л. 2.

² Там же.

³ Там же.

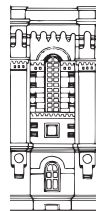
⁴ Там же. Л. 2об.

⁵ Там же. Л. 3об.

⁶ Там же. Л. 4.

⁷ Там же. Л. 2.

⁸ Юбилей двадцатипятилетней службы исправляющего должность инспектора Донской духовной семинарии Василия Алексеевича Орлова // ДЕВ. 1874. № 10. С. 299–300.

Спасителя в серебряном окладе¹. В семинарии по инициативе сослуживцев архимандритом Вениамином в семинарском зале был отслужен благодарственный молебен. На молебне присутствовали все желающие разделить радость торжественной минуты: новочеркасское духовенство, учителя Новочеркасского духовного училища, воспитанники семинарии и бывшие ученики В.А. Орлова по Воронежской и Донской семинариям. После молебна юбиляр получил памятные подарки – столовые часы «от уважающих его сослуживцев»² и барометр с пьедесталом от воспитанников VI класса, которым В.А. Орлов преподавал физику³.

В 1877 г. завершилась целая эпоха, связанная с деятельностью на Донской кафедре выдающегося иерарха Русской православной церкви Высокопреосвященнейшего Платона. В этом году он был переведен на Херсонскую кафедру, но Донская духовная семинария, открытая и устроенная его усилиями, продолжила свою жизнь. 1877 г. в истории семинарии был отмечен корректировкой организации учебного процесса, связанной не в последнюю очередь с совершенствованием системы духовного образования. По результатам очередной ревизии, закончившейся осенью 1877 г., архимандрит Вениамин 15 марта 1877 г. внес ряд предложений в Правление семинарии. Они касались повышения уровня образования, успеваемости и поведении семинаристов, составления правил, регламентирующих разные стороны внутренней жизни семинарии. Так, архимандрит Вениамин, ссылаясь на замечание ревизора, призвал Правление семинарии принять меры к возвышению письменных ученических работ⁴ и принятию «энергических мер» против «опущения учениками по лености уроков»⁵. Важнейшим нововведением было обязательное присутствие всех преподавателей семинарии во время заслушивания ежемесячных ведомостей об успехах и поведении учеников. Присутствие преподавателей было необходимо для разъяснений причин неуспеваемости учеников и пояснений, были ли приняты предупредительные меры относительно неуспевающих⁶. В воспитательной части, по указанию ревизора, архимандритом Вениамином было внесено предложение инспектору вести «записки по нравственно-воспитательной части», куда вносились бы результаты наблюдения за поведением учащихся, проступки, взыскания и проч.⁷ Для контроля чтения учеников было предложено организовать «пра-

¹ Юбилей двадцатипятилетней службы ... С. 300.

² Там же. С. 300–301.

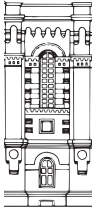
³ Там же. С. 304.

⁴ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 376. Л. н/п.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

вильное чтение» под руководством преподавателей. При этом ревизор настаивал на составлении для этих целей правил¹.

Совершенствование Учебным комитетом системы образования потребовало от Правлений духовных семинарий составления ряда правил: о выдаче ученикам книг из фундаментальной библиотеки по указанию наставников; об участии преподавателей в воспитании учащихся; относительно занятий гимнастикой и «для производства ревизий в училищах»².

Озвученные архимандритом Вениамином предложения были частично реализованы к октябрю 1877 г. Так, преподаватель А.К. Гиляревский 4 октября 1877 г. составил обширные правила для занятия гимнастикой³. Одним из основополагающих пунктов этих правил был следующий: «При занятиях гимнастикой необходимо иметь в виду то, чтобы гимнастические упражнения не послужили препятствием для умственного развития воспитанника, что бывает тогда, когда воспитанник развивает пристрастие к гимнастическим упражнениям. Несомненно, что привычка к постоянному движению почти всегда переходит в отвращение ко всякому усидчивому труду; сильные мускульные движения отвлекают от умственной деятельности и при злоупотреблении ими могут довести маломыслящего до полного отупения. Вот почему... ученики, отличающиеся на гимнастических играх, во многих других отношениях не очень радуют своих воспитателей»⁴. 5 октября были составлены правила пользования книгами из фундаментальной библиотеки Донской духовной семинарии для ее воспитанников⁵.

Служение архимандрита Вениамина в Донской епархии завершилось в 1879 г. 10 февраля 1879 г. он был назначен епископом Екатеринбургским, викарием Пермской епархии. Длительное служение исправляющим должность ректора Донской духовной семинарии оставило у донского духовенства, воспитанников семинарии и новочеркасцев самые добрые чувства, описанные А.А. Кирилловым: «Деятельность о[тца] архимандрита Вениамина... на пользу вновь открытой семинарии была насколько продолжительна, настолько и плодотворна, в смысле твердого и вместе мирного, спокойного направления жизни юной семинарии в надлежащем соответствии требованиям устава. Это был смиренный инок, любивший одиночество, безмолвие, строгий к себе, исполнительный до точности и требовавший от других той же аккуратности, его отношения к питомцам, как и к сослуживцам-подчиненным всегда запечатлены были духом кротости... он сумел вдохнуть

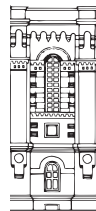
¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 376. Л. н/п.

² Там же.

³ Там же. Л. 19–22об.

⁴ Там же. Л. 22–22об.

⁵ Там же. Л. 25–27.

в [семинарию] дух жизни и сообщить ей своими распоряжениями и мероприятиями устойчивость, благодаря чему и посещавшие семинарию ревизоры отзывались о ней одобрительно. На память о себе архимандрит Вениамин оставил в дар любимой им семинарии тысячу рублей с тем, чтобы на проценты с этого капитала покупались книги и учебные пособия для бедных воспитанников»¹.

ВЫБОРЫ РЕКТОРА

Епископская хиротония архимандрита Вениамина, отдавшего Донской духовной семинарии почти 11 лет своей жизни, поставила вопрос о новом ректоре. 31 января 1879 г. архиепископ Донской и Новочеркасский Александр (Добрынин) получил указ Св. Синода о проведении Правлением семинарии выборов на должность ректора. Правление, ранее не сталкивавшееся с подобной процедурой, по своему усмотрению избрало восемь кандидатов, статус и место служения которых очень различались. В список кандидатов вошли:

- начальник Алтайской миссии архимандрит Владимир (Петров);
- законоучитель Донского Мариинского института благородных девиц магистр богословия протоиерей Григорий Прозоровский;
- преподаватель Донской духовной семинарии магистр богословия Григорий Протопопов;
- законоучитель Новочеркасской учительской семинарии магистр богословия священник Николай Кратиров;
- инспектор Воронежской духовной семинарии магистр богословия священник Никифор Ляборинский;
- ключарь воронежского кафедрального Покровского собора магистр богословия священник Иоанн Адамов²;
- законоучитель Новочеркасской мужской гимназии магистр богословия протоиерей Иоаким Фесенков;
- инспектор Вифанской духовной семинарии кандидат богословия архимандрит Кирилл³.

После подачи списков кандидатов протоиерей И. Фесенков, архимандрит Кирилл, протоиерей И. Адамов, архимандрит Владимир (Петров), протоиерей Г. Прозоровский и преподаватель Григорий Протопопов отказались от участия в «баллотировке»⁴. 15 мая 1879 г. в Правлении семинарии состоялись выборы, в которых приняли участие священник Николай Кратиров и священник Никифор Ляборинский. Поскольку претенденты не получили абсолютного большинства избирательных баллов⁵, общим Педагогическим со-

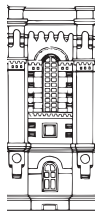
¹ Кириллов А.А. Празднование двадцатипятилетия ... С. 10.

² РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1878 г. Д. 60а. Л. 89.

³ Там же. Л. 89об.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

бранием Правления семинарии было принято решение «инспектора Воронежской семинарии священника Никифора Ляборинского и законоучителя Новочеркасской учительской семинарии священника Николая Кратирова... считать неизбранными на должность ректора Донской семинарии»¹.

Докладывая 28 мая 1879 г. Св. Синоду о результатах прошедших выборов, архиепископ Александр просил о назначении ректора семинарии по усмотрению Св. Синода, поскольку, Преосвященный не имел собственного кандидата на эту должность². Учебный комитет представил «на благоусмотрение Св. Синода» трех кандидатов на эту должность из монашествующего духовенства, имеющих степень кандидата богословия:

- преподавателя Киевской духовной семинарии архимандрита Амвросия;
- смотрителя Петрозаводского духовного училища соборного иеромонаха Иоанникия;
- преподавателя Костромской духовной семинарии архимандрита Мефодия³.

Сопровождая определение от 9 ноября 1879 г. о назначении на должность ректора Донской духовной семинарии, Св. Синод писал: «Имея в виду, что члены Правления Донской духовной семинарии при избрании кандидата на должность ректора семинарии обнаружили полное отсутствие между ними согласия, столь необходимого в руководителях учебного заведения, и уменье пользоваться предоставленными им правами⁴, Св. Синод находит бесполезным дальнейшее продолжение выборов на ректорскую вакансию в названной семинарии и вследствие сего определяет: назначить на таковую вакансию преподавателя Костромской духовной семинарии архимандрита Мефодия с званием по степени кандидата богословия, исправляющим должность ректора, о чем и дать знать Преосвященным Донскому и Костромскому указами, а в Учебный комитет передать выписку из сего определения»⁵.

Начался следующий этап истории Донской духовной семинарии.

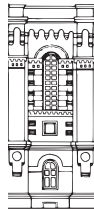
¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1878 г. Д. 60а. Л. 90.

² Там же.

³ Там же. Л. 96об.–97.

⁴ Там же. Л. 98.

⁵ Там же.. Л. 98об.

4.2. ИСПОЛНЯЮЩИЙ ДОЛЖНОСТЬ РЕКТОРА АРХИМАНДРИТ МЕФОДИЙ (НИКОЛЬСКИЙ) (1879–1882)

Впослужном списке архимандрита Мефодия, окончившего Владимирскую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия¹, Донская духовная семинария была первым учебным заведением, где он исполнял обязанности ректора. На недолгое время его пребывания в этой должности пришлось важнейшие события: долгожданное строительство семинарского корпуса, расширение кафедры учения о русском расколе и становление певческого дела в Донской духовной семинарии. Это время было отмечено также первыми внутрисеминарскими конфликтами, вышедшими далеко за пределы Новочеркасска.

Итак, в сентябре 1880 г., почти через год после назначения архимандрита Мефодия исправляющим должность ректора, совершилось знаменательное событие, ожидаемое 12 лет, – архиепископом Донским и Новочеркасским Митрофаном (Вицинским) при непосредственном участии архимандрита Мефодия была совершена торжественная закладка главного корпуса семинарии². Еще весной 1880 г. в преддверии начала строительных работ был избран и Высокопреосвященнейшим Митрофаном утвержден новый состав строительного комитета. В него вошли архимандрит Мефодий, и.д. инспектора семинарии В.А. Орлов³, преподаватели Г.И. Протопопов и А.К. Гиляревский⁴, священник новочеркасского кафедрального собора Александр Власов. Также обязательным членом комитета был архитектор А.А. Яценко, «перешедший затем на службу в Санкт-Петербург»⁵. Начавшиеся работы отличались масштабностью: кроме строительства главного корпуса была начата перестройка старого здания и устроена больница⁶.

Масштабное строительство, требовавшее неустанных забот и внимания и.д. ректора, не мешало ему заниматься проблемами учебного процесса. Так, при архимандрите Мефодии был сформирован новый состав органов управления семинарией: Правления и Распорядительного собрания⁷. Продолжилось формирование преподавательской корпорации: вакантную кафедру калмыцкого языка после предоставления программы курса занял кандидат

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 5. Д. 11. Л. 1об.–8.

² Кириллов А.А. Речь, сказанная на публичном собрании ... 1884. № 19. С. 728.

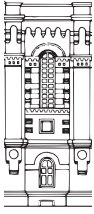
³ Там же.

⁴ Там же. С. 727.

⁵ Там же. С. 728.

⁶ Там же.

⁷ ГАРО. Ф. 352. Оп. 5. Д. 12. Л. 6.

богословия Александр Зверев¹, одновременно преподававший гомилетiku, литургику и практическое руководство для пастырей². На кафедру гражданской истории обер-прокурором Св. Синода был назначен бывший смотритель Симбирского духовного училища Иосиф Меканаров³.

В 1881 г. по инициативе архиепископа Митрофана в Донской духовной семинарии была учреждена самостоятельная кафедра истории и обличения русского раскола и ересей⁴. Предпосылкой к началу ходатайств Высокопреосвященнейшего Митрофана было циркулярное определение Св. Синода от 9–25 января 1881 г. «Об учреждении особых кафедр по расколу» в Московской и Саратовской духовных семинариях⁵. Поскольку Область войска Донского продолжала оставаться одной из самых густонаселенных старообрядцами разных толков, желание архиепископа «иметь в Донской епархии достаточное количество миссионеров»⁶ было вполне обоснованным. Кафедра, полное название которой – «Учения о русском расколе и ересьях (молоканской, хлыстовской и скопческой)», была учреждена указом от 26 мая 1882 г. с условием учреждения штатной должности преподавателя на средства Донской и Новочеркасской епархии⁷. Действовать кафедра начала с 1882/1883 учебного года⁸. Ее преподавателем стал магистр богословия Николай Петрович Кутепов (с 1891 г. священник)⁹, внесший значительный вклад в развитие миссионерского дела в Донской епархии. С 4 апреля 1896 г. по 19 января 1906 г. протоиерея Н. Кутепова сменил Евграф Михайлович Овсянников¹⁰, а с 11 ноября 1906 г. кафедру занимал Дмитрий Иванович Грацианский¹¹.

При учреждении кафедры программа обучения была дополнена часами: воспитанники IV класса изучали историю раскола два урока в неделю, в V классе им также два урока в неделю преподавалось «Обличение раскола», а история и обличение хлыстовской, скопческой и молоканской ересей была включена

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 5. Д. 12. Л. 7.

² Оп. 1. Д. 355. Л. 18об.–22.

³ Там же. Оп. 5. Д. 12. Л. 7–7об.

⁴ Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Св. правительствующего Синода Высокопреосвященному Митрофану, архиепископу Донскому и Новочеркасскому об открытии при семинарии самостоятельной кафедры по учению о русском расколе // ДЕВ. 1882. № 12. С. 334.

⁵ Там же. С. 335.

⁶ Там же. С. 334.

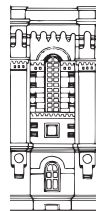
⁷ Там же. С. 335.

⁸ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 593. Л. 5об.

⁹ Там же. Д. 964. Л. 8.

¹⁰ Там же. Д. 1264. Л. 3.

¹¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 1126. Л. 6об.

в учебный план VI класса (два урока в неделю)¹. В связи с основанием кафедры в воскресные и праздничные дни семинаристы под руководством преподавателя начали проводить в стенах семинарии собеседования со старообрядцами. Чаще всего для проведения бесед избиралось время Великого поста. Целью этих миссионерских бесед было «вразумление» старообрядцев и практическое ознакомление воспитанников с ведением собеседований².

В системе духовного образования Русской православной церкви второй половины XIX в. певческое искусство, несмотря на обязательное преподавание во всех духовных учебных заведениях предмета «церковное пение», выполняло второстепенную роль и зависело исключительно от желания семинарского руководства иметь «хорошо поставленное» пение за богослужением. Ярким примером этому было и указание Правлению семинарии архиепископа Платона (Городецкого) в 1870 г. расширить преподавание учения о русском расколе за счет церковного пения и гимнастики³, и оценка церковного пения (и гимнастики), данная в указе Св. Синода 1882 г. как предметов, «не требующих со стороны воспитанников умственного напряжения»⁴. Тем не менее вопрос о преподавании церковного пения был всегда актуальным для Донской духовной семинарии. Первые годы этот предмет преподавали выпускники духовных академий, одновременно занимающие другие кафедры: Николай Рунов (с 8 августа 1868 г. по 4 сентября 1870 г.)⁵, Николай Викторович Кратиров, позже хиротонисанный в сан священника (с 10 сентября 1870 г.)⁶, Василий Михайлович Лебединский (1876–1881 гг.)⁷. Ситуация начала меняться в 1881 г. после приглашения на должность преподавателя церковного пения Николая Арсеньевича Лебедева. Несмотря на то что о нем сегодня ничего неизвестно, кроме того, что он в течение года преподавал в Донской духовной семинарии⁸, составленная им докладная записка на имя и. д. ректора архимандрита Мефодия не только свидетельствует о нем как о человеке, представляющем цели, задачи и методы обучения будущего духовенства церковному пению, но и как о мастере своего дела. Поскольку источники такого рода сегодня являются большой редкостью, приводим документ полностью:

¹ По поводу открытия при Донской духовной семинарии особой штатной кафедры «Учения о русском расколе и ересях» // ДЕВ. 1882. № 14. С. 544.

² Там же.

³ Снесарев Н. П. Донская епархия и десятилетнее управление ею архиеп. Платона. Вып. 2. С. 137.

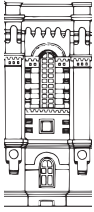
⁴ Указ Его Императорского Величества ... 1882. № 12. С. 335.

⁵ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 74. Л. 24об.-28; Д. 124. Л. 1об.

⁶ Там же. Д. 75. Л. 14.

⁷ Там же. Оп. 5. Д. 267. Л. 7об.-10.

⁸ Там же. Оп. 1. Д. 545. Л. 4-5. Д. 609. Л. 6.

*«И.д. ректора архимандриту Мефодию
учителя церковного пения при семинарии
Николая Лебедева*

Принявши на себя должность учителя церковного пения во вверенной Вам семинарии, я нахожу нужным представить на благоусмотрение Вашего Высокопреподобия свои соображения как о цели, достижение которой в настоящем случае было бы для меня желательно, так и о средствах к ее достижению.

1. Воспитанники духовных семинарий приготавливаются на служение Церкви в качестве псаломщиков и священников, обязанных отправлять богослужение, а поэтому они необходимо должны уметь петь, и, во-первых, они должны знать простое, принятое у нас церковное пение, так называемое пение понаслышке, так, чтобы каждую церковную песнь они могли пропеть именно тем напевом, которым она обычно поется. Во-вторых, они обязательно должны знать так называемую обиходную ноту, чтобы могли петь те церковные песни, которые обыкновенно поются по «церковному обиходу». Достижение этого и должно составлять главнейшую задачу учителя церковного пения в духовной семинарии.

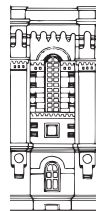
2. Воспитанники духовных семинарий во время обучения своего в них обязаны петь в церкви за богослужением. Таким образом, обучением их одиночному пению ограничиться нельзя, нужно обучать их пению хоровому. А для удобнейшего достижения этого необходимо ознакомить их с так называемой партесной нотой.

3. Желательно, чтобы будущие псаломщики и священники явились не единоличными певцами при богослужении, но чтобы они привлекали к церковному пению и своих прихожан. Нужно, таким образом, чтобы они могли быть учителями церковного пения и учителями со вкусом и пониманием дела, а отсюда является потребность ознакомления их с партесным пением – ознакомления теоретического и практического.

4. Имея в виду это, а равно и положенное в семинарии вознаграждение учителю пения, я полагаю бы распределить свои занятия так: а) назначить для пения четыре урока в неделю; б) три из них посвятить на классные занятия с отдельными классами; в) для того всех воспитанников семинарии, имеющих обучаться пению, разделить на три группы в таком сочетании: группа первая из I и II классов, группа вторая из III и IV классов и группа третья из V и VI классов; в) четвертый урок употребить на приготовление к богослужению предстоящему и на общее хоровое пение; и д) причем развивать по мере возможности, я сам буду присутствовать при богослужении и управлять хором.

5. Для успешного ведения дела необходимо, чтобы воспитанники имели учебные книги нотного пения и именно книгу Потулова, а в крайнем случае хотя бы простой «обиход», при пении воспитанники должны петь стоя, но не сидя.

6. Пение есть искусство, научиться которому может желающий научиться или обязанный учиться. Иначе все усилия учителя останутся без желаемых результатов. А потому желательно, чтобы в отношении тех воспитанников, которые не будут обнаруживать расположения изучать церковное пение, были употреблены соответственные

побудительные меры. С своей стороны я просил бы: а) дозволить мне иметь особый журнал для обозначения в нем как успехов воспитанников по пению, так и поведения их во время уроков пения, и б) отметкам моим придавать надлежащее значение, т.е. менять их воспитанникам.

1881 год, 28 октября.

Учитель пения Николай Лебедев»¹

119

Рассмотрев докладную записку Н. Лебедева, педагогическое собрание Правления семинарии постановило удовлетворить все просьбы преподавателя². Однако это не дает представления о том, были ли реализованы намерения Н.А. Лебедева. Лишь тот факт, что через 6 лет после его увольнения на должность преподавателей церковного пения в семинарию приглашались регенты Архиерейского хора священники Василий Костенко и Михаил Ерхан, позволяет предположить, что как в преподавании церковного пения, так и в пении семинарских хоров Донской духовной семинарии начали происходить положительные изменения.

Одним из неприятных эпизодов семинарской жизни времени архимандрита Мефодия были первые в истории Донской духовной семинарии нештатные ситуации, неблагоприятным образом повлиявшие на судьбу и.д. ректора. В декабре 1879 г., во время игры в карты в квартире клирика Николаевской церкви г. Новочеркасска и эконома Донской духовной семинарии священника Николая Захарова, произошла ссора между преподавателями семинарии Григорием Протопоповым, Михаилом Стефановичем, помощником смотрителя Новочеркасского духовного училища Николаем Троицким и законоучителем Донского Мариинского института и членом Донской духовной консистории священником Николаем Кратировым³. Ссора, завершившаяся дракой, состоялась «из-за несправедливо будто бы присвоенных Стефановичем денег»⁴. Во время ссоры Г. Протопопов, Н. Троицкий и священник Н. Кратиров «силой отнимали у Стефановича присвоенные будто бы им деньги, причем Троицкий нанес Стефановичу удар рукой... после... второй удар стулом по голове и прошиб голову до крови»⁵. Чтобы решить возникшую проблему миром, не доводя до возбуждения уголовного дела, Стефанович согласился принять от Троицкого компенсацию в 1000 руб.⁶

Поскольку информация об этом инциденте вышла за пределы Донской духовной семинарии, и.д. ректора семинарии архимандрит Мефодий вынужден был донести о происшествии в Учебный

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 541. Л. 1–2.

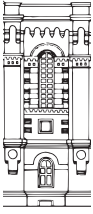
² Там же. Л. 5–5об.

³ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1880 г. Д. 32. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 9об.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

комитет Св. Синода. Длительное разбирательство привело к следующим результатам: М. Стефанович отказался от денег, предлагаемых ему Н. Троицким, и по настоянию Учебного комитета уволился из семинарии «с правом поступать на должность преподавателя в другое духовное учебное заведение»¹. Священнику Н. Кратирову архиепископом Донским и Новочеркасским Митрофаном (Вицинским) было сделано «строгое внушение»² и предложено уволиться из членов Донской духовной консистории³. Также по настоянию Преосвященного, 26 марта 1880 г. прошение об увольнении подал Н. Троицкий⁴.

Казалось бы комичная ситуация (не считая разбитой головы М. Стефановича) вызвала широкий резонанс не только среди новочеркасской общественности, но и в Учебном комитете. Спустя два года новый исполняющий должность ректора семинарии, скорее всего, вспоминая именно эту историю, утверждал, что «высшее начальство смотрит на большую часть преподавателей Донской семинарии как на людей опальных»⁵.

Через полгода в Донской семинарии произошел новый конфликт, дошедший до Учебного комитета, на этот раз между исполняющим должность ректора, Правлением семинарии и членом Правления от духовенства священником Александром Власовым. Движимый идеей «улучшения состояния учебного дела», он весной 1880 г. подал рапорт обер-прокурору Св. Синода графу Д.А. Толстому⁶. В рапорте, поставив вопрос о том, имеет ли он право как член семинарского Правления от духовенства «пользоваться предоставленным им § 102 и 103 Устава наравне с другими членами Правления правом входить с своими предположениями в Правление по вопросам, касающимся мер к улучшению состояния учебного дела в семинарии»⁷, он изложил жалобу на преподавателя словесности Донской духовной семинарии И.И. Хераскова. Священника А. Власова не устраивало, что И. Херасков, помимо семинарии, «состоит учителем русского языка в Новочеркасском училище, имея в этом училище свыше 20 уроков, и не пользуясь требуемым § 67 Устава для прохождения этой должности разрешением епархиального архиерея»⁸. Кроме этого, он «занимается в очень широких размерах домашним приготовлением лиц, желающих поступать в юнкерское училище или держать при нем экзамен на чин, каковое его занятие, при условии службы г. Хераскова и связанного с нею зна-

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1880 г. Д. 32. Л. 11.

² Там же.

³ Там же. Л. 13об.

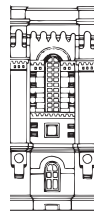
⁴ Там же. Л. 13.

⁵ Там же. 1884 г. Д. 6. Л. 2об.

⁶ Там же. 1880 г. Д. 27.

⁷ Там же. Л. 1.

⁸ Там же.

чительного влияния на производство экзамена в этом заведении, едва ли законно, во всяком случае, возбуждает в городе громкую, в высшей степени неместную как для г. Хераскова, так и для семинарии молву»¹. Также члена семинарского Правления возмущало, что И. Херасков «делает не всегда полные уроки в семинарии, т.е. является в класс значительно позже назначенного времени; приходит позже открытия и уходит раньше окончания педагогических заседаний Правления; вообще в такой степени обременен классными и внеклассными занятиями, что польза службы его для семинарии подвергается очень серьезному сомнению»². Резюмируя свою жалобу, священник А. Власов настаивал на том, чтобы обер-прокурор содействовал предложению «Хераскову оставить службу при юнкерском училище или выйти из семинарии»³. Не оставил он без внимания и позицию и. д. ректора архимандрита Мефодия, который «в самой решительной форме отказался внести на рассмотрение... мое предположение. Отношением от 2 августа... он уведомил меня, что видит в моем предположении жалобу на г. Хераскова⁴... отказ свой [и. д. ректора] мотивирует главным образом желанием оградить преподавателей семинарии от стороннего вмешательства в их преподавательскую деятельность»⁵.

Как выяснилось, жалобы священника А. Власова на И. Хераскова имели предысторию, возмутившую священника, ставшего членом Правления семинарии. Как он сам сообщал, «несколько лет тому назад г[осподин] Херасков был скомпрометирован привлечением его к уголовной ответственности за оскорбление словами и действиями жены статского советника Минюшской, был судим у мирового судьи и в мировом съезде приговорен к двухмесячному тюремному заключению... весь город трубил об этом, и только одно Правление семинарии оставалось и остается в неизвестности относительно совершившегося»⁶.

Ситуация была действительно скандальной, учитывая особенности формирования общественного мнения второй половины XIX в. Под ударом оказался не только И. Херасков, но и архимандрит Мефодий, категорически не желавший поднимать тему нравственного облика преподавателя семинарии на собраниях Правления, и не устававший свидетельствовать о том, что он «желает оградить на будущее время преподавателей вверенной [ему] семинарии»⁷.

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1880 г. Д. 27. Л. 1.

² Там же.

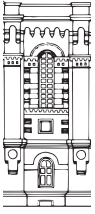
³ Там же. Л. 2.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 3об.

⁷ Там же. Л. 9об.

Рапорт священника А. Власова был рассмотрен на заседании Св. Синода в августе 1880 г. В определении подтверждалось, что § 102 и 103 семинарского устава предоставляют право всем членам семинарского Правления предлагать для обсуждения «предположения» об улучшении семинарии. Членам Правления от духовенства циркулярным указом Св. Синода от 17 апреля 1868 г. дается право даже посещать классы и «делать заявление относительно ведения учебного дела»¹. На основании этого Св. Синод выражал недоумение по поводу позиции архимандрита Мефодия: «Посему не представляется никакого основания со стороны и. д. ректора Донской семинарии архимандрита Мефодия не принимать и не вносить в Правление предположений и заявлений члена Правления от духовенства священника Власова»². В качестве решения вопроса Св. Синод, основываясь на заключении Учебного комитета, «заметив архимандриту Мефодию неправильность его отказа принять заявления священника Власова», обязал и. д. ректора вынести на обсуждение семинарского Правления вопросы, поставленные священником А. Власовым, а заключение Правления представить на усмотрение епархиального Преосвященного³.

История с дракой во время карточной игры преподавателей семинарии и рапорт священника А. Власова, основанный в большей степени на личной неприязни к И. Хераскову, чем на желании усовершенствовать учебный процесс, стали причиной перемещения 2 июля 1882 г. архимандрита Мефодия в Кавказскую семинарию⁴. Спустя более 10 лет А.А. Кириллов писал: «К сожалению, неблагоприятно сложившиеся обстоятельства и касавшиеся семинарской жизни волнения тормозили правильный ход дел и послужили немаловажной причиной перемещения преданного своему делу и невзыскательного [отца] ректора в июле 1882 г. на таковую же должность в Ставропольскую семинарию»⁵.

События, послужившие поводом для перемещения архимандрита Мефодия, никак не заслонили светлый образ и. д. ректора, который во время своего пребывания в Новочеркасске заботился о воспитании семинаристов. «Донские епархиальные ведомости» изобиловали его наставлениями и поучениями. Кроме забот по семинарии, он занимался и научной деятельностью – за перевод с французского языка на русский сочинения «Схизматическое папство» аббата Гете, ставшего православным священником в Париже, он со временем был удостоен докторской степени⁶.

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1880 г. Д. 27. Л. 20.

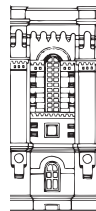
² Там же. Л. 20об.–21.

³ Там же.

⁴ ГАРО. Ф. 352. Оп. 5. Д. 12. Л. 7об.

⁵ Кириллов А.А. Празднование двадцатипятилетия ... С. 10.

⁶ ГАРО. Ф. 352. Оп. 5. Д. 12. Л. 8.

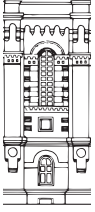

Прослужив в Кавказской семинарии один год, в 1883 г. архимандрит Мефодий оставил духовно-учебную службу. В выписке из определений Св. Синода от 2 мая 1883 г. значилось: «Ввиду отзыва Преосвященного Кавказского о болезненном состоянии и. д. ректора Кавказской духовной семинарии архимандрита Мефодия, Св. Синод определяет уволить названного архимандрита, вследствие его просьбы, по расстроенному здоровью от настоящей должности в распоряжение Владимирского епархиального начальства»¹. С 1888 г. он был настоятелем Нижегородского Благовещенского монастыря². В июне 1893 г. архимандрит Мефодий был хиротонисан в сан епископа Новгород-Северского, викария Черниговской епархии³.

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1878 г. Д. 60а. Л. 266.

² ГАРО. Ф. 352. Оп. 5. Д. 11. Л. 1об.-8.

³ Кириллов А.А. Празднование двадцатипятилетия ... С. 10.

4.3. ИСПОЛНЯЮЩИЙ ДОЛЖНОСТЬ РЕКТОРА АРХИМАНДРИТ ИОАННИКИЙ (А. КАЗАНСКИЙ) (1882–1884)

Одним из недолгих, но наполненных как завершением масштабного строительства зданий семинарии, так и разногласиями и жалобами, было время руководства Донской духовной семинарией и.д. ректора архимандритом Иоанникийем (Казанским).

Архимандрит Иоанникий, уроженец Орловской губернии, по окончании Орловской духовной семинарии вступил в брак и был рукоположен в сан диакона. Однако спокойная приходская жизнь не стала его уделом. Судьба распорядилась иначе. После окончания Московской духовной академии со степенью кандидата богословия и смерти супруги он, оставшись с малолетней дочерью на руках, был пострижен в монашество и рукоположен в сан иеромонаха. С 1872 г. иеромонах Иоанникий служил преподавателем Олонецкой духовной семинарии, с 1879 г. – смотрителем Петрозаводского духовного училища¹. В 1882 г. он неожиданно был назначен исполняющим должность ректора Донской духовной семинарии. Выбор в пользу архимандрита Иоанникия был сделан Учебным комитетом Св. Синода при следующих обстоятельствах: «Учебный комитет, озабочиваясь избранием достойного и благонадежного кандидата на должность ректора в Донскую семинарию, и на основании имеющихся в комитете сведений о состоящих на духовно-учебной службе лицах монашествующего и белого духовенства как ближайших кандидатах на ректорские вакансии в духовных семинариях... остановил свое внимание, между прочим, на смотрителе Петрозаводского духовного училища архимандрите Иоанникие как на кандидате, который мог бы с пользой для Донской семинарии занять вакантную в оной должность ректора»². Как показали последующие события, архимандрит, никогда не имевший опыта руководства духовной семинарией, занял вакантную должность не совсем с пользой для Донской семинарии, несмотря на то что именно при нем было завершено строительство главного корпуса, освящен домовый храм и устроено семинарское общежитие³.

Приезд архимандрита Иоанникия в Новочеркасск был отмечен трагичным для него событием – в середине октября 1882 г. скончалась его единственная дочь⁴. После этого он «все заботы...

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1878 г. Д. 60а. Л. 189–189об.

² Там же. Л. 188.

³ Прощание бывшего о. ректора Донской духовной семинарии с воспитанниками оной // ДЕВ. 1884. № 22. С. 358

⁴ Прощание бывшего о. ректора Донской духовной семинарии ... С. 358.

сосредоточил на своих питомцах, поставив себе нелегкую задачу – подчинить их молодую волю в послушание своей воле»¹. Пожалуй, эти слова, сказанные архимандритом Иоанникием при прощании с семинарией в 1884 г., относились не только к воспитанникам, но и к преподавательской корпорации.

Почти через год после назначения архимандрита Иоанникия исполняющим должность ректора состоялось эпохальное для Донской семинарии событие – после 12 лет подготовки и 3 лет масштабных работ, к 1 августа 1883 г. было завершено строительство главного корпуса Донской духовной семинарии и семинарской домово́й церкви, находившейся в этом корпусе². В соответствии с протоколом, 2, 20 и 25 августа 1883 г. здания осматривались инженерами строительного отделения Областного правления Анохиным и Студеникиным под председательством К.Ф. Кюнцеля и комиссией, состоявшей из членов консистории. При осмотре присутствовали члены строительного комитета семинарии и члены семинарского Правления³. В акте осмотра было засвидетельствовано, что «все здания построены согласно проектам и сметам, и правильно, и прочно, и из материалов надлежащего качества, работы сверхсметные и замененные произведены тоже вполне правильно и прочно и из материалов надлежащего качества»⁴. Были также отмечены «неудовлетворительные» результаты: центральное отопление церкви, вестибюля и прилегающих коридоров⁵. Несмотря на недостатки, обнаруженные инженерами, с 1883/1884 учебного года новый корпус начал постепенно вводиться в эксплуатацию.

Важнейшим итогом деятельности архимандрита Иоанникия было освящение домового семинарского храма. Подготовка к его открытию началась в 1882 г. и заняла полтора года. Архимандрит Иоанникий как член семинарского Правления принимал участие в составлении договора о создании иконостаса, где оговаривались его мельчайшие подробности и убранство храма. В сентябре 1882 г. он лично ездил в Москву для покупки церковной утвари и облачений⁶. Архимандрит Иоанникий сыграл решающую роль в освящении семинарской церкви в память св. апостола Иоанна Богослова, а не в честь Покрова Пресвятой Богородицы, как это изначально планировалось⁷. Храм был освящен 9 октября 1883 г.⁸

При непосредственном участии архимандрита Иоанникия в 1883 г. было открыто общежитие для 63 воспитанников Донской

¹ Там же. С. 358–359.

² Кириллов А.А. Речь, сказанная на публичном собрании ... 1884. № 19. С. 728.

³ Там же. С. 731.

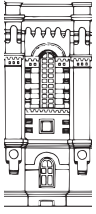
⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 732.

⁷ Там же.

⁸ Освящение домово́й семинарской церкви ... С. 773–777.

духовной семинарии¹. Исполняющий должность ректора не только принимал личное участие в закупке мебели и необходимых принадлежностей для общежития, но и «придал ему надлежащее направление»².

Благоустройство построенных семинарских зданий было не единственной заботой и. д. ректора. В 1883 г. Учебным комитетом в семинарии была проведена очередная ревизия, показавшая прекрасные результаты. В отчете ревизора отмечалось, что учебное дело здесь «велось правильно и удовлетворительно»³, начальство семинарии заботилось об образовании воспитанников и об их религиозном воспитании. В семинарском храме во все воскресные и праздничные дни в присутствии всех воспитанников совершались богослужения «при общем их участии в пении и чтении поочередно, по назначению инспектора»⁴. Соблюдая все посты, установленные церковью, все воспитанники на первой и Страстной седмицах Великого поста говели и приобщались Святых Таин⁵. Отмечалось поведение учащихся: из 162 воспитанников поведение 94 было оценено баллом «5», 67 – баллом «4» и поведение только одного ученика баллом «3»⁶.

В 1882–1884 гг. в Донской духовной семинарии продолжились внутренние неурядицы. Возможно, их отчасти спровоцировала позиция архимандрита Иоанникия, о которой он по приезду в Новочеркасск настойчиво напоминал преподавателям семинарии в частных беседах. Как сообщал Св. Синоду В. Инякин, «архимандрит Иоанникий по приезде своем в Донскую семинарию, не стесняясь, разглашал, что высшее начальство смотрит на большую часть преподавателей Донской семинарии как на людей опальных, что он, в видах исправления семинарии уполномочен не обращать внимания на устав, и что в силу полномочий свыше он может разогнать преподавателей из семинарии»⁷. Вполне возможно, что высказывания архимандрита Иоанникия, основанные на истории 2-летней давности, в которой все получили по заслугам⁸, были вызваны неуверенностью в себе, поскольку он ранее не имел опыта руководства духовным учебным заведением такого ранга, и относительным незнанием устава духовных семинарий. Ректор духовной семинарии не мог, во-первых, «не обращать внимания на устав», который имел статус закона Российской империи и нарушение которого могло

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 696. Л. 54.

² Там же.

³ Там же. Л. 11.

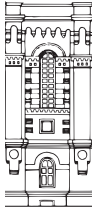
⁴ Там же. Л. 53.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1884 г. Д. 6. Л. 2об.

⁸ Вероятно, архимандрит Иоанникий имел в виду ссору из-за карточной игры, в которой участвовали преподаватели Донской духовной семинарии.

привести к привлечению к ответственности. Во-вторых, ректор не мог «разогнать преподавателей из семинарии» без ведома правящего архиерея и оставить учебное заведение без преподавателей, назначение которых утверждалось отнюдь не ректором.

По всей видимости, не сложившиеся отношения ректора с уже сформированной к тому времени преподавательской корпорацией, стали причиной жалобы архиепископу Донскому и Новочеркасскому Митрофану (Вицинскому) и в Св. Синод члена Правления Донской духовной семинарии протоиерея Иоакима Фесенкова¹. Он акцентировал внимание высшей церковной власти на неумелом распоряжении архимандритом средствами семинарии, которое было прямым следствием отсутствия контакта и. д. ректора с Распорядительным собранием правления. Как писал протоиерей И. Фесенков, «на советах он один только хочет говорить, все же возражения ему мои и о[тца] инспектора семинарии часто выслушивает он с презрением и даже криком»². В докладе архиепископу Митрофану (Вицинскому) протоиерей Иоаким сообщал: «Экономия Донской духовной семинарии при нынешнем и. д. ректора оной архимандрита Иоанникия ведется вследствие его своевольных действий неправильно и чрез то близится уже к ее банкротству. В нынешнем году, несмотря на прибавку 2000 руб. к определенным по штату 5000 руб. на содержание семинарского дома, в первой половине его оказался такой недостаток в деньгах, что в мае месяце для покрытия расходов потребовалось занять более 600 руб. из других сумм... если этот и. д. ректора не будет остановлен в его своевольных действиях, то экономия семинарии доведена им будет до полного банкротства»³. К «своевольным», т. е. не согласованным с Правлением семинарии, протоиерей И. Фесенков отнес следующие «действия» архимандрита: завышенную оплату «годовым рабочим», которые нанимались не «с конкурсных торгов», как это оговаривали законы, а по условленным с ректором ценам⁴; слишком большое количество вольнонаемных служителей, которые, помимо высокой оплаты, обеспечивались также по распоряжению и. д. ректора казенной квартирой и пищей. Неудовольствие протоиерея И. Фесенкова вызывало содержание за счет семинарии двух лошадей и двух кучеров, «из коих одна исключительно для одного только ректора»⁵. Безусловно, серьезным нарушением со стороны архимандрита Иоанникия была невыплата положенных по договору денег строителю семинарских зданий Бородину, «чем [архимандрит] вызвал еще и вредный... для всего Правления процесс по суду, по которому

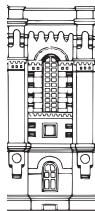
¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 695. Л. 1–6об.

² Там же. Л. 2.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 1об.

придется, и, конечно, ему одному как виновнику этого дела, заплатить этому Бородину и все убытки, какие он чрез него потерпел. Ибо Бородин в этом деле совершенно прав»¹. В ответ на жалобу протоиерея И. Фесенкова Донская духовная консистория запросила документы, подтверждающие обвинения², но, по всей видимости, именно это обращение в конечном итоге стало причиной перевода архимандрита Иоанникия на службу в Смоленскую духовную семинарию³. После четырехлетнего пребывания в Смоленске, 21 февраля 1888 г. архимандрит Иоанникий был хиротонисан во епископа Великоустюжского⁴. В 1893 г. он был епископом Михайловским, викарием Рязанской епархии⁵.

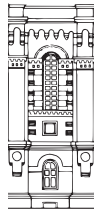
¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 695. Л. 1об.

² Там же. Л. 6–6об.

³ Прощание бывшего о. ректора Донской духовной семинарии ... С. 358–359.

⁴ История иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. (с приложениями). М.: ПСТГУ, 2006. С. 685.

⁵ Кириллов А.А. Празднование двадцатипятилетия ... С. 10–11.

4.4. РЕКТОР АРХИМАНДРИТ МИТРОФАН (СИМАШКЕВИЧ) (1884–1905)

129

РАСЦВЕТ СЕМИНАРИИ

Из 10 ректоров, возглавлявших Донскую духовную семинарию с 1868 по 1921 г., самой неординарной и, безусловно, выдающейся личностью был протоиерей, с 1904 г. архимандрит, с 1906 г. епископ, с 1914 архиепископ, с 1922 г. митрополит Митрофан Симашкевич. Вся его жизнь, включая 21 год, отданный Донской семинарии, была посвящена служению Русской православной церкви, и большая ее часть – в Новочеркасске, где он и покоится ныне на подворье храма во имя св. Архангела Михаила.

В истории Донской семинарии протоиерей Митрофан был первым ректором. В отличие от своих предшественников на этой должности, он имел степень магистра богословия, присужденную ему Санкт-Петербургской духовной академией. После получения ученой степени он не оставил научную деятельность – им был написан ряд исследований в годы пребывания в Подолии, где М.В. Симашкевич родился, окончил духовную семинарию и где прошли первые годы его служения после окончания академии. Так, 21 октября 1871 г. по представлению правления Подольской духовной семинарии Преосвященным Леонтием (Лебединским), епископом Подольским и Брацлавским, он был утвержден в должности преподавателя Подольской семинарии по кафедре Священного Писания. 15 февраля 1877 г., после получения степени магистра богословия, по представлению Преосвященного Феогноста (Лебедева), указом Св. Синода состоялось его назначение на должность ректора Подольской духовной семинарии, в которую он вступил после заключения брака и священнической хиротонии¹. Спустя 7 лет протоиерей Митрофан был назначен Св. Синодом на должность ректора Донской духовной семинарии². Скорее всего, этот выбор был не случаен – после недолгого пребывания во главе Донской семинарии архимандритов Мефодия и Иоанникия, ознаменовавшегося конфликтами и пошатнувшимся финансовым положением семинарии, требовался опытный ректор, который смог бы исправить сложившуюся ситуацию. Протоиерею Митрофану удалось не только оправдать возлагаемые на него надежды. Стабильность и благополучие, достигнутые за 21 год управления им семинарией, впослед-

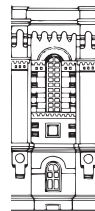
¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 5. Д. 85. Л. 1об.–11.

² Кириллов А.А. Празднование двадцатипятилетия ... С. 11.

**Митрофан (Симашкевич),
архиепископ Донской и Новочеркасский¹**

¹ ДЦС. Вып. 4. Новочеркасск: Частная Донская тип., 1915.

ствии смогли поколебать только революционные настроения и связанные с ними семинарские волнения, события Первой мировой и Гражданской войн и закрытие всех духовных учебных заведений победившей советской властью.

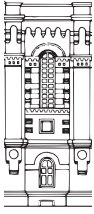
Многогранность личности протоиерея Митрофана была по достоинству оценена Донскими Преосвященными: архиепископами Митрофаном (Вицинским), Макарием (Миролюбовым), Донатом (Бабинским) и Афанасием (Пархомовичем), которые привлекали его к многообразным административным должностям. Так, по благословению архиепископа Митрофана (Вицинского), в 1885 г. протоиерей Митрофан участвовал в подготовке открытия Донского епархиального женского училища и решении вопроса о возможности обучения калмыцких детей в Новочеркасском духовном училище и Донской духовной семинарии¹. Распоряжением архиепископа Доната (Бабинского) он был назначен членом комитета по устройству домового церкви при Новочеркасском духовном училище. В 1897 г. архиепископ Афанасий (Пархомович) назначил протоиерея Митрофана председателем Донского епархиального училищного совета. В 1900 г. по его распоряжению протоиерей Митрофан входил в состав комиссии по сооружению соборного храма в Новочеркасске, в том числе участвовал в комиссии «для совещания о предстоящих живописных работах и украшении орнаментами стен собора». В 1902 г. распоряжением архиепископа Афанасия протоиерей Митрофан был привлечен к составлению устава и правил для Донского епархиального и окружных миссионерских комитетов². Все упомянутые послушания, которые нес протоиерей Митрофан, помимо выполнения прямых обязанностей ректора, свидетельствуют о его востребованности в жизни Донской епархии и глубоком уважении, которое питали к нему Донские Преосвященные и донское духовенство.

Деятельность протоиерея Митрофана на посту ректора Донской духовной семинарии, как и его предшественников, включала в себя два основных направления: строительные работы, связанные главным образом с ремонтом семинарских зданий, и заботы об обучении и воспитании семинаристов.

Несмотря на завершение в 1883 г. постройки главного корпуса, на плечи протоиерея Митрофана легли сложнейшие работы, выполнение которых пришлось на 1890-е – начало 1900-х гг. Прежде всего, в июне 1897 г. он возглавил вновь организованный строительный комитет, занимавшийся заменой износившихся коммуникаций. Благодаря его деятельности, в течение лета 1897 г. в семинарских зданиях были заменены старые водопроводные трубы новыми

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 5. Д. 85. Л. 1об.–11.

² Там же.

оцинкованными¹. Ректор принимал участие в возведении пристройки к семинарской больнице и устройстве канализации². В 1899 г. протоиерей Митрофан в качестве председателя строительного комитета принимал участие в устройстве «контрфорсов при стенах главного здания семинарии, давших трещины»³. Работы, проект которых составил епархиальный архитектор Донской и Новочеркасской епархии И. Злобин⁴, были завершены только в ноябре 1902 г. В соответствии с проектом, помимо перекладки стен, давших трещины, к основному зданию семинарии была пристроена трехэтажная пристройка⁵.

При протоиерее Митрофане Симашкевиче были решены не только важнейшие проблемы, связанные с благоустройством семинарской жизни. Основное внимание ректор уделял учебному процессу и воспитанию семинаристов. Уже через год после назначения протоиерей Митрофан инициировал открытие в Донской духовной семинарии иконописного класса.

ИКОНОПИСНЫЙ КЛАСС ПРИ ДОНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

Движение за обучение в духовных учебных заведениях иконописи началось в 1880-х гг. Иконописание не предполагалось уставом духовных семинарий, поэтому такие классы в семинарских отчетах всегда числились со статусом «сверх программы», т.е. занимались в них воспитанники семинарий исключительно по желанию. Открытие класса иконописания предполагало местное финансирование, обеспечивавшееся решением епархиальных съездов духовенства. В духовных семинариях юга России классы иконописания начали открываться с 1883 г. Так, 24 ноября 1883 г. последовало определение Св. Синода об открытии такого класса в Воронежской духовной семинарии⁶. На его содержание общепархиальный съезд духовенства выделил 300 руб.⁷ В декабре 1888 г. класс иконописания был открыт в Екатеринославской духовной семинарии⁸.

Вопрос об обучении воспитанников Донской духовной семинарии иконописному мастерству начал обсуждаться зимой 1885 г. В прошении на имя архиепископа Донского и Новочеркасского Митрофана (Вицинского) Правление семинарии обосновывало желательность открытия класса иконописания не только «изысканием мер к наилучшей постановке дела воспитания учащихся»⁹ и «потреб-

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 5. Д. 85. Л. 10б-11.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 8.

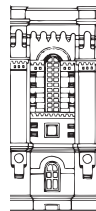
⁵ Там же.

⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1883 г. Д. 31. Л. 4.

⁷ Там же. Л. 2.

⁸ Там же. Л. 12.

⁹ Там же. Л. 6.

ностью ознакомить воспитанников с характерными особенностями православного иконописания»¹, но главным образом миссионерскими целями. По мысли членов Правления, знание воспитанниками основ православного иконописания будет служить «фактическим и осмысленным противодействием» распространению между населением Области войска Донского раскольнической иконописи². Архиепископ Митрофан в ответ на прошение рекомендовал подать повторное прошение после того как будет найден специалист, желающий занять должность преподавателя иконописания.

14 марта 1885 г. Правление семинарии представило на утверждение Преосвященного в должности учителя иконописания бывшего воспитанника «рисовальной школы» Киево-Печерской лавры Маркиана Розанова³. 15 апреля Высокопреосвященнейшему Митрофану была представлена смета на открытие класса. Она составила 157 руб. 13 к. одновременно на покупку необходимых пособий, 200 руб. ежегодно на жалованье учителю и 50 руб. в год «на поддержание школы иконописания»⁴.

8 июня 1885 г. архиепископ Митрофан подал представление в Учебный комитет, а 31 июля 1885 г. Св. Синод вынес определение о разрешении открыть при Донской духовной семинарии класса иконописания на местные епархиальные средства⁵.

Класс иконописания в Донской духовной семинарии начал свою работу с 1885/1886 учебного года и неизменно вызывал интерес у воспитанников. В 1897/1898 учебном году иконописанием занимались 36 учеников⁶. Уроки, которых полагалось по два в неделю, проходили в послеобеденное время. Они представляли собой практические занятия под руководством и наблюдением учителя. Как сообщалось в отчете за этот год, «на уроках иконописания ученики после подготовительных упражнений в черчении разных фигур и ознакомления с анатомией человеческого тела по <неразб.> рисункам и гипсовым моделям упражнялись в контурном черчении карандашом разных частей человеческого тела по гравюрам, а также с гипсовых моделей; затем переходили к копированию полных человеческих фигур в разных позах с гравюрных оригиналов карандашом и углем. Более успевающие ученики, которых в отчетном году было 5, упражнялись в писании масляными красками на картоне, полотне и дереве. Означенными учениками за отчетный год написано свыше 20 изображений Божией Матери и святых. Оригиналы для священных изображений заимствовались

¹ РГИА. ф. 802. Оп. 9. 1883 г. Д. 31.

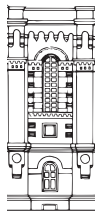
² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 8.

⁶ ГАРО. ф. 352. Оп. 1. Д. 1077. Л. 15.

из “лицевых святцев” (на полотне), изданных Санкт-Петербургским товариществом <неразб.> и из “иконописного альбома”¹. В 1898 г. для класса иконописания по прошению преподавателя М. Розанова были закуплены коллекция геометрических тел; рисунки (головы, руки, ноги и проч.); анатомические рисунки². В 1891/1892 гг. иконописи обучались 28 воспитанников³.

В 1899 г. в классе иконописи поменялся преподаватель. Вместо выпускника иконописной школы Киево-Печерской лавры М. Розанова должность преподавателя занял выпускник Московского Строгановского училища технического рисования Иван Евсигнеевич Соломонов⁴. Его методика преподавания была следующей: в начале учебного года учащиеся делились на 3 группы. В первой группе обучались рисованию с оригиналов свинцовым карандашом. Во второй группе воспитанники рисовали с гипсовых моделей. В третьей группе учились писать иконы масляными красками. Оригиналами служили: для первой группы литографированные изображения частей человеческого тела школы Жульена, для второй – гипсовые модели частей человеческого тела и для третьей – иконы, писанные масляными красками «и отчасти хромолитографированные»⁵. На уроках иконописания объяснялись «пропорции человеческого тела, способы тушевки карандашом и графитным соусом; говорилось об освещении, рефлексе, полутени, тени собственной и падающей и о некоторых приемах в живописи масляными красками»⁶.

Во время руководства классом иконописания И.Е. Соломонова стала выраженной следующая тенденция: в начале года желающих обучаться иконописи набиралось около 50 человек, а в конце года их количество снижалось до 10–18 человек. Так, в 1902/1903 учебном году в первой половине учебного года иконописанию обучались 44 воспитанника, во второй половине – только 12. В этом году 8 воспитанников написали 10 икон масляными красками⁷. В 1903/1904 учебном году желание обучаться иконописи изъявили 57 воспитанников: I класс – 29 человек, II класс – 12, III класс – 5, IV класс – 4 и V класс – 7. В продолжении учебного года выбыло по разным причинам 41, в конце учебного года осталось 16 воспитанников⁸. Согласно семинарскому отчету за 1902/1903 учебный год, особенной способностью к иконописанию выделился воспитанник V класса Жикич Симеон.

В 1904 г. класс иконописания отчитался следующими написанными иконами:

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1077. Л. 15об.

² Там же. Д. 1088. Л. 10.

³ Там же. Д. 926. Л. 46–46об.

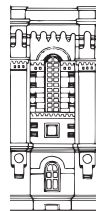
⁴ Там же. Д. 1264. Л. об.

⁵ Там же. Д. 1257. Л. 2–2об.

⁶ Там же. Д. 1257. Л. 2–2об. Д. 1436. Л. 4.

⁷ Там же. Д. 1218. Л. 3об.

⁸ Там же. Д. 1257. Л. 2–2об.

- Свщмч. Дорофея, работа воспитанника III класса Критского Бориса;
- Свт. Николая Чудотворца, работа воспитанника III класса Критского Бориса;
- Св. ап. и евангелиста Иоанна Богослова, работа воспитанника IV класса Автономова Сергея;
- Св. евангелиста Матфея, работа воспитанника V класса Жикича Симеона;
- Владимирская икона Божией Матери, работа воспитанника V класса Спевакова Петра;
- Преп. Серафима Саровского, работа воспитанника V класса Спевакова Петра¹.

С 12 февраля 1907 г. по 1912 г. преподавателем иконописи был выпускник Донской духовной семинарии Дмитриев Василий Иванович². В 1893 г., после окончания Донской духовной семинарии, он получил свидетельство Императорской академии художеств на право преподавания рисования в низших учебных заведениях, а в 1899 г. – на право преподавания рисования в средних учебных заведениях³. К концу 1907/1908 учебного года в классе иконописания было 18 учеников. Они были разделены на три группы по степени умения в рисовании. В первой группе занимались рисованием с таблиц и оригиналов, во второй – с натуры (гипсовые модели), в третьей – живописью (копирование с олеографических изображений икон)⁴. С 1912 по 1916 г. класс иконописания возглавлял Евгений Алексеевич Козаков⁵. При нем, так же как и при его предшественниках, семинаристы были разделены на три группы, по степени способности к рисованию⁶.

Определить степень влияния, которое класс иконописания оказал на воспитание семинаристов и тем более на ведение миссионерского дела в Донской и Новочеркасской епархии, сегодня не возможно. Однако его существование вполне оправдывает тот факт, что один из выпускников семинарии продолжил путь, начатый в иконописном классе, и впоследствии стал его преподавателем.

В 1885 г. по разрешению Св. Синода в Донской духовной семинарии для желающих воспитанников «на местные средства из епархиального духовно-училищного капитала» был введен пред-

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1257. Л. 2–2об.

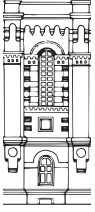
² Там же. Д. 1436. Л. 2; Памятная книжка ОВД на 1912 год. Новочеркасск: Обл. войска Донского тип., 1912. С. 305.

³ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1436. Л. 2; Д. 1498. Л. 1об.–5об.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 1126. Л. 7; Памятная книжка ОВД на 1914 год. Новочеркасск: Электро-Тип. Ф. Плуникова, 1914. С. 370; Памятная книжка ОВД на 1916 год. Новочеркасск: Обл. войска Донского тип., 1916. С. 227–228.

⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 1126. Л. 10об.

мет «Переплетное мастерство»¹. В первые годы проведение занятий по этой дисциплине было значительно затруднено, во-первых, отсутствием подходящего помещения, во-вторых, отсутствием преподавателя. Если со временем помещение было найдено, то проблему с преподавателем пришлось решить следующим способом: семинаристы обучались переплетному мастерству «по системе взаимного обучения»². Именно по этой системе в 1897/1898 учебном году воспитанники ознакомились «с производством простого корешкового переплета, а многие и с выделкой несложных тиснений на переплетках»³.

Несмотря на отсутствие преподавателя, переплетное мастерство привлекало семинаристов. Вероятнее всего, причиной этого интереса была практическая востребованность полученных навыков. Так, в 1897/1898 учебном году 26 воспитанников переплели 403 книги из ученической библиотеки, библиотеки семинарской больницы, а также учебники, принадлежащие ученикам семинарии⁴. В течение 1903/1904 учебного года переплетным мастерством занимались 56 воспитанников: 31 до Рождественских каникул, 17 до Пасхи и 8 до экзаменов. За год они переплели 41 книгу и «исправили» 20 книг для библиотеки Иоанно-Богословского общества, 44 книги для семинарской фундаментальной библиотеки и 37 книг для ученической библиотеки. Для своих нужд воспитанники переплели свыше 260 книг⁵.

В жизни духовных семинарий Русской православной церкви 1886 г. увенчался важнейшим событием: в дополнение к указу Св. Синода от 14 апреля 1871 г. о ежегодном представлении сведений об оканчивающих курс воспитанниках, которые могли бы продолжить обучение в духовной академии⁶, 11 июня 1886 г. был издан указ, содержащий распределение мест для выпускников в духовных академиях⁷. В соответствии с этим указом, места распределялись следующим образом:

В Санкт-Петербургской духовной академии выделялось 35 мест: для выпускников Архангельской духовной семинарии – 1, Витебской – 2, Владимирской – 2, Вологодской – 1, Волынской – 2, Вятской – 1, Калужской – 1, Курской – 2, Литовской – 2, Минской – 2, Могилевской – 2, Новгородской – 3, Олонецкой – 2, Псковской – 2, Рязанской – 1, Санкт-Петербургской – 2, Смоленской – 2, Тверской – 3, Черниговской – 1 и Ярославской – 1⁸.

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1077. Л. 15об.

² Там же. Д. 1218. Л. 3об.

³ Там же. Д. 1077. Л. 15об.

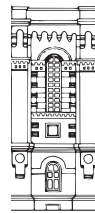
⁴ Там же.

⁵ Там же. Д. 1218. Л. 3об.

⁶ Там же. Д. 788. Л. 2–2об.

⁷ Там же. Л. 3.

⁸ Там же.

В Киевской духовной академии предоставлялось 26 мест: для выпускников Волынской духовной семинарии – 3, Воронежской – 2, Донской – 2, Калужской – 1, Курской – 2, Могилевской – 1, Одесской – 2, Орловской – 1, Подольской – 2, Полтавской – 2, Рязанской – 1, Смоленской – 1, Ставропольской – 1, Тифлисской – 1, Харьковской – 2, Черниговской – 2¹.

В Московской духовной академии выделялось 30 мест: для выпускников Вифанской духовной семинарии – 2, Владимирской – 2, Вологодской – 2, Калужской – 2, Костромской – 3, Московской – 2, Нижегородской – 2, Новгородской – 2, Орловской – 2, Пензенской – 1, Рязанской – 2, Самарской – 1, Тамбовской – 1, Тверской – 3, Тульской – 1 и Ярославской – 2².

В Казанской духовной академии было всего 24 места: для выпускников Астраханской духовной семинарии – 1, Владимирской – 1, Воронежской – 1, Вятской – 3, Казанской – 2, Костромской – 1, Пензенской – 1, Пермской – 2, Самарской – 1, Саратовской – 1, Симбирской – 3, Тамбовской – 2, Тобольской – 2, Томской – 2 и Уфимской – 1³.

Помимо закрепленных за семинариями мест, куда они могли рекомендовать для поступления своих выпускников, в академиях были «свободные вакансии», которые предназначались «лучшим из имеющих явиться волонтерами»⁴.

Как видно, для выпускников Донской духовной семинарии было предназначено только 2 места в год в Киевской духовной академии. Первую рекомендацию для поступления туда выпускник Донской духовной семинарии получил в 1886 г.⁵ Вторым выпускником, рекомендованным в 1888 г. к поступлению в Киевскую академию, был будущий священномученик архиепископ Захария (Лобов)⁶. Всего с 1886 по 1909 г. Донская семинария рекомендовала 16 своих выпускников⁷. В 1903 г. семинария дала рекомендацию для поступления в Санкт-Петербургскую духовную академию⁸, а в 1900 г. – в Казанскую духовную академию печально известному будущему епископу Можайскому, викарию Московской епархии Борису (Рукину)⁹, одному из инициаторов григорианского раскола в Русской православной церкви.

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 788. Л. 3.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

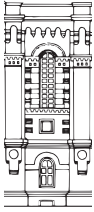
⁵ Разрядный список ДДС // ДЕВ. 1886. № 14. С. 569–570.

⁶ Там же. 1884. № 14. С. 539–540.

⁷ Там же. 1886. № 14. С. 569–570; 1888. № 14. С. 539–540; 1889. № 13. С. 584; 1890. № 13. С. 488; 1893. № 13. С. 544–545; 1894. № 13. С. 269; 1896. № 12. С. 256; 1897. № 13. С. 323; 1901. № 20. С. 440–441; 1902. № 21. С. 577–578; 1904. № 19. С. 342–343; 1909. № 20. С. 328–329.

⁸ Там же. 1903. № 20. С. 410–411.

⁹ Там же. 1900. № 20. С. 462–463.

Помимо получивших рекомендацию Донской духовной семинарии, немало выпускников поступали в академии на правах «волонтеров», т.е. без рекомендации.

ОРГАНИЗАЦИЯ БОГОСЛУЖЕБНОЙ ЖИЗНИ СЕМИНАРИИ

Распорядок богослужебной жизни Донской духовной семинарии был установлен после освящения Иоанно-Богословского домового храма в 1883 г. Всенощные бдения и литургии совершались здесь во все воскресные, праздничные и высокочтожественные дни¹, а в дни Великого поста – литургии Преждеосвященных Даров по средам и пятницам, и вечерние и утренние богослужения «под четверг и субботу пятой недели»².

Время пребывания в должности ректора протоиерея Митрофана Симашкевича характеризовалось упорядочиванием богослужения в семинарских храмах на общецерковном уровне. Оно касалось не уставных особенностей, а участия в богослужении воспитанников семинарии, контроля качества этого участия и создания внешнего порядка – благолепного чтения и пения. Еще до назначения протоиерея Митрофана, 30 ноября 1883 г., был издан циркулярный указ Св. Синода, в котором на епархиальных Преосвященных возлагались обязанности:

«а) следить за тем, чтобы богослужение было совершаемо благоговейно, чинно, с внятнм и неторопливым произношением молитв и молитвенных возгласов, не допуская и клиросного чтения чрезмерно торопливого, неясного и неправильного, а пения крикливого;

б) привлекать воспитанников к участию в клиросном чтении и пении, заставляя очередных готовиться предварительно к предстоящему чтению и руководствуя их в этом приготовлении указанием и исправлением допускаемых ими ошибок в произнесении славянских речений;

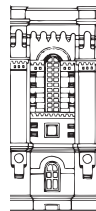
в) вменить учителям церковного пения в обязанность проходить с воспитанниками во время уроков предстоящие церковные службы по указаниям церковного устава, приучая их петь по церковным гласам»³.

Скорее всего, прибыв в Новочеркасск, протоиерей Митрофан начал вводить в богослужебную практику все указания Св. Синода и руководствоваться ими при подготовке к богослужениям, в которых обязательно участвовали семинаристы.

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1169. Л. 2.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Д. 813. Л. 5.

Поскольку епархиальные Преосвященные в силу необходимости совершать богослужения в кафедральных соборах или крестовых церквях не могли следить за благолепием совершения всенощных бдений и литургий в семинарских храмах, в 1889 г. Св. Синод издал новый указ, в котором ответственность за благолепие богослужения перекладывалось на «семинарское начальство»: ректора, инспектора и Правление семинарии. Итак, указ от 13 сентября 1889 г. гласил: «В видах повышения религиозно-нравственного воспитания в духовно-учебных заведениях... предписать начальствам семинарий и училищ:

а) наблюсти, чтобы чтение было громкое, внятное, толковое, а пение стройное и не крикливое,

б) обязать воспитанников, имеющих читать в церкви, предварительно подготовиться к сему под руководством – в семинариях – преподавателя литургики, в училищах – преподавателей церковно-славянского языка, а на преподавателей церковного пения возложить разучивание с воспитанниками назначаемых для общего пения молитв»¹.

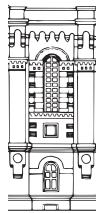
Протоиерей Митрофан, с большим вниманием относившийся к благолепию богослужения, еще до указа 1889 г. предпринял шаги к улучшению пения в семинарском храме. В 1888 г. в качестве учителя церковного пения, ответственного за пение за богослужением, в Донскую духовную семинарию был приглашен регент Архиерейского хора Донской и Новочеркасской епархии священник Василий Семенович Костенко². После его смерти в 1868 г. эту должность занял регент Архиерейского хора священник Михаил Дмитриевич Ерхан. Результатом этих усилий стала организация пения за богослужением трех хоров, которыми поочередно руководили назначенные инспектором семинаристы³.

О благоговейном отношении протоиерея Митрофана к молитвословиям и богослужебным текстам свидетельствует его записка в Правление семинарии от 26 октября 1898 г.: «Много раз было мною замечаяемо при посещении уроков, особенно в младших классах, что положенные классные молитвы читаются очередными учениками без надлежащего внимания и благоговения, спешно и с ошибками («Утешителю», «Душе истинны» и далее «Душе истинный», «Славнейшую без сравнения Серафим»). Делавшиеся мною в присутствии всего класса замечания, разъяснения и внушения очередным ученикам вообще мало приносили пользы... Вникая в причины этого прискорбного явления, я остановился на предположении, что их следует искать главным образом в практикую-

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 813. Л. 5.

² Там же. Л. 11.

³ Там же. Л. 2.

щемся порядке чтения означенных молитв, которое совершается очередными учениками с занимаемых ими мест... вследствие чего читающий молитву ученик стушевывается в толпе, и в окружающей обстановке ничто ему не напоминает, что он совершает нечто особенное, важное, священное, в духовное назидание всего класса. Он, при входе наставника в класс, встает, как и все товарищи его встали, совершает более машинально крестное знамение, как и все прочие совершают, и затем положенную молитву с ошибками, к которым язык его приобрел издавна... привычку. ...В видах именно возбуждения надлежащего внимания к такой молитве у очередных учеников, мною и сделано было распоряжение, чтобы для чтения ея означенные ученики сходили с своих мест и останавливались пред передней партой, что совершенно удобно сделать без излишней траты времени и вообще без... замешательства. Мерой этой, по моему наблюдению, сразу улучшилось дело, достигнуты хорошие результаты»¹.

В повседневной жизни семинарии конца 1880-х – начала 1890-х гг. особое место занимало учреждение в 1888 г. Иоанно-Богословского братства «для воспомоществования нуждающимся воспитанникам семинарии»². Его председателем был ректор протоирей Митрофан Симашкевич³. Деятельность братства сыграла большую роль в жизни духовного учебного заведения: оно финансировало ведение предметов «сверх программы», оплачивая жалованье преподавателям, делало закупки необходимых инструментов, например, для предмета «переплетное мастерство», оказывало материальную поддержку проведению миссионерских собеседований в дни Великого поста в Иоанно-Богословской церкви. Благодаря помощи братства, немало выпускников семинарии смогли продолжить обучение в духовной академии. Помимо прочего, на средства братства неимущие семинаристы снабжались необходимыми учебниками, обувью, одеждой и даже деньгами для поездок к родителям во время каникул или болезни.

ОБУЧЕНИЕ ОРКЕСТРОВОЙ МУЗЫКЕ

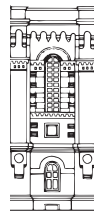
Особенной страницей как в истории Донской духовной семинарии, так и Иоанно-Богословского братства было введение в 1889 г. обучения желающих воспитанников оркестровой музыке. Поскольку, по мнению Правления семинарии, эстетическое воспитание «отвлекает от праздности и грубых удовольствий»⁴, а в уставе братства была обозначена цель «содействовать по возможности эстетическо-

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1063. Л. 1–1об.

² Крылов А.А. Двадцатипятилетие службы о. ректора Донской духовной семинарии протоиерея М.В. Симашкевича // ДЕВ. 1896. № 22. С. 712.

³ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1061. Л. 1об.

⁴ Там же. Д. 1540. Л. н/п.

му образованию воспитанников чрез приобретение для них... нот, музыкальных инструментов и т.п.»¹, в 1889 г. на средства братства были закуплены струнные и духовые музыкальные инструменты, ноты, и приглашен преподаватель. В его задачи входило не только обучить семинаристов играть на инструментах, но и создать оркестр. Для этого предмета было определено 2 урока в неделю в послеобеденное время. В 1891/1892 гг. оркестровой музыкой занималось 45 воспитанников, из которых был составлен оркестр².

Состав оркестра

Группа струнных:

1-я скрипка:

Петров Николай

Лежнев Николай

2-я скрипка:

Протопопов Петр

Санталов Алексей

Чаусов Аристарх

Альт:

Васильев Иван

Виолончель:

Андреев Дмитрий

Контрабас:

Афиногенов Аркадий

Группа духовых:

Кларнет:

Штурбин Иван

Флейта:

Дмитриев Николай

Васильев Михаил

Корнет:

Тимофеев Леонид

Валторна:

Мельников Петр

Шевкаленко Андрей

Тромбон:

Байздренков Герман

В 1897/1898 учебном году игре на музыкальных инструментах обучались: на скрипке – 10 учеников, на флейте – 4, на кларнете – 2, на корнете-а-пистоне – 4, на валторне – 3, на тромбоне – 3, на виолончели – 2, на контрабасе – 2, итого – 30 учеников. Обучение производилось по особым школам для каждого инструмента³.

В 1900/1901 учебном году оркестровой музыке обучался 41 воспитанник. В 1901/1902 учебном году занятия оркестровой музыкой продолжались до 1 марта 1902 г. С этого времени до 1909 г. занятия были прекращены «за неимением средств на вознаграждение учителя»⁴. В 1905 г. Правлением семинарии была предпринята попытка хотя бы частично возобновить «эстетическое воспитание». С января 1905 г. для воспитанников по благословению архиепископа Афанасия (Пархомовича) были разрешены «уроки игры на скрипке». Тогда же было дано в «Донских епархиальных ведомостях» объявление о приглашении преподавателя⁵.

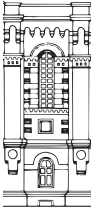
¹ Предполагаемое к открытию Иоанно-Богословское братство ... 1877. № 5. С. 186–188.

² ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1222. Л. н/п; Д. 926. Л. 12–12об.

³ Там же. Д. 1077. Л. 16.

⁴ Там же. Л. н/п.

⁵ От Правления ДДС // ДЕВ. 1905. № 4. С. 85.

Воспитание семинаристов не ограничивалось эстетическим направлением. Еще в стенах своей *Alma mater* они учились милосердию и благотворительности. В 1891 г. в Донской и Новочеркасской епархии был создан Донской епархиальный комитет для сбора пожертвований в пользу жителей, пострадавших от неурожая. Комитет возглавил епископ Аксайский Иоанн (Митропольский), а ректор семинарии протоиерей Митрофан Симашкевич был назначен членом этого комитета¹. Воспитанники семинарии, вероятно, по призыву ректора, внесли свою лепту в пользу жителей, пострадавших от неурожая, сделав взносы от 5 к. до 1 руб.²

Многие выпускники семинарии считали своим долгом сделать посильное пожертвование семинарии. В марте 1894 г. воспитанники VI класса передали протоиерею Митрофану 86 руб. «на приобретение... какой-либо ценной вещи для семинарской церкви в молитвенное о них воспоминание»³. Отчитываясь об этих деньгах, протоиерей Митрофан сообщал Правлению семинарии: «... сверх сего в мое же распоряжение разновременно пожертвовано на нужды церкви: от вдовы священника Жуковой 8 руб. и от лица, пожелавшего остаться неизвестным, 21 руб. 52 к., а всего 115 руб. 52 к. Из означенных денег мною уплачено:

а) в Санкт-Петербургский магазин церковных вещей И.А. Жевержеева на серебряные 84-й пробы вызолоченные священные сосуды (потир, дискос и звезда), лучшей чеканной работы... 96 руб. 45 к.;

б) в почтовый доход за пересылку означенных денег фабриканту Жевержееву 74 к.;

в) в новочеркасский магазин Н.А. Абрамова на воздуха из голубого атласа с серебряной <неразб.> 12 руб.;

г) в Контору товарищества <неразб.> Сидорский и К за икону «Сошествие Святаго Духа» на золотом фоне, величиной 4 × 6 вершков 6 руб., итого 115 руб. 52 к.

Все означенные вещи мною своевременно переданы в семинарскую церковь»⁴.

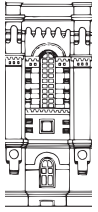
В 1890-е гг., благодаря усилиям протоиерея Митрофана, была сформирована преподавательская корпорация, отличавшаяся стабильностью, профессионализмом, удивительной работоспособностью, сплоченностью и уважительным отношением как к семинарскому начальству, так и друг к другу. В этом отношении вызывают большой интерес хоть и нелицеприятные, но положительные отзывы о преподавателях семинарии ревизоров

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 903. Л. 1.

² Там же. Л. 8–9об.

³ Там же. Д. 1027. Л. 14.

⁴ Там же.

Учебного комитета Св. Синода, ревизовавших семинарию в разные годы.

В 1892 г. ревизор Нечаев отмечал: «ректор семинарии магистр Санкт-Петербургской академии прот[оиерей] Митрофан Симашкевич... в должности ректора с 1884 г. ...очень способный, основательно знает свой предмет и заботится об обстоятельном усвоении учениками апостольского текста; но имеет привычку задавать некоторые уроки без предварительного объяснения их, предоставляя воспитанникам самостоятельно додумываться до правильного разумения изучаемой ими священной книги, а сам потом только проверяет их понимание при спрашивании урока»¹.

Инспектор семинарии кандидат Киевской духовной академии Яков Степанов «преподает удовлетворительно, но произношение его, за отсутствием у него зубов, крайне невнятное, и несомненно, что значительная часть его классных объяснений напрасно пропадает для многих воспитанников»².

Преподаватель обличительного богословия и учения о расколе магистр Казанской духовной академии священник Н. Кутепов «прекрасно знает свой предмет и умеет возбуждать интерес к нему в воспитанниках, хотя иногда увлекается излишними подробностями. По обличению раскола он выдает воспитанникам свои записки до 30 рукописных листов»³.

«Преподаватель литургики и соединенных с нею предметов кандидат Санкт-Петербургской академии Константин Родосский... способный и энергичный, ведет дело преподавания правильно, оживленно и успешно. На уроке гомилетики некоторые воспитанники обнаруживали большую способность к импровизации, говоря на тему, заданную им мною во время самого урока (поучение против крестьянского раздела)»⁴.

Учитель латинского языка магистр Киевской духовной академии Григорий Протопопов «опытный и усердный, заботится не столько о теоретическом знании учениками грамматики, сколько о надлежащем уразумении ими читаемого текста; грамматика у него является делом как бы придаточным при изучении латинских классиков»⁵.

Немецкий язык преподает учитель Донского Мариинского института Адамсон, французский – Генрих Гранжан. «Учащихся у них немного, но зато все они занимаются избранными ими языками с большой охотой и успехом»⁶.

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1892 г. Д. 16. Л. 67об.–68.

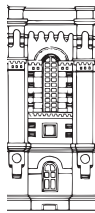
² Там же. Л. 68.

³ Там же. Л. 69.

⁴ Там же. Л. 69об.

⁵ Там же. Л. 71.

⁶ Там же. Л. 74.

«Учителем церковного пения состоит регент Архиерейского хора, получивший образование в Придворной певческой капелле, мещанин Василий Костенко; в должности с 1888 г.; преподает по особой программе, заимствованной им из Подольской семинарии, для которой она составлена местным учителем Богдановым и утверждена Св. Синодом (Указ 21 июля 1887 г.). Она приноровлена преимущественно к практическим целям. Успехи воспитанников нельзя признать удовлетворительными: при мне даже воспитанники V класса не обнаружили достаточного навыка в исполнении ими по церковному обиходу простых церковных песнопений. При мне пение их как поодиночке, так вдвоем и целым классом не ладилось»¹.

Характеристика Нечаевым преподавательского состава Донской духовной семинарии и методов преподавания свидетельствует (за исключением церковного пения) о высоком уровне профессионализма преподавателей, которые не только внятно и доступно объясняли свой предмет, но и демонстрировали умение добиться результатов, которые отмечал ревизор. Важнейшим качеством преподавания было умение заинтересовать воспитанников своим предметом.

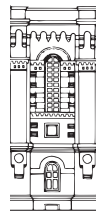
В отчетах ревизоров 1890-х гг. отмечалась активная внеучебная деятельность. Так, в 1892/1893 учебном году в актовом зале семинарии по воскресным дням велись религиозно-нравственные чтения. Протоиерей Митрофан Симашкевич провел 10 таких чтений, посвященных объяснению «туманных картин», представляющих изображения святых, замечательные места Константинополя и события из священной истории и истории христианской Церкви². А.Г. Епифанович провел два чтения на тему: «Разумно ли поступают люди, когда, называя себя христианами, критикуют христианское учение или источник его – Священное Писание»; священник Н.П. Кутепов – два чтения «О молитве за усопших»; П.П. Согин – одно чтение на тему «Мысли о современном положении женщины и следствиях его для общественной нравственности»; В.П. Дурасов – одно чтение на тему «Об отношении естественных наук к библейскому сказанию о происхождении человека»³. Эти чтения предполагали участие образованных слушателей и вызывали большой интерес среди новочеркасцев.

Большое внимание в годы руководства семинарией протоиереем Митрофаном уделялось миссионерской деятельности, на которой еще при основании семинарии настаивал архиепископ Платон (Городецкий). В 1890-е гг. по воскресным дням Великого поста

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1892 г. Д. 16. Л. 71об.

² ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 941. Л. 12.

³ Там же. Л. 12об.–13.

продолжались чтения миссионерского характера «по вопросам расколо-сектантской полемики», которые проводили воспитанники V и VI классов в актовом зале семинарии. Эти чтения, как и проводившиеся преподавателями, привлекали значительное число слушателей¹. Особенно привлекательными для них были собеседования, завершавшие чтения².

В первые годы XX в. в семинарии появились новые формы обучения миссионерской деятельности. В 1904 г. преподавателем кафедры истории и обличения старообрядческого раскола и сект протоиереем Евграфом Овсянниковым была организована миссионерская экскурсия воспитанников VI класса Донской духовной семинарии – с 15 по 18 октября 1904 г. они посетили хутор Задоно-Кагальницкий. Целью поездки было ознакомление «с лучшими способами ведения публичных собеседований с выдающимся раскольническим начетчиком Перетрухиным»³. Во встрече планировали принять участие епархиальный противораскольнический миссионер протоиерей Николай Кутепов, окружные миссионеры священник Иоанн Артемьев, священник Иоанн Федосов, Евтихий Холостов и некоторые единоверческие священники селений, ближайших к хутору. На встречу прибыли и старообрядцы из соседних хуторов и станиц с целью «послушать, как будет защищать раскол их “всероссийский миссионер” Перетрухин»⁴. Однако Климент Перетрухин не явился на назначенную встречу⁵.

17 октября в 4 часа утра семинаристы в сопровождении миссионеров отправились в моленную местных старообрядцев австрийского толка, где «отстояли всю утреню, внимательно наблюдая за всеми особенностями богослужебного чина. Во время литургии, совершенной в православном храме протоиереем Николаем Кутеповым в сослужении миссионеров, носящих священный сан, и единоверческих священников, воспитанники семинарии пели все церковные песнопения и одним из них был прочитан апостол. Стройное пение семинаристов вызвало молитвенное настроение у православных жителей хутора Задоно-Кагальницкого... пение было простое, чуждое всего партесного и искусственного»⁶.

Одним из важных событий внутренней жизни Донской духовной семинарии было зачисление в нее в 1899 г. уроженцев Сербии и Черногории. 13 сентября 1899 г. в Учебном комитете Св. Сино-

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1 Д. 1436. Л. 23об.

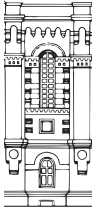
² Там же.

³ Овсянников Е., прот. Миссионерская экскурсия воспитанников Донской духовной семинарии // ДЕВ. 1904. № 34. С. 902.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. 1904. № 36. С. 926.

да рассматривалось ходатайство воспитанников IV класса Санкт-Петербургской духовной семинарии, уроженцев Сербии Николая Казимировича и Георгия Поповича «о переводе их по болезни в одну из южных духовных семинарий»¹. Приняв во внимание обстоятельства, Св. Синод определил перевести просителей в Донскую духовную семинарию².

22 сентября 1899 г. определением Св. Синода в III класс Донской духовной семинарии были зачислены уроженцы Черногории Вукашин Маркович и Нешко Радович³. Они обратились в Св. Синод с прошением «о принятии их в русские духовно-учебные заведения»⁴. После «рассуждений», Св. Синод определил: «Разрешить правлению Донской духовной семинарии принять Вукашина Марковича и Нешко Радовича в число воспитанников в соответствующие их познаниям классы с применением к ним установленных для иностранцев льгот, поручив при сем правлению о назначении Марковичу и Радовичу стипендий из синодальных сумм на их содержание»⁵. При определении учебного заведения, скорее всего, свою роль сыграли перевод в Донскую семинарию уроженцев Сербии и теплый климат Новочеркасска, который должен был подойти южанам.

ТРАДИЦИИ: СЕМИНАРСКИЕ ТОРЖЕСТВА И ЧЕСТВОВАНИЯ ЮБИЛЯРОВ

Одним из важнейших показателей стабильности внутренней жизни учебного заведения являются традиции. К 1890-м годам в Донской духовной семинарии их появилось немало: и выдача нагрудных серебряных крестиков вновь поступившим семинаристам после литургии в день памяти св. апостола Иоанна Богослова 26 сентября 1898 г.⁶, и празднования юбилеев преподавателей. В 1893 г. традицией стало празднование юбилейных дат самой семинарии. 1 октября 1893 г. отмечалось 25-летие Донской духовной семинарии. Торжество готовилось заранее. Сохранившаяся программа, утвержденная протоиереем Митрофаном Симашкевичем, дает представление о подробностях торжества:

«1. По вступлению Его Высокопреосвященства в зал собрания певчие пропоют “Царю небесный” и тропарь праздника с заключительным “Ис полла эти деспота”.

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1117. Л. 1.

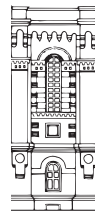
² Там же.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Д. 1061. Л. 2об.

2. Секретарь Правления семинарии преподаватель Андрей Александрович Кириллов прочитает “Краткую историческую записку о Донской духовной семинарии”.

3. Певчие пропоют гимн: “Привет тебе, питомник наш духовный”.

4. Секретарь Правления семинарии, преподаватель Андрей Александрович Кириллов прочитает “Извлечение из отчета о состоянии Донской духовной семинарии по учебной и воспитательной частям за 1892/93 учебный год”.

5. Певчие пропоют часть кантаты, составленной учеником семинарии Андреем Яковлевым и положенной на ноты учеником Митрофаном Селютиным.

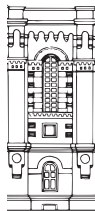
6. Секретарь Правления семинарии, преподаватель Андрей Александрович Кириллов прочитает список учеников семинарии, которым предположено выдать в награду книги за отличные успехи и весьма похвальное поведение»¹.

Согласно списку, приложенному к программе, журнальным постановлением Правления семинарии от 14 июня 1893 г. к награде книгами были представлены²:

Имена и фамилии воспитанников	Наименование книг
VI класс	
Яков Лепилин	Мартелен. Христианское учение о нравственности. СПб., 1890
Андрей Яковлев	Буткевич Т., свящ. Жизнь Господа нашего Иисуса Христа. СПб., 1887
Иван Артинский	Вениамин, архим. Новая скрижаль. СПб., 1891
Мирон Горчуков	Филарет, архиеп. Обзор русской духовной литературы. СПб., 1884
IV класс	
Алексей Базилевский	Дебальский Г.С., прот. Попечение православной Церкви о спасении мира. СПб., 1885
III класс	
Андрей Негодаев	Арсений, архим. Летопись церковных событий и гражданских, объясняющих церковные. СПб., 1880
Николай Попов	Такая же книга

¹ ГАРО. Ф 352. Оп. 1. Д. 941. Л. 10об.–17об.

² Там же.

II класс

Иван Гурьев	Училище благочестия, или Пример христианских добродетелей, выбранные из житий святых. СПб., 1891
Павел Смирнов	Такая же книга
Николай Лагунов	Фома Кенийский. О подражании Христу. Перевод К.П. Победоносцева. СПб., 1890
Алексей Абраменков	Такая же книга

Далее по программе следовало:

«7. Певчие исполняют гимн: “Боже, Царя храни”.

8. В заключение певчие пропоют: “Достойно есть” и “Ис полла эти деспота”»¹.

Впоследствии в книге «Празднование двадцатипятилетия Донской духовной семинарии 1 октября 1893 г.»² А.А. Кириллов дополнил описание празднования подробностями. Так, центром празднований были богослужения: всенощное бдение, совершенное в Иоанно-Богословском домовом храме Преосвященным Иоанном (Митропольским), епископом Аксайским в сослужении семинарского духовенства, и литургия. Божественную литургию совершал архиепископ Донской и Новочеркасский Макарий (Миролюбов) в сослужении епископа Аксайского Иоанна, ректора семинарии протоиерея М. Симашкевича, благочинного Семикаракорского благочиннического округа священника В. Говорова, преподавателя семинарии священника Н. Кутепова и духовника воспитанников священника Григория Митропольского³. После чтения Евангелия архипастырь сказал поучение о покрове и заступлении Царицы Небесной над членами Православной русской церкви и о сохранении в течение 25 лет духовного вертограда⁴. В благодарственном молебне, совершенном после литургии, принял участие, как писал А.А. Кириллов, все донское духовенство⁵.

После богослужения начался торжественный акт. Главным украшением семинарского зала была большая икона Богоматери с Предвечным Младенцем (копия с картины Сорокина), написанная к празднованию 25-летия семинарии учителем иконописания М.Д. Розановым⁶. Пожалуй, самым трогательным моментом торжества стало исполнение семинаристами гимна, написанного протоиереем Митрофаном Симашкевичем и положенного на музыку учителем пения священником В.С. Костенко⁷:

¹ ГАРО. Ф 352. Оп. 1. Д. 941. Л. 10 об.-17 об.

² Кириллов А.А. Празднование двадцатипятилетия ...

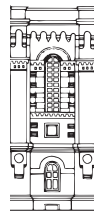
³ Там же. С. 46.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 47

Привет тебе, питомник наш духовный!
 Поклон тебе челом до матушки земли
 От всех, кому приют ты дал укромный,
 Кого в тебе святой наукой облекли.

О, наш родной, желанный!
 О, наш кормилец дорогой!
 Да будет непрестанно
 Господня милость над тобой!

С тех пор как ты возник в донских пределах,
 Как ты стоишь, вот двадцать пять уже лет прошло,
 И сколько добрых ратников умелых
 К борьбе со злом в твоих твердынях возросло!

О, страж науки верный!
 Забрало истины святой!
 Да будет беспредельна
 Господня милость над тобой!

И сколько под твоим священным кровом
 В безвестности трудились доблестных мужей
 Во славу Божию, полезным словом,
 Делами добрыми, среди твоих детей.

О, храм любви небесной!
 Приют подвижников святой!
 Да будет бесконечна
 Господня милость над тобой!

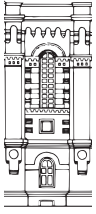
Среди невзгод в сем мире столь обычных
 Твои подвижники, в надежде на Творца,
 Несли свой крест с терпением привычным,
 По слову Господа до самого конца.

О вертоград священный!
 Оплот страдальцев дорогой!
 Да будет неизменно
 Господня милость над тобой!

Цвети, красуйся, вертоград духовный,
 Доколе солнце светит и земля стоит,
 И пусть до века Царь царей Верховный
 Рукою крепкою от бед тебя хранит!

Пусть светит бесконечно
 В родной стране светильник твой
 И пребывает вечно
 Господня милость над тобой!¹

¹ Кириллов А.А. Празднование двадцатипятилетия ... С. 47–48.

Не менее впечатляющими были доклады А.А. Кириллова. Анализируя результаты 25-летней деятельности семинарии, он сообщил, что за 25 лет в ней обучалось 3873 воспитанника, из которых только за последнее пятилетие было 888 семинаристов из духовного сословия и 388 иносословных¹. За 25 лет семинарию окончили 356 человек, из них со званием студента 182, по второму разряду 168, по третьему – 6². Из числа студентов семинарии 15 человек окончили духовную академию. Один в сане архимандрита занимает должность ректора Ставропольской духовной семинарии, один – профессор богословия, один – доцент Казанской духовной академии и т.д.³

Юбилейные торжества были отмечены началом сбора средств на учреждение стипендии. За 7 лет донским духовенством было собрано 4100 руб., и 3 июля 1900 г. стипендия «в память исполнившегося в 1893 г. 25-летия со времени открытия семинарии» была учреждена⁴.

В 1880–1890-е гг. была продолжена традиция празднования юбилеев преподавательского состава семинарии. 9 октября 1890 г. корпорация Донской духовной семинарии чествовала 25-летие службы инспектора семинарии Якова Степановича Степанова. После совершения благодарственного молебна в семинарском храме инспектору в дар была поднесена икона Божией Матери Одигитрия Смоленская. Воспитанники семинарии подарили Я.С. Степанову хлеб-соль и ценный подарок – серебряные подстаканник, чашки с блюдцем и двумя чайными ложками в изящной шкатулке. В тот же день Высокопреосвященнейший Макарий благословил юбиляра иконой св. Александра Невского и просфорой⁵.

15 октября 1892 г. состоялось празднование 25-летия службы преподавателя Донской духовной семинарии Григория Ивановича Протопопова. Начальствующие и сослуживцы поднесли ему «икону Спасителя мира прекрасной живописи в серебро-позлащенной чеканной ризе и хлеб-соль – последние в изящной серебряной солонке»⁶. От лица воспитанников V класса А. Яковлев произнес «прочувствованную речь», а певчие исполнили концерт «Блажен муж» и многолетие⁷.

С особенным теплом проходили торжества по случаю празднования 25-летия службы ректора Донской духовной семинарии протоиерея Митрофана Симашкевича. После молебна и поздрав-

¹ Кириллов А.А. Празднование двадцатипятилетия ... С. 22–23.

² Там же. С. 23.

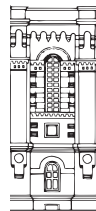
³ Там же. С. 23–24.

⁴ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1177. Л. н/п.

⁵ Юбилейное торжество в Донской духовной семинарии // ДЕВ. 1890. № 21. С. 850–853.

⁶ Двадцатипятилетний юбилей службы Гр. И. Протопопова // ДЕВ. 1892. № 22. С. 967–970.

⁷ Там же. С. 967–970.

лений преподаватели и служащие поднесли ректору Казанскую икону Божией Матери. Как сообщал А.А. Кириллов, «Икона эта высокохудожественной работы в серебряной ажурно-чеканной ризе с эмалевыми украшениями, снабжена соответствующей надписью и заключена в приличный киот»¹. Высокопреосвященнейший Афанасий (Пархомович) в качестве личного подарка прислал «ректору в благословение святую икону Спасителя в сребро-позлащенной ризе и киоте»². Также протоиерею Митрофану были подарены иконы: Донская икона Божией Матери игуменией Старочеркасского Ефремовского монастыря Иннокентией (Петровой); свт. Митрофана Воронежского священником Подольской епархии Николаем Должевичем; «художественный образ Преображения Господня от одной из почитательниц в г. Новочеркасске»³.

Все юбилейные торжества, наполненные взаимным уважением и теплом, были частью созданной протоиереем Митрофаном атмосферы, лишенной внутренних конфликтов. Особенно важную роль взаимное доверие внутри педагогической корпорации и умение работать скоординировано сыграли при столкновении с печальным явлением первого десятилетия XX в. – семинарскими волнениями.

СЕМИНАРСКИЕ ВОЛНЕНИЯ

Волнения 1901 г.

Протестные движения воспитанников духовных учебных заведений начались в Российской империи в 1880-х гг. Анализ дел «о политических заговорах и революционных и социалистических кружках», проведенный Департаментом государственной полиции, показал, что революционные «стремления» и сообщества зарождались в кружках «самообразования или саморазвития», распространенных в том числе в среде семинаристов. По мнению Департамента, именно такие кружки служили «рассадниками для образования вредных пропагандистов или, по меньшей мере, деятелей отрицательного направления»⁴. В их среде на собранные членами деньги формировались библиотеки «тенденциозных или запрещенных книг и журналов»⁵, а покров тайны, сопровождающий собрания «для рассуждения и речей о прочитанном», неиз-

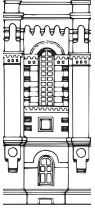
¹ Крылов А.А. Двадцатипятилетие службы ... С. 713.

² Там же. С. 714.

³ Там же. С. 715.

⁴ ГАРО, ф. 352. Оп. 1. Д. 906. Л. 1.

⁵ Там же.

менно расширял круг участников кружков¹. В ходе расследования обстоятельств семинарского волнения 10–15 декабря 1901 г. в Донской духовной семинарии было выяснено, что такая библиотека запрещенной литературы существовала и здесь. Сын урядника Войска Донского, воспитанник V класса П. Агеев собирал с семинаристов деньги на покупку «недозволенных» книг для чтения, заведовал собранием этих книг, раздавал их ученикам и «скрывал в таких помещениях, куда не могла заглядывать инспекция»². В состав запрещенных книг входили: журнал «Мир Божий» за три года, «История цивилизации Европы» Гизо, «История умственного развития Европы» Дрепера, «Происхождение семьи, собственности и государства» Энгельса, «История цивилизации Англии» Бокля, «Очерки по истории русской культуры» Милюкова³. Несмотря на отсутствие доказательств влияния чтения приведенных книг на начало семинарских волнений, П. Агеев был уволен из семинарии с правом восстановления в числе воспитанников в следующем учебном году⁴.

Учитывая начавшиеся выступления студентов университетов и духовных академий, 18 апреля 1884 г. в циркулярном указе Св. Синод, желая пресечь «образование вредных пропагандистов» и возможные выступления в среде воспитанников духовных семинарий и училищ, обращал внимание епархиальных Преосвященных на необходимость пресечь выписку «вредных» изданий для семинарских и училищных библиотек⁵. В ноябре 1886 г., предотвратив попытку воспитанников высших учебных заведений Санкт-Петербурга, в том числе студентов духовных учебных заведений, под предлогом публичного чествования намеревавшихся провести демонстрацию, 29 декабря 1886 г. Св. Синод издал указ о запрете воспитанникам духовно-учебных заведений участвовать во всех публичных мероприятиях, чествующих разного рода общественных деятелей⁶.

Усугублявшаяся ситуация и не прекращавшиеся выступления воспитанников духовных академий стали причиной сообщения Св. Синода от 6 января 1891 г., которое рассылалось епархиальным Преосвященным под грифом «конфиденциально». Архиепископ Донской и Новочеркасский Макарий (Миролюбов) получил это сообщение 18 января 1891 г. В документе, возвращаясь к существованию в среде семинаристов «тайных обществ», Св. Синод настаивал на том, что «при бдительности учебного начальства и при

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 906. Л. 1

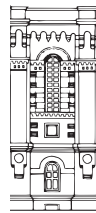
² РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 4.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 42–66.

⁵ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 906. Л. 1–10б.

⁶ Там же. Оп. 3доп. Д. 12. Л. 2.

надлежащем надзоре не могли бы образовываться такие тайные общества, а любознательности учеников при надлежащем руководстве со стороны разумных преподавателей могло бы быть дано здоровое направление»¹. Кроме этого, Св. Синод уведомлял, что обо всех замеченных случаях политической неблагонадежности между воспитанниками необходимо немедленно ставить в известность «центральное духовно-учебное управление, дабы можно было безотлагательно делать надлежащие указания к принятию мер и давать удовлетворительный ответ гражданской власти на ее заявление и требование для отвращения нареканий на местные духовные начальства»².

Очередной этап ужесточения контроля воспитанников духовных семинарий последовал в феврале 1900 г. В этом месяце всем духовным семинариям Св. Синод разослал указ императора от 15 января 1900 г. с пометками: «Печатанию не подлежит», «Циркулярно». Указ предписывал Правлениям духовных семинарий и училищ незамедлительно и «неопустительно» доставлять в Учебный комитет при Св. Синоде сведения о всех случаях увольнения воспитанников «за проступки, не терпимые в учебном заведении»³. Эти сведения были необходимы для своевременного устранения «замеченных в том или другом духовно-учебном заведении настроений, так и к предотвращению тех печальных последствий, какие они обычно влекут за собой»⁴. В случаях волнений среди воспитанников, Правлениям семинарий предписывалось пользоваться даже экстренной связью – сообщать в Центральное управление духовно-учебного ведомства «о всех возникающих волнениях с указанием тех мер, какие были приняты к подавлению этих волнений» телеграммами⁵.

Волнения, захватившие значительное число духовных семинарий, начались в 1901 г. Несмотря на преследования полиции, в Казани был создан «Временный центральный организационный совет семинаристов». Он разработал петицию, в которой требовал уравнивания программ семинарии с программами светских учебных заведений; разрешения семинаристам поступать в университеты после окончания IV класса; отмены экзаменов при переводе из класса в класс; сокращения преподавания богословских предметов и усиления светских; устранения монашества от управления семинариями; уважительного отношения начальства к учащимся; отмены обязательного присутствия

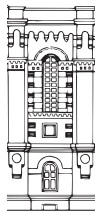
¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 906. Л. 1–10б.

² Там же.

³ Там же. Д. 1165. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 1–2.

⁵ Там же.

на богослужениях, исповеди, причастия, а также постов¹. Совет семинаристов не только выдвинул приведенные требования, но и координировал действия воспитанников 43 семинарий, поддержавших требования петиции. В их число входила и Донская духовная семинария².

Первые волнения в Донской духовной семинарии начались 10–15 декабря 1901 г.³ Поводом к началу беспорядков послужили следующие обстоятельства: во-первых, циркулировавшие слухи о том, что в некоторых семинариях (Кишиневской, Ярославской и др.) воспитанники, недовольные своим бытом, «мирно и спокойно» подавали петиции своему начальству и получали удовлетворение⁴. Такое легкое, в соответствии со слухами, решение проблемы не только вселяло в воспитанников Донской семинарии ложные надежды на то, что и они могут добиться удовлетворения своих требований быстро и безболезненно, но и стало поводом к составлению петиции ректору. Во-вторых, одним из стимулов начала волнений было переданное в руки воспитанников Донской семинарии через учащегося VI класса П. Головачева воззвание, составленное воспитанниками Московской духовной академии и повторявшее пункты петиции «Временного центрального организационного совета семинаристов»⁵. Третьим поводом к началу волнений стала деятельность группы семинаристов, которую по собственной инициативе возглавил сын священника Донской и Новочеркасской епархии Стефан Макаровский⁶.

Волнения проходили по классической схеме: за несколько дней до их начала в среде семинаристов начались «предварительные сходки»⁷. На них обсуждались пункты составлявшейся петиции. Так, в деле «О поведении воспитанника Грешнова Капитона, участвовавшего в беспорядках в Донской духовной семинарии и в подаче петиции ректору» свидетельствовалось: «Дня за два или за три до подачи петиции ректору [Капитон Грешнов] читал проект этой петиции своим товарищам – ученикам V класса, жившим в семинарии. В числе пунктов сего проекта намечен был пункт об увольнении г[осподина] инспектора от должности. Грешнов изложил высказанные на сходках основания для увольнения г[осподина] инспектора и вообще агитировал в пользу требований петиции»⁸. В качестве агитаторов выступали и другие семинаристы: А. Рышкин, который «открыто ратовал среди воспитанников в пользу из-

¹ Ядрицов В.П. Учащиеся средних учебных заведений Дона в общественном движении 1901–1907 гг. Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2004. С. 76.

² Там же.

³ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 3.

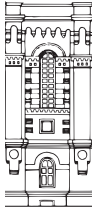
⁴ Там же. Л. 153об.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 5об.

⁷ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1281. Л. 3.

⁸ Там же.

ложенных в петиции требований»¹, Т. Яковлев², сын священника А. Малинина, агитировавший за подачу петиции «с требованием «большей свободы» вообще и увольнения некоторых должностных лиц»³: Н. Никитина, А. Титаренко, Н. Адрианова⁴. Важнейшим обстоятельством, способствовавшим быстрой ликвидации волнений, было несогласие немалой части семинаристов с позицией агитаторов. В том же деле «О поведении воспитанника Грешнова Капитона...» сообщалось, что семинаристы в ходе агитационных работ «горячо оспаривали петицию ректору»⁵.

Негласным лидером движения был воспитанник IV класса Донской семинарии Стефан Макаровский⁶, которого поддерживали Н. Никитин – «главный сотрудник Стефана Макарского»⁷; С. Базикин, во время подачи ректору петиции выступавший с заявлениями по вопросу о квартирах⁸; А. Горбачев, который «играл роль вожака, с которым другие находили нужным совещаться»⁹, и другие. Следствие, проведенное в Донской семинарии, «главным агитатором и руководителем... волнений» назвало С. Макаровского¹⁰. Он инициировал составление петиции, принимал в этом активное участие и был главным действующим лицом ее подачи. Однако организация сочувствующих семинаристов, участвовавших в акте передачи петиции ректору, скорее всего, была заслугой его добровольных помощников.

Центральным событием волнений было вручение 13 декабря 1901 г. петиции ректору семинарии протоиерею Митрофану Симашкевичу¹¹. Встреча с ректором проходила в соответствии с нормами приличий и дисциплинированно. При подаче петиции С. Макаровский предупредил, что целью выступления является «не учинение скандала и бесчиния, а только законный и необходимый протест против ненормальных условий ученической жизни, которые необходимо устранить во что бы то ни стало»¹².

Требования, составленные семинаристами, гласили:

«1) За неприязненные отношения к воспитанникам помощника инспектора А.М. Щетковского уволить его от занимаемой должности;

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 5.

² Там же. Л. 6об.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же.

⁵ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1281. Л. 3.

⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 5об.

⁷ Там же. Л. 4.

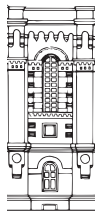
⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 4об.

¹⁰ Там же. Л. 5об.

¹¹ Там же. Л. 4об.

¹² Ядрицов В.П. Уроки радикализма: учащиеся средних учебных заведений Дона и Северного Кавказа и революционное движение 1901–1904 гг. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1994. № 1–2. С. 21.

2) преподавателям Сосновскому, Стратилатову и др. внушить, чтобы они деликатнее обращались с воспитанниками;

3) просить о[тца] инспектора, чтобы он объяснял воспитанникам, за какие проступки уменьшен балл по поведению, и чтобы предыдущий низкий балл по поведению не влиял на последующий – не уменьшал его;

4) ученической библиотекой должен заведовать воспитанник старшего класса;

5) назначить другого библиотекаря в фундаментальную библиотеку и позволить более свободное пользование ею;

6) не стеснять воспитанников в выборе квартир;

7) доктор должен ежедневно в определенные часы посещать больницу;

8) улучшить пищу корпусным воспитанникам и позволить им по очереди дежурить на кухне во время приготовления им обеда и ужина»¹.

В заключении петиции «бунтари» просили дать ответ на третий день. В противном случае они обещали объявить забастовку².

Как видно, пункты петиции не были радикальными. Их основное требование – корректное обращение преподавателей с воспитанниками, причем в петиции излагалась просьба об увольнении только одного человека – помощника инспектора А.М. Щетковско-го. Звучавшие в агитации К.Грешнова призывы к увольнению инспектора³, в должности которого с 1897 г. был А.А. Кириллов⁴, в петиции не упоминались. Скорее всего, К.Грешнов, говоря об «инспекторе», имел в виду его помощника А.М. Щетковского.

Классическая схема семинарских волнений предполагала протестное поведение воспитанников на занятиях. Действительно, 14 декабря такое поведение имело место. В копии журнального постановления Правления Донской духовной семинарии говорилось: «Заволновались все классы, посылались г[осподам] наставникам не только отказы отвечать, но и слушать объяснения их; произносились фразы: “Нам не надобно урока!”, библии и учебники скрывались; стоило громадных усилий и инспекции, и наставникам, чтобы мало-мальски прилично вели себя даже ученики I класса, которые грубо протестовали против порядка и классных занятий... многие воспитанники из благонамеренных начали в страхе просить себе увольнения домой. И, получив разрешение о[тца] ректора, брали отпускные билеты»⁵. Сын священника Н. Попов 14 декабря в классе на одном из уроков демонстративно заявил «о невозможности

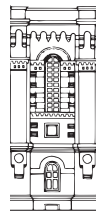
¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 153об.

² Там же.

³ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1281. Л. н/п.

⁴ Там же. Д. 1264. Л. 1об.; Оп. 3. Д. 107. Л. н/п.

⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 3об.

доверия и сердечных отношений между воспитанниками и преподавателями»¹. А. Долгов 14 декабря на всех уроках вступал в пререкания². И. Поливанов «угрожал продолжением беспорядков, обещая всеми мерами препятствовать возобновлению занятий в семинарии»³. Помимо сорванных уроков, в IV классе было зачитано воззвание студентов Московской духовной академии, призывавшее всех семинаристов к организованным забастовкам во имя реформы семинарий⁴.

Вышедшая из-под контроля руководства ситуация заставила протоиерея Митрофана временно отстранить от должности помощника инспектора и телеграфировать об остальных требованиях архиепископу Афанасию (Пархомовичу) и обер-прокурору Св. Синода К.П. Победоносцеву⁵. 15 декабря ректор семинарии предложил всем воспитанникам разъехаться на каникулы⁶. Вслед им были посланы уведомления об увольнении и условиях обратного приема. На первом этапе проводившегося внутри Донской семинарии следствия права возвращения в семинарию были лишены 79 человек⁷. Позднее Правление семинарии изменило свое решение и уволены были 29 человек⁸. После оговоренного Правлением срока 25 из отчисленных воспитанников вернулись в стены семинарии. «Волчьи билеты», по выражению В.П. Ядрицова, получили: С. Макаровский, А. Щербинин, А. Титаренко и Н. Никитин⁹. Расставшись с духовным учебным заведением, А. Титаренко, впрочем, ходатайствовавший в 1902 г. перед обер-прокурором Св. Синода К.П. Победоносцевым о разрешении продолжить обучение в духовной семинарии¹⁰, стал социал-демократом. Он был тесно связан с оратором Донкома И. Брагиным, выслан в Сибирь, бежал, участвовал в подпольной работе в Поволжье, вновь был арестован¹¹. А Щербинин стал видным меньшевиком на Северном Кавказе и одним из основателей Кубанского комитета РСДРП¹². По предварительным сведениям, С. Макаровский после окончания Санкт-Петербургского университета трудился в должности учителя в Екатеринославской губернии¹³.

Для предупреждения в будущем выступлений семинаристов 14 января 1902 г. Св. Синод поручил архиепископу Донскому и Но-

¹ РГИА. ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 9.

² Там же. Л. 9об.

³ Там же. Л. 4об.

⁴ Ядрицов В.П. Учащиеся средних учебных заведений Дона ... С. 78.

⁵ Ядрицов В.П. Уроки радикализма: учащиеся средних учебных заведений ... С. 21.

⁶ ГАРО. ф. 826. Оп. 1. Д. 8. Л. 51; ф. 352. Оп. 1. Д. 1203. Л. 189, 201-202.

⁷ Ядрицов В.П. Учащиеся средних учебных заведений Дона ... С. 79.

⁸ РГИА. ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 2.

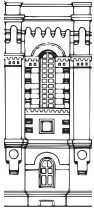
⁹ Ядрицов В.П. Академисты Донской духовной семинарии 1901–1907 гг. // Памяти Владимира Григорьевича Мирзоева. Сб. ст. Ростов н/Д, 2003. С. 90.

¹⁰ РГИА. ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 153–156об.

¹¹ Ядрицов В.П. Учащиеся средних учебных заведений Дона ... С. 81.

¹² Там же.

¹³ ГАРО. ф. 226. Оп. 3. Д. 11736. Л. 182об.

вочеркасскому Афанасию (Пархомовичу) «предписать» Правлению Донской духовной семинарии найти способы предотвращения беспорядков в будущем¹. 4 марта 1902 г. Правление предложило ряд мер, которые, по мнению его членов, могли повлиять на стабилизацию ситуации:

- рекомендовать всем преподавателям семинарии возможно более точное исполнение «Правил об участии преподавателей Донской духовной семинарии в деле воспитания учащихся», переработанных в связи с произошедшими событиями;

- преподаватели должны были контролировать исполнение семинаристами «Правил, определяющих образ жизни и поведения учеников»;

- преподавателям предлагалось для «надлежащего объединения воспитательного влияния всей корпорации на замеченных в неблагоповедении учеников» на общих педагогических собраниях обсуждать не только успехи, но и поведение воспитанников;

- преподаватели обязывались сообщать инспектору о том, какие книги читают семинаристы;

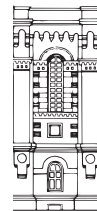
- последний пункт, также касающийся обязанностей преподавателей, предписывал им с особенной осторожностью делать замечания семинаристам: «Замечания, внушения и выговоры ученикам должны быть делаемы преимущественно наедине, а не в классе, и вообще не в присутствии других учеников в предупреждение упрямства и озлобленности со стороны неисправного ученика и для приведения его к сознанию своей вины и раскаянию, а также, с другой стороны, в виду опасения произвести при этом вредное в воспитательном отношении впечатление на товарищей провинившегося»². Собственно, этот пункт косвенно выполнял требования семинаристов, переданные ректору 13 декабря 1901 г.: «Преподавателям... внушить, чтобы они деликатнее обращались с воспитанниками»³.

Первый опыт протестных выступлений воспитанников Донской духовной семинарии показал, что волнения 1901 г., прошедшие в русле общероссийских студенческих выступлений и по их примеру, имели особенности. Прежде всего, семинаристы выдвинули требования, носившие не радикальный характер, а вполне мирный, настаивавший, за исключением увольнения помощника инспектора, на действиях руководства, не требующих от него больших затрат. Волнения носили в большей степени стихийный характер и не привлекали на свою сторону большого числа воспитанников. В качестве идеологов и агитаторов движения выступали

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1249. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 8. Л. 153об.

семинаристы, чей авторитет не был абсолютным для подавляющего большинства. Незаинтересованность в каком бы то ни было выступлении большей части семинаристов, в том числе предпочетших уехать на время волнений к родителям, позволила достаточно быстро восстановить учебный процесс.

Волнения 1902 г.

Волнения, прошедшие в Донской духовной семинарии в конце ноября – начале декабря 1902 г., назвать бунтом можно лишь условно, учитывая принятые руководством семинарии незамедлительные меры для стабилизации ситуации.

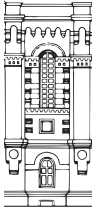
Спустя год после неудавшегося выступления, в 1902 г. в Донской духовной семинарии к началу осени организовалась инициативная группа из воспитанников II–IV классов П. Черепяхина, П. Певнева, Ф. Пятибраторова, А. Дикарева и М. Климентова. После беспорядков в 1901 г. они были отчислены, а в августе 1902 г. восстановлены¹. Определить причины, заставившие этих семинаристов предпринять попытку организации новых волнений, сегодня не представляется возможным. Вероятно, они действовали в рамках романтической идеологии общероссийских семинарских выступлений. Не последнее место в их решимости, скорее всего, занимала уверенность, что возможное наказание не будет жестоким – им либо разрешат продолжить образование в семинарии через год, либо, как уже получившие «волчьи билеты» инициаторы волнений 1901 г., они продолжат образование в университетах.

Основной целью выступления 1902 г., как и в 1901 г., была подача петиции ректору семинарии с требованием уволить часть преподавательского состава и расширить круг естественно-научных дисциплин². Участник событий 1902 г. А.П. Марков, в 1971 г. выступивший с воспоминаниями об этих днях в журнале «Наука и религия», сообщал о том, что в петиции требовалось также «ввести в программу изучение двух иностранных языков и естественные науки, расширить преподавание математики и физики, изучать известных писателей нового времени и современников, исключить из программы первых четырех классов Священное Писание и библейскую историю, и выбросить за ненадобностью преподавание пасхалий... а все богословские науки сосредоточить в пятом и шестом классах. Но главное, чего добивались семинаристы, – права поступать в университет после окончания четвертого класса»³. Тенденциозность источника, конечно, может вызвать сомнения в утверждении автора воспоминаний, но изложенные им требо-

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1902 г. Д. 40. Л. 10–12об.

² Ядрицов В.П. Академисты Донской духовной семинарии ... С. 91.

³ Марков А.П. Семинарский бунт // Наука и религия. 1971. №9. С. 51–52.

вания вполне соответствовали тем, которые выдвигались семинаристами первых лет XX в. В случае отказа руководством Донской семинарии от выполнения изложенных требований, семинаристы планировали организовать забастовку¹.

Волнения 1902 г. начались серией ночных «происшествий», носящих хулиганский характер: в ночь с 19 на 20 ноября 1902 г. в окно квартиры преподавателя латинского языка священника А. Пульхри-тудова была брошена бутылка из-под чернил с запиской: «Нашему дорогому наставнику и иерею “по чину Мелхисидекову” о[тцу] Александру. Признательные семинаристы, 1902 г. 19 ноября»². Вечером 4 декабря в окно квартиры инспектора семинарии А.А. Кириллова был брошен кирпич с запиской: «Дорогой Андрей Александрович!!! Примите и не гневайтесь! Признательные воспитанники!»³. В обоих случаях было проведено расследование, не давшее результатов.

Событием, предопределившим судьбу не состоявшегося бунта, было письмо одного из семинаристов, переданное протоиерею Митрофану Симашкевичу. Автор письма предупреждал о готовящихся волнениях и в том числе назвал имена лидеров: П. Черепяхина, П. Певнева, Ф. Пятибратова, А. Дикарева и М. Климентова⁴. П. Черепяхин сразу признал свою причастность к готовящемуся выступлению, но назвать имена своих «сподвижников» отказался. Остальные участники категорически отрицали свое участие в предстоящих событиях⁵.

Экстренное собрание Правления семинарии окончательно решило судьбу не начавшихся организованных беспорядков: П. Черепяхин был отчислен, П. Певнев, Ф. Пятибратов, А. Дикарев и М. Климентов высланы из Новочеркасска «впредь до разъяснения дела». После оглашения решения Ф. Пятибратов и А. Дикарев написали прошение об отчислении⁶. Правление также объявило всем воспитанникам о готовящихся беспорядках и призвало не только к отказу от участия в них, но и к оказанию им противодействия⁷.

После устранения лидеров не состоявшегося бунта в семинарии еще оставались их единомышленники, но кроме распространения листовок и попыток устроить пожар, они уже ничего не могли сделать. С 7 по 12 декабря в семинарии продолжался период «пассивного сопротивления»: 7 декабря у дверей храма семинарии

¹ Ядрицов В.П. Академисты Донской духовной семинарии ... С. 91.

² Вытнов В.К. Бунтарское движение в духовной семинарии начала XX века (на примере Донской духовной семинарии) // Мат-лы IX междунар. студ. науч.-богословской конф. 10–11 мая 2017 г. / Санкт-Петербургская духовная академия. СПб.: Изд-во СПбПДА, 2017. Ч. 1. С. 62.

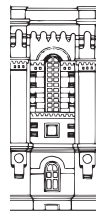
³ Там же. С. 63.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Ядрицов В.П. Указ. соч. С. 91.

⁶ Вытнов В.К. Бунтарское движение в духовной семинарии ... С. 62.

⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 40. Л. 10–13об.

сты обнаружили воззвание¹. Оно гласило: «Господа! Неужели у Вас достанет духу оставаться безучастными зрителями того, что готовится в семинарии? Неужели Вы не поддержите ту горсть воспитанников, которая вам же хочет принести пользу? Если вы не поддержите, то эта горсть погибнет безвозвратно и вы же останетесь виновными в гибели тех, кто за Вас же старается. Просим Вас, Господа, все взвесить и решить в нашу пользу. Не многие, но, надеюсь, будет много!»². Призыв свидетельствовал, что сторонниками протестного движения было очень ограниченное число учащихся. Воззвание было передано инспектору А.А. Кириллову. По решению Правления семинарии, которое тем самым продемонстрировало доверие к воспитанникам и уверенность в их «благонадежности», текст обращения был озвучен семинаристам с просьбой не отвечать на провокации. В ответ на доверие воспитанники старших классов организовали поочередное дежурство в семинарии в дневное и ночное время³. Благодаря этому, 9 декабря был предотвращен пожар – дежурные при поиске пропавшей керосиновой лампы обнаружили возгорание в сундуке со свечами. Затем была ликвидирована попытка поджечь чердак. Ночью дежурные обнаружили умышленно закрытую трубу печи, отапливавшей помещения. Кроме угроз пожара бунтовщики дважды подбрасывали листовки Донского комитета РСДРП, которые свидетельствовали не только о «безобидных» семинарских волнениях, но и об определенной связи с революционным движением⁴. В результате «пассивного сопротивления», которое выражено не поддерживалось подавляющим числом семинаристов, прошение об увольнении вынуждены были написать все участники волнения 1901 г., восстановленные в числе учащихся в августе 1902 г.⁵

Закончившиеся после 12 декабря 1902 г. волнения, не приведшие к прекращению учебного процесса, вновь продемонстрировали, что протестное движение, в этот раз подавленное в самом начале, не поддерживалось большинством воспитанников Донской духовной семинарии. В отличие от последующих волнений, оно не было централизованным, хотя и выдвигало требования, сформулированные в русле общесеминарского движения.

Волнения 1905 г.

Волнения воспитанников Донской духовной семинарии, отличающиеся радикальностью, начались с 1905 г. Их предпосылками были причастность учащихся к общесеминарскому союзу, коорди-

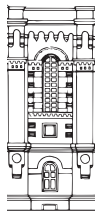
¹ Ядрицов В.П. Академисты Донской духовной семинарии ... С. 91.

² РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 40. Л. 15об.

³ Выгнов В.К. Указ. соч. С. 64.

⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 40. Л. 17об.-19.

⁵ Выгнов В.К. Указ соч. С. 91.

нирующему выступлению, и общая ситуация в империи, связанная с событиями Первой русской революции. Волнения, начавшиеся в октябре 1905 г., проходили в русле беспорядков, захвативших другие духовные семинарии. В этот раз воспитанники Донской семинарии, не предваряя свое выступление подбрасыванием записок и срыванием занятий, 12 октября 1905 г. централизованно подали ректору петицию. В отличие от петиции 1901 г., концентрирующейся на решении внутренних вопросов, она предназначалась для передачи в Св. Синод и содержала требования «полного преобразования духовно-учебных заведений»¹. При подаче требований большинство воспитанников заявило о прекращении занятий «впредь до удовлетворения петиции и пока Св. Синод не вступит на путь реформ»². 13 октября занятия в семинарии не состоялись и все воспитанники, даже не участвовавшие в забастовке, были «отпущены в дома родителей»³.

До 22 ноября 1905 г. вопрос о закрытии Донской семинарии решен не был. Ректор архимандрит Митрофан (Симашкевич) 8 ноября 1905 г. сообщил атаману Черкасского округа о том, что воспитанники отпущены домой с 13 октября 1905 г., но семинария еще не закрыта, так как «в этом пока не видится необходимости и воспитанники еще не признаны уволенными из семинарии и не числящимися в оной»⁴. Донская духовная семинария была объявлена закрытой указом Св. Синода от 21 ноября 1905 г.⁵ В сообщении Правления, объявлявшем о закрытии, оговаривалось, что бывшие семинаристы, желающие продолжить обучение, должны подать ректору прошения о приеме «непременно с прописанием обязательства исполнять все установленные для семинарских воспитанников правила благоповедения и дисциплины, не прерывать учебных занятий без указанных в существующих постановлениях причин, не возбуждать демонстративно никаких ходатайств, не подавать никаких петиций и не участвовать ни в каких сходках ни в семинарии, ни вне оной, с готовностью при несоблюдении сего подвергнуться немедленному увольнению из семинарии и выбыть из оной по первому требованию семинарского начальства»⁶. Последним сроком для подачи прошений было определено 20 декабря 1905 г. Объявление о закрытии семинарии сопровождалось уведомлением, что занятия будут возобновлены для воспитанников VI класса с 1 декабря 1905 г., а для остальных классов с 7 января 1906 г.⁷

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1332. Л. 135.

² Там же.

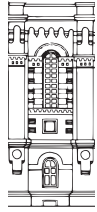
³ Там же.

⁴ Там же. Д. 1329. Л. 51.

⁵ Там же. Л. 64–64об.

⁶ Там же. Д. 1336. Л. 1–2.

⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 11. Л. 3об.–4; ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1329. Л. 64–64об.

В связи с возобновлением учебного процесса Св. Синодом был рассмотрен ряд других вопросов. Так, в определении от 22 декабря 1905 г. оговаривалось, что «все те духовно-учебные заведения или отдельные классы в сих заведениях, в коих учащиеся не приступят к занятиям непосредственно после Рождественских каникул и во всяком случае не позднее 15 января 1906 г., надлежит считать закрытыми до начала 1906/1907 учебного года»¹. По отношению к уволенным Св. Синод проявил чрезвычайную снисходительность. Все бывшие воспитанники семинарии, подавшие прошения об обратном приеме, принимались в семинарию². Воспитанники, которые проживали в семинарском общежитии и не подали прошений, объявлялись отчисленными и обязывались оставить общежитие не позднее 28 ноября³. Поставленный Правлением Донской духовной семинарии вопрос о продолжении занятий до 10 июня, об отмене переводных экзаменов и переводе воспитанников в следующие классы по годовым баллам предлагалось решить после ходатайства в Св. Синод архиепископа Донского и Новочеркасского Афанасия (Пархомовича)⁴.

Волнения 1905 г., отличавшиеся подготовкой и централизованным управлением, не дали возможности руководству Донской семинарии предупредить ситуацию. Впервые за 37 лет своего существования она прервала занятия почти на 3 месяца. Несмотря на то, что требования семинаристов, изложенные в петиции, касались вопросов, относящихся исключительно к ведению Св. Синода, прошедшие беспорядки заставили обратиться к решению внутренних вопросов. 23 мая 1905 г. ректор семинарии архимандрит Митрофан (Симашкевич) ходатайствовал об упразднении двух должностей надзирателей и учреждении вместо них дополнительной должности помощника инспектора. Его ходатайство было обусловлено тем, что в качестве надзирателей обыкновенно трудились выпускники семинарии, которые «не пользуются и не могут пользоваться авторитетом как лица, не получившие высшего образования, и посему являются малополезными в воспитательном отношении»⁵. 31 июля 1905 г. Св. Синод принял определение, согласно которому в Донской духовной семинарии вместо двух должностей надзирателей учреждалась третья штатная должность помощника инспектора⁶.

Три волны семинарских волнений, прошедших во время пребывания в должности ректора Донской духовной семинарии протоиерея Митрофана, который в 1904 г. после смерти супруги был

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1332. Л. 81–81об.

² Там же.

³ Там же. Д. 1336. Л. 3–3об.

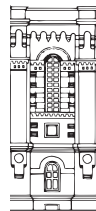
⁴ Там же.

⁵ Там же. Д. 1330. Л. н/п.

⁶ Там же.

Объявление об уволенных из семинарии воспитанниках по поводу нестроений

пострижен архиепископом Донским и Новочеркасским Афанасием (Пархомовичем) в монашество с оставлением прежнего имени, продемонстрировали в том числе итоги его деятельности. Преподавательская корпорация, сплоченная трудами архимандрита, оказалась готовой к волне семинарских выступлений. Преподаватели не только не растерялись перед лицом протестующих воспитанников, но и в 1902 г. сумели убедить большинство из них встать на сторону семинарского руководства и оказать ему помощь. После волнений 1905 г. преподавательская корпорация смогла продолжить учебный процесс и успешно выполнить учебную программу, несмотря на сложившиеся обстоятельства.

Служение архимандрита Митрофана в должности ректора Донской духовной семинарии, принесшее ей стабильность и благополучие, закончилось в ноябре 1905 г. 25 ноября 1905 г., по Высочайше утвержденному 28 ноября 1905 г. докладу Св. Синода, архимандрит Митрофан был назначен епископом Чебоксарским, вторым викарием Казанской епархии¹. Семинария простилась с будущим святителем с любовью и изъявлением глубокого уважения. Желая оставить добрую память о себе, он 31 декабря 1905 г. пожертвовал домово́й семинарской Иоанно-Богословской церкви священнические облачения и богослужебные книги².

В списке вещей, принесенных архимандритом в дар, значилось:

1) [священническое облачение] из серебряной парчи по серебряному фону с такими же цветами, с сребропозлащенным прикладом: фелонь, епитрахиль, пояса, поручи и палица, ценой 171 руб.;

2) священническое облачение из шелковой материи зеленого цвета с крестами и букетами по золотистому фону с сребропозлащенным прикладом: фелонь, епитрахиль, пояса, поручи, набедренник и палица, ценой 70 руб.;

3) священническое облачение из парчи апплике по белому фону с цветами, с прикладом апплике: фелонь, епитрахиль, пояса, поручи и набедренник, а также воздухов большого и малого, ценой 50 руб.;

4) подризник из мешковой материи бледно-канареечного цвета с прикладом апплике, ценой 20 руб.;

5) поручи, шитые позлащенным серебром по бархату малинового цвета, ценой 12 руб.;

6) служебник в лист издания Киево-Печерской лавры 1879 г., ценой 5 руб.

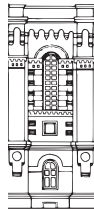
7) Последования вечерни, полунощницы и утрени с месяцесловом всего лета в 4-ю долю листа, издания Киево-Печерской лавры 1884 г., ценой 2 руб.

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 601. Л. 1об.-13, 40-41.

² ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1367. Л. 1-1об.

8) Акафист иже во святых отцу нашему Симону, епископу Владимирскому и Суздальскому, Печерскому чудотворцу в 16 долю листа в коленкором переплете с золотым тиснением, Москва, 1892 г., ценой 80 к.¹

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1367. Л. 2–2об.

4.5. РЕКТОР ПРОТОИЕРЕЙ ЕВГРАФ ОВСЯННИКОВ (1906)

После назначения, полученного архимандритом Митрофаном (Симашкевичем), встал вопрос о новом ректоре. Вероятно, семинарское Правление в 1905 г. решило воспользоваться предоставленным ей уставом духовных семинарий правом выбора кандидата на должность ректора и избрало из своей среды священника Евграфа Михайловича Овсянникова. Возможно, его кандидатура соответствовала задачам воспитания миссионеров, которые Донская духовная семинария ставила перед собой с первых дней своего существования.

После окончания Киевской духовной академии со степенью кандидата богословия Е.М. Овсянников на протяжении 13 лет трудился в Донской семинарии. Он преподавал обличительное богословие, историю и обличение русского раскола и ересей как в семинарии, так и в Донской миссионерской школе. С 19 марта 1899 г. он был назначен экспертом «по раскольническим и сектантским делам» в Новочеркасский, Усть-Медведицкий и Таганрогский окружные суды¹, а 1 февраля 1902 г. назначен в состав комиссии для выработки проекта правил Всероссийского миссионерского общества для борьбы с расколом и сектантством. В Донской духовной семинарии Е.М. Овсянников активно участвовал в проведении миссионерских бесед и миссионерских экскурсий по Области войска Донского, во время которых проводил собеседования со старообрядческими начетчиками.

12 марта 1901 г. Е.М. Овсянников был рукоположен в сан священника и назначен к домово́й церкви святителя Николая Чудотворца Новочеркасского Атаманского технического училища².

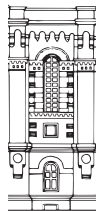
Указом Св. Синода от 14 января 1906 г. священник Е. Овсянников был назначен ректором Донской духовной семинарии. 19 января 1906 г. арх. Донской и Новочеркасский Афанасий (Пархомович) возвел его в сан протоиерея³. 26 августа 1906 г. указом Св. Синода Е. Овсянников был перемещен на должность ректора Витебской духовной семинарии⁴. Недолгий срок его деятельности в качестве ректора Донской семинарии не был отмечен событиями, оказавшими сколько-нибудь значимое влияние на ее судьбу.

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 184. Л. 2–2об.

² Там же. Д. 1379. Л. 1об.–9об.

³ Там же. Д. 1329. Л. 281.

⁴ Указ Его Императорского Величества из Св. Синода от 26 августа 1906 г. за № 9251 на имя Высокопреосвященнейшего Афанасия, архиепископа Донского и Новочеркасского // ДЕВ. 1906. № 26. С. 514–515.

4.6. РЕКТОР АРХИМАНДРИТ ДАВИД (КАЧАХИДЗЕ) (1906–1907)

ЗАВЕРШЕНИЕ СЕМИНАРСКИХ ВОЛНЕНИЙ

Архимандрит Давид (Качахидзе) возглавлял Донскую духовную семинарию очень недолго – один год и один месяц. Уроженец Имеретинской епархии, он в 1899 г. окончил Казанскую духовную академию, во время обучения в которой был пострижен в монашество и рукоположен в сан священника. После окончания академии со степенью кандидата богословия служил в духовно-учебном ведомстве: с 26 августа 1899 г. в должности инспектора школ Совета Общества восстановления православного христианства на Кавказе; с 19 февраля 1902 г. – помощника смотрителя Мингрельского духовного училища; с 15 октября 1903 г. – смотрителя Полоцкого духовного училища; с 5 мая 1905 г. – ректора Витебской духовной семинарии. Указом Св. Синода от 26 августа 1906 г. архимандрит Давид был перемещен на должность ректора Донской духовной семинарии¹.

За год его пребывания в качестве ректора произошло, пожалуй, единственное событие, вышедшее за рамки обыденности, – в 1907 г. в семинарии прошли волнения, завершившие эпоху семинарских выступлений.

В отличие от предыдущих выступлений, волнения начались нестандартно: в ночь на 1 апреля 1907 г. местной жандармской властью были арестованы и временно помещены в тюрьму воспитанники Донской духовной семинарии, принадлежавшие к общесеминарскому союзу или ему сочувствующие². В их числе были: член общесеминарского союза сын мещанина Николай Иванов, сочувствовавший «крестьянскому союзу»³; член общесеминарского союза сын мещанина Василий Марченко и его брат Митрофан⁴; члены семинарского союза сыновья крестьянина Дмитрий и Евгений Монченко⁵; сын мещанина Михаил Белоусов, который позволял себе иногда в товарищеской среде «поговорить о семинарской жизни», и сын священника Владимир Веселовский, чей арест позднее был оценен как «плод недоразумения»⁶.

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1378. Л. 1об.–3об.; Д. 1414. Л. 1об.–3об.

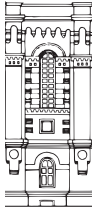
² Там же. Д. 1329. Л. 291.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 291об., 292.

⁵ Там же. Л. 291об.

⁶ Там же. Л. 292.

Несмотря на арест семинаристов, 9 апреля 1907 г. большинство воспитанников I–IV классов, выражая протест против назначенных определением Св. Синода от 20 марта 1907 г. экзаменов, самовольно прекратили занятия и объявили забастовку¹. Как и в 1905 г., выступление семинаристов послужило причиной прекращения занятий. 16 апреля 1907 г. Правление Донской семинарии постановило уволить воспитанников, прекративших занятия и заявивших, что они не будут заниматься до отмены экзаменов². Увольнение из семинарии всех участвовавших в забастовке было подтверждено указом Св. Синода от 31 июля 1907 г.³ Шанс продолжить образование был дан тем воспитанникам, «которые пожелают возобновить занятия и подчиниться требованиям начальства, начать переводные экзамены в следующие классы по всем предметам с 16 августа 1907 г.»⁴. Несмотря на указ Св. Синода, к отчисленным семинаристам вновь было проявлено милосердие: во второй половине августа в семинарию были зачислены все, подавшие прошения и сдавшие положенные экзамены⁵.

Семинарские волнения 1907 г. значительно отличались от предыдущих и свидетельствовали о движении, клонящемся к своему закату. Очевидно, что забастовка в Донской семинарии прошла в русле, определяемом общесеминарским союзом. В этот раз семинаристов не волновали ни вопросы этичного отношения преподавателей к воспитанникам, ни бытовые неудобства. Они объявили забастовку по определенному поводу, протестуя против назначенных определением Св. Синода экзаменов. Можно предположить, что это выступление в поддержку идей общесеминарского союза было в своем роде «бунтом ради бунта», поскольку призыв к сдаче экзаменов семинаристов вряд ли могло смутить определение Св. Синода от 20 марта 1907 г. Методы подавления семинарских волнений 1907 г. продемонстрировали «привычку» как Св. Синода, так и Правления семинарии к протестным движениям. Уже по наработанной схеме бунтовщики были отчислены, семинария закрыта, после чего подавшие прошения о приеме с заверениями о том, что более не будут нарушать правила поведения, были приняты вновь, и жизнь духовного учебного заведения продолжалась.

Несмотря на то, что требования донских семинаристов об отмене экзаменов не были удовлетворены, общероссийское протестное семинарское движение все-таки добилось некоторых результатов: определением от 5 сентября 1907 г. Св. Синод дал разрешение

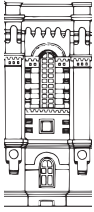
¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 2. Д. 240. Л. 1.

² Там же. Оп. 2. Д. 240. Л. 1.

³ Там же. Оп. 1. Д. 1436. Л. 3.

⁴ Там же. Оп. 2. Д. 240. Л. 1.

⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 591. Л. 75–76.

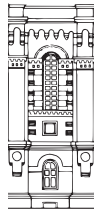
воспитанникам духовных семинарий, окончившим IV класс, поступать в университеты¹.

Анализ событий 1901–1907 гг. позволил проследить динамику развития этого движения. Если целью волнений 1901 и 1902 гг. было улучшение отношения преподавательской корпорации к воспитанникам и изменение бытовых условий, т.е. решение внутренних проблем Донской семинарии, то участники волнений 1905 и 1907 гг. выдвигали требования, согласованные с общесеминарским союзом и касающиеся реформирования системы духовного образования. Волнения 1901 и 1902 гг. отличались неорганизованностью и выраженным отсутствием поддержки большинства воспитанников семинарии. Выступления 1905 и 1907 гг. проходили централизованно, а в 1907 г. предварялись арестом членов общесеминарского союза. На всех этапах выступлений воспитанники Донской семинарии не добивались удовлетворения своих требований. В отличие от других духовных школ Российской империи, волнения донских семинаристов не сопровождались погромами, за исключением неудавшихся попыток поджога и подбрасывания в окна преподавателя латинского языка и инспектора записок в 1902 г. В целом волнения, прошедшие в Донской духовной семинарии в 1901–1907 гг., не отличались радикальностью и не были бунтами в собственном смысле этого слова.

3 сентября 1907 г. архимандрит Давид по Высочайше утвержденному всеподданнейшему докладу Св. Синода был назначен епископом Алавердским, викарием Грузинской епархии².

¹ Вятнов В.К. Бунтарское движение в духовной семинарии ... С. 66.

² ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1436. Л. 2об.

4.7. РЕКТОР ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСАНДР ЗАМЯТИН (1907–1909)

Ректор Донской духовной семинарии, магистр богословия, протоиерей Александр Замятин, окончивший в 1899 г. Киевскую духовную академию, начал свою службу в духовно-учебном ведомстве в 1900 г. Его выбор был обусловлен обязательством прослужить в духовных учебных заведениях 6 лет, поскольку в 1899–1900 гг. он был профессорским стипендиатом при Киевской духовной академии¹.

Путь А.Ф. Замятина в качестве преподавателя начался в Псковской духовной семинарии, где с 27 июля 1900 г. он преподавал основное, догматическое и нравственное богословие. Там же 22 октября 1906 г. он был рукоположен в сан священника Трехсвятительской церкви Псковской духовной семинарии. Указом Св. Синода от 13 сентября 1907 г. священник А. Замятин был назначен ректором Донской духовной семинарии «с возведением в сан протоиерея в г. Пскове»².

Прибыв в Донскую семинарию, протоиерей А. Замятин, впервые вступивший в должность ректора, пошел по пути поддержки традиций, сложившихся в этом учебном заведении. Учитывая миссионерскую направленность семинарии, ректор, поддерживаемый и направляемый донскими миссионерами, продолжил миссионерские чтения и собеседования. Принимая во внимание активизацию сектантства и влияния на юношество сочинений западных мыслителей, помимо бесед со старообрядцами были введены лекции, посвященные «обличению» идей вновь вышедших книг и полемические собеседования с сектантами.

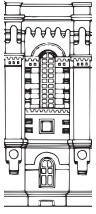
Сразу после вступления в должность нового ректора, под его председательством в сентябре 1907 г. были открыты миссионерские чтения, на которых воспитанники V–VI классов читали доклады. В них затрагивались вопросы догматического характера, приводились опровержения неверия на примерах сочинений Фейербаха и Геккеля, проводился анализ сектантских учений³.

В первое воскресенье Великого поста 1908 г. по приглашению Ростовского-на-Дону отдела Союза русского народа состоялась поездка преподавателя семинарии Д. Грацианского в г. Ростов-на-

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1475. Л. 1об.–6об.

² Там же. Д. 1452. Л. н/п.

³ Грацианский Д. Миссионерские чтения и собеседования в Донской духовной семинарии // ДЕВ. 1908. № 22. С. 581.

Дону для собеседования с баптистами¹. В поездке принимали участие несколько семинаристов и ученики Донской миссионерской школы. Баптисты не явились на собеседование, поэтому собранию членов Союза был предложен разбор баптистского учения.

9 марта 1908 г. под председательством ректора были открыты миссионерские чтения в семинарии. Они проходили в актовом зале. По традиции, на чтениях делали доклады семинаристы: воспитанник V класса С. Соин предложил доклад на тему «Истина бытия Божия»²; 16 марта воспитанник V класса И. Матвеев сделал доклад на тему «О почитании св. икон»; 25 марта – воспитанник VI класса В. Иванов «Может ли Церковь Христова быть временно без епископа»; 2 апреля – воспитанник V класса Е. Воронин «Разбор катехизиса секты "Новый Израиль"» и 30 апреля – воспитанник VI класса А. Гордеев «Каноническая и нравственно-историческая неправота австрийского раскола»³.

В собеседованиях, проходивших после чтений, нарушая традицию, выступили не старообрядцы, а баптисты – Н.С. Ходасевич и Г.А. Бойченко (пресвитер Ростовских-на-Дону баптистов). Они, отказываясь от полемики, настойчиво предлагали «почитать нечто из слова Божия для общего назидания» или сказать «о любви Божией к бедным грешникам»⁴. Им было предоставлено слово с предупреждением, что «неясное в их комментариях будет раскрыто, и если что окажется несогласным со Свящ. Писанием, будет разобрано»⁵. После слова баптистов Д. Грацианский пояснил несогласные с учением Русской православной церкви толкования.

В октябре 1908 г. произошло небезынтересное для повседневности Донской семинарии событие, связанное с решением судьбы воспитанников, неспособных к пению. Не обладая музыкальными способностями, ряд семинаристов страдал из-за низкого балла по предмету церковное пение. Еще в феврале 1902 г. Учебный комитет при Св. Синоде дал разъяснения по этому поводу: «Воспитанники семинарии, имеющие по церковному пению балл 3, могут быть зачислены в первый разряд только в том случае, если их слабая, сравнительно с прошлыми предметами, успешность по этому предмету зависит, по засвидетельствованию врача, от неспособности их к пению, а не от лени и небрежного отношения к занятиям по означенному предмету»⁶. 7 октября 1908 г. Правление Донской духовной семинарии обратилось к преподавателю церковного пения В.М. Одноралову с просьбой, чтобы он при содействии

¹ Грацианский Д. Миссионерские чтения ... С. 581.

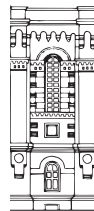
² Там же.

³ Там же. С. 582.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1462. Л. н/п.

семинарского врача определил, кто именно из воспитанников семинарии «совершенно не способен к пению» и сообщил результаты Правлению. Но в большей степени просьба касалась того, чтобы преподаватель «неспособным к пению воспитанникам ставил в классных журналах баллы по теории и истории церковного пения, отмечая при этом об их неспособности к пению»¹.

Воспитанники Донской духовной семинарии, как и другие учащиеся Новочеркаска, участвовали в гражданских торжествах. 15 марта 1909 г. на Дону праздновалось 100-летие со дня рождения известного героя Кавказской войны генерал-лейтенанта Я.П. Бакланова. По распоряжению войскового наказного атамана А.В. Самсонова, 14 марта 1909 г. во всех учебных заведениях Новочеркаска, включая Донскую духовную семинарию, были сделаны сообщения о личности генерала Бакланова и его значении для истории Войска Донского. Затем все учащиеся присутствовали на торжественной панихиде, которая была отслужена 15 марта в Вознесенском войсковом кафедральном соборе². Участие семинаристов в торжествах, связанных с историей Войска Донского, сыграло немаловажную роль – позднее, в годы Первой мировой и Гражданской войн многие из них ушли добровольцами на фронт.

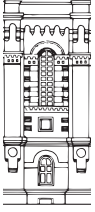
Пребывание протоиерея А.Ф. Замятина в должности ректора Донской духовной семинарии на протяжении полутора лет не могло быть ярким и запоминающимся, поскольку протоиерей, впервые занявший должность ректора духовного учебного заведения, предпочитал не нарушать привычный установившийся уклад жизни.

Указом Св. Синода от 16 апреля 1909 г. протоиерей А.Ф. Замятин был перемещен на должность ректора Подольской духовной семинарии³. Как и в случае с протоиереем Евграфом Овсянниковым и архимандритом Давидом (Качахидзе), Св. Синод произвел «рокировку» – в Новочеркасск из Подольской духовной семинарии был перемещен архимандрит Севастиан (Весті).

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1462. Л. н/п.

² Там же. Оп. 2. Д. 250. Л. 1–10б.

³ Там же. Оп. 1. Д. 1475. Л. 10б.–60б.; Д. 1499. Л. 10б.–2.

4.8. РЕКТОР АРХИМАНДРИТ СЕВАСТИАН (ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ ВЕСТИ́) (1909–1914)

УПОРЯДОЧИВАНИЕ ЖИЗНИ СЕМИНАРИИ

Архимандрит Севастиан (Григорий Иванович Весті́) – уроженец Бессарабской губернии, был назначен на должность ректора Донской духовной семинарии указом Св. Синода от 16 апреля 1909 г.¹ На службу в духовно-училищное ведомство он пришел после смерти супруги, окончания в 1901 г. со степенью кандидата богословия Киевской духовной академии и монашеского пострига, совершенного 26 августа 1900 г. в церкви Николаевского монастыря Киево-Печерской лавры².

В 1901 г. архимандрит Севастиан был назначен помощником смотрителя Единецкого духовного училища, в 1903 г. – инспектором Холмской духовной семинарии; в 1906 г. – ректором Подольской духовной семинарии³, и в 1909 г. – ректором Донской духовной семинарии.

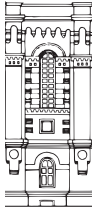
Его пребывание в должности ректора Донской семинарии отличалось упорядочением внутренней жизни семинарии, пришедшей в некоторое расстройство как по причине революционных настроений, витавших в воздухе, так и из-за сменившихся после хиротонии архимандрита Митрофана (Симашкевича) на протяжении 3,5 лет трех ректоров. Архимандрит, уже имевший опыт служения в должности ректора той же семинарии, откуда более 20 лет назад был назначен в Новочеркасск епископ Митрофан, позволил ему проявить себя как опытного руководителя, имевшего собственные представления о том, в каком направлении должна развиваться духовная школа.

После прибытия в Новочеркасск первое, с чем столкнулся новый ректор, было сообщение полицмейстера о неприличном поведении воспитанников семинарии. Закончившиеся в 1907 г. семинарские волнения не стали причиной улучшения нравственного облика и поведения донских семинаристов. Невзирая на предпринимаемые преподавателями семинарии усилия, они продолжали оставаться открытыми влиянию среды учащихся светских учебных заведений, вовсе не предполагавших в будущем связать свою жизнь с церковью. Следствием такого влияния и было обращение в октябре 1909 г. новочеркасского полицмейстера к ректору архимандриту Севастиану, в котором он сообщал: «Мною замечено, что воспитанники вверенной Вам семинарии, посещая ротонду

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1640. Л. 1об.–5об.

² Там же.

³ Там же; Д. 1701. Л. 1об.–6.

Александровского сада и городской клуб во время спектаклей, ведут себя крайне неприлично: свободно курят, а при вызовах артистов и особенно артисток неистово кричат и стучат стульями, чем и нарушают надлежащую тишину и порядок. Многие же из них, чтобы скрыть свое звание, появляются в театрах без установленной формы. Доводя о сем до сведения Вашего Высокопреподобия, для устранения подобных не порядков прошу на время спектаклей в летних и зимних театрах командировать туда одного из классных наставников, для которого в каждом помещении театра имеется бесплатное место»¹.

Приняв к сведению сообщение полицмейстера, менее чем через месяц, 6 ноября 1909 г., архимандрит Севастиан получил конфиденциальное обращение председателя Учебного комитета Св. Синода протоиерея Д. Беликова, также касающееся неблагополучной обстановки среди воспитанников духовных учебных заведений. Обращаясь к ректору, протоиерей Д. Беликов сообщал, что в «некоторых духовных семинариях» в среде воспитанников возникли нестроения, сообщения о которых проникли в периодическую печать. Эти нестроения и их известность широкому кругу читателей могли стать поводом к очередным семинарским волнениям². Во избежание новой волны протестного движения председатель Учебного комитета просил ректора принять следующие меры:

«1) иметь самое тщательное и неослабное наблюдение за поведением и настроением воспитанников, с соблюдением при этом необходимого такта и осторожности, дабы не подать повода к возбуждающим слухам и толкам, и в частности следить за тем,

а) не имеется ли среди воспитанников каких-либо тайных нелегальных кружков,

б) не возникли ли сношения с другими духовными семинариями и светскими учебными заведениями и

в) нет ли общения воспитанников с оппозиционными элементами вне семинарии.

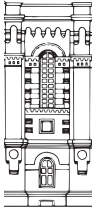
2) неослабно заботиться о том, чтобы воспитанники имели здоровый и сытый стол, чтобы помещения ученические были всегда чисты, и чтобы вообще были исполняемы все гигиенические требования;

3) соблюдая твердость и последовательность в управлении семинарией во всех ее частях, следить за тем, чтобы воспитатели и преподаватели руководились началами справедливости и беспристрастия в отношении ко всем воспитанникам при оценке их успехов и поведения, и вообще во всех случаях их школьной жизни³.

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 2. Д. 336. Л. н/п.

² Там же. Оп. 1. Д. 1541. Л. н/п.

³ Там же.

Как видно, председатель Учебного комитета излагал стратегию, избранную Св. Синодом во время семинарских волнений первых лет 1900-х гг. Основными направлениями этой стратегии были пристальный надзор за учащимися, этика поведения преподавателей и забота о питании и быте воспитанников.

В сообщении также предусматривались меры, которые необходимо было принять при возникновении нештатных ситуаций. Прежде всего, ректор должен был немедленно сообщить о возникшей ситуации Преосвященному и высшей духовной власти. Также преподавательская корпорация должна была избежать закрытия духовного учебного заведения. Применяя такие методы воздействия, как «общие увещания воспитанников всеми членами корпорации, увещание каждого воспитанника наедине, наложение наказания на виновных воспитанников соответственно степени их действительной виновности и др.»¹, преподаватели должны были добиться возобновления порядка и продолжения учебных занятий². Настроения, характерные для отдельных духовных семинарий, не затронули Донскую.

Отсутствие протестных движений в среде донских семинаристов позволило архимандриту Севастиану сконцентрироваться на упорядочении учебного процесса. Вероятно, еще в процессе знакомства с Донской семинарией ректор обратил внимание, что там имеются музыкальные инструменты: пианино, фисгармония, скрипка, контрабас, две скрипки альт и одна виолончель. Вместе с инструментами хранились ноты: «школы» для музыкальных инструментов и ноты для оркестра³. Правление семинарии пояснило ректору, что до 1902 г. семинаристы обучались игре на музыкальных инструментах и даже составляли оркестр⁴. Проведенный опрос показал, что среди воспитанников остается немало желающих обучаться музыке, но нет учителя «за неимением в распоряжении Правления семинарии средств на содержание означенного учителя»⁵.

По инициативе архимандрита Севастиана был поднят вопрос о возобновлении уроков музыки. 27 сентября 1909 г. Правление семинарии обратилось к Епархиальному съезду духовенства Донской епархии с просьбой об «особом кредите» на наем для воспитанников семинарии учителя музыки, «ввиду того, что в настоящее время при Донской духовной семинарии приводится в должный порядок семинарский оркестр»⁶. Также Правление просило о единовременном ассигновании 150 руб. на приобретение новых и ремонт старых ду-

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1541. Л. н/п.

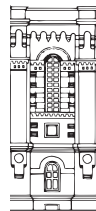
² Там же.

³ Там же. Д. 1540. Л. н/п.

⁴ Там же. Д. 1222. Л. н/п.

⁵ Там же. Д. 1540. Л. н/п.

⁶ Там же.

ховых музыкальных инструментов. В обращении к Епархиальному съезду Правление сообщало, что «имеющиеся в настоящее время в семинарии духовые музыкальные инструменты были приобретены в начале девяностых годов истекшего столетия на средства существующего при Донской духовной семинарии Иоанно-Богословского общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам оной семинарии, причем из воспитанников семинарии был организован оркестр, для чего был приглашен на средства того же Иоанно-Богословского общества особый учитель музыки и дело обучения воспитанников семинарии музыке под руководством учителя продолжалось до начала 1900-х годов, а затем, за истощением денежных средств в Иоанно-Богословском обществе и других неблагоприятных причин, дело обучения и занятия воспитанников оркестровой музыкой были прекращены»¹.

Учитывая, что занятия музыкой могут отвлечь семинаристов от «грубых удовольствий», в том числе увлечений революционными идеями, Епархиальный съезд выделил просимые суммы. С 1 января 1910 г. занятия музыкой – обучение игре на инструментах и оркестровое музицирование – были возобновлены. Занятия, в отличие от предыдущих лет, проводились три раза в неделю в послеобеденное время. В качестве учителя был приглашен «особый учитель за определенное Епархиальным съездом духовенства и церковных старост Донской епархии вознаграждение в 300 руб. в год»². С 1912 г. обучением игре на музыкальных инструментах и оркестром занимался выпускник Донской духовной семинарии, с 1908 г. преподававший церковное пение, Василий Максимович Одрноралов³.

Решением архимандрита Севастиана, которое не только шло вразрез с замыслами архиепископа Платона (Городецкого), но и с традициями, на протяжении 40 лет бережно охраняемыми в стенах Донской семинарии, было упразднение полемических бесед с раскольниками и сектантами, «кои раньше принято было вести при Донской семинарии»⁴. Этот шаг был и «упразднением» миссионерской направленности семинарии, и потерей «своего лица» – отныне Донская семинария становилась по замыслу ее ректора одной из семинарий Российской империи, лишенной своих особых черт. Впоследствии эта традиция, приносившая пользу как воспитанникам семинарии, так и старообрядцам и сектантам, возрождалась с большим трудом.

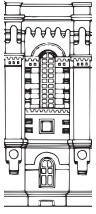
Несмотря на отказ от устоявшихся традиций Донской семинарии, архимандрит Севастиан в 1911 г. инициировал возрожде-

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1540. Л. н/п.

² От Правления ДДС // ДЕВ. 1909. № 36. С. 631.

³ Памятная книжка ОВД на 1912 год. ... С. 305; Памятная книжка ОВД на 1914 год. ... С. 370; Памятная книжка ОВД на 1916 год. ... С. 227–228.

⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 1126. Л. 10.

ние другой забытой традиции. 24 февраля 1911 г. он ходатайствовал перед Преосвященным Гермогеном (Максимовым), епископом Аксайским, о посвящении в стихарь воспитанников VI класса Донской духовной семинарии «для проповедывания Слова Божия... по примеру прежних лет»¹.

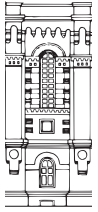
Важнейшей стороной деятельности архимандрита Севастиана в должности ректора, направленной на отвлечение воспитанников от поведения, порочащего честь семинариста и будущего священнослужителя, о которых в 1909 г. сообщал ему новочеркасский полицмейстер, было их вовлечение в различные церковные торжества, связанные с поклонением святыням. Так, 18 декабря 1911 г. ректор и воспитанники Донской духовной семинарии принимали участие в церемониале встречи и перенесения в новочеркасский кафедральный Вознесенский собор иконы преп. Евфросинии Полоцкой с частицей ее мощей². В 1912 г. перед началом экзаменов воспитанники семинарии совершили паломничество в Аксайскую станицу для поклонения местной святыне – чудотворной иконе Аксайской Божией Матери. По всей видимости, замысел ректора принес свои плоды. При описании этого паломничества Н. Лавров отмечал: «Прибыв в Аксай, воспитанники прежде всего направились в Троицкую церковь, где находится чтимая святыня... С большим одушевлением пел хор воспитанников семинарии под управлением В.М. Одноралова, причем воспитанники при чтении акафиста и молитвы к чудотворной иконе Божией Матери коленопреклоненно молились»³.

В мае 1913 г. воспитанники Донской духовной семинарии участвовали в торжествах Войска Донского по случаю дня рождения императора Николая II Александровича. Интересные обстоятельства этого торжества в отношении на имя ректора семинарии архимандрита Севастиана сообщал начальник штаба Войска Донского генерал-лейтенант Смагин: «В Бозе почивший государь император Александр III Высочайше соизволил повелеть в ознаменование высокаторжественного дня рождения Его императорского Высочества, ныне благополучно царствующего государя императора Николая Александровича, установить на 6 мая в Войске Донском войсковой круг. Войсковой наказной атаман, желая придать войсковому кругу возможно большую торжественность... а также и почтить Войско Донское за заботы о воспитании и образовании юношества, просит Вас сообщить... не признается ли Вами возможным привлечь к участию в войсковом круге воспитанников вве-

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1572. Л. 2.

² Там же. Оп. 2. Д. 264. Л. 1.

³ Лавров Н. Паломничество воспитанников Донской духовной семинарии в станицу Аксайскую // ДЕВ. 1912. № 18. С. 457.

ренной Вам семинарии»¹. С разрешения семинарского начальства в церемониальном марше приняло участие около 40 воспитанников семинарии².

Помимо упорядочения внутренней жизни, архимандрит Севастиан немало внимания уделял состоянию семинарских помещений. Так, в 1909–1914 гг. по его инициативе был расширен семинарский храм; в коридоре второго этажа устроен паркетный пол, а первого – плиточный; в главном семинарском здании было проведено электрическое освещение³.

Отмеченное упорядоченностью учебного процесса, миром и благополучием 5-летнее пребывание в должности ректора Донской духовной семинарии архимандрита Севастиана завершилось в июле 1914 г.⁴ Получив определение Св. Синода, 8 сентября 1914 г. он был хиротонисан во епископа Кинешемского, викария Костромской епархии⁵.

При прощании с бывшим ректором старейший и заслуженный из преподавателей Л.Г. Епифанович, произнося торжественную речь, следующим образом резюмировал результаты деятельности архимандрита Севастиана: «Пять лет назад наша семинария, подвергшаяся, подобно прочим учебным заведениям почти всей России, тлетворному влиянию недоброй памяти так называемого “освободительного движения”, еще находилась под его тяжелым кошмаром... благодаря Вашей усердной деятельности, все, что было у нас нехорошего, прошло и уже быльем поросло... Нисколько не преувеличивая, смело могу сказать, что за время Вашего ректорствования в Донской семинарии она значительно подтянулась и жизнь ее как в учебном, так и в воспитательном отношении сделалась нормальной»⁶. Особенно выразительными оказались слова архиепископа Донского и Новочеркасского Владимира (Сеньковского), сказанные им при прощании с донской паствой в новочеркасском кафедральном соборе в 1914 г.: «Я всегда был покоен за семинарию, ибо знал, что она находится в твердых надежных руках»⁷.

При прощании от педагогической корпорации Донской духовной семинарии архимандриту Севастиану была поднесена икона Божией Матери «изящного – в васнецовском стиле – письма»⁸.

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 2. Д. 349. Л. н/п.

² Там же.

³ Проводы бывшего ректора Донской духовной семинарии архимандрита Севастиана, предназначенного во епископа Кинешемского, викария Костромской епархии // ДЕВ. 1914. № 25. С. 1294.

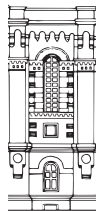
⁴ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1640. Л. 1об.–5об. Памятная книжка ОВД на 1912 год. ... С. 304. Памятная книжка ОВД на 1915 год. ... С. 361.

⁵ История иерархии Русской Православной Церкви ... С. 773.

⁶ Проводы бывшего ректора Донской духовной семинарии ... С. 1293.

⁷ Там же. С. 1295.

⁸ Там же. С. 1294.

4.9. РЕКТОР ПРОТОИЕРЕЙ ДМИТРИЙ СТЕФАНОВИЧ БОГОЯВЛЕНСКИЙ (1914–1918)

СЕМИНАРИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН

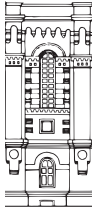
13 августа 1914 г. на должность ректора Донской духовной семинарии указом Св. Синода был назначен выпускник Московской духовной академии кандидат богословия протоиерей Дмитрий Богоявленский.

После окончания академии до 1907 г. Д.С. Богоявленский служил в духовно-учебном ведомстве: с 28 августа 1903 г. в должности помощника инспектора Пермской духовной семинарии; с 13 февраля 1907 г. – инспектора Екатеринбургского епархиального женского училища. После священнической хиротонии, состоявшейся 4 февраля 1907 г., по выражению того времени, он перешел «на епархиальную службу», на которой занимал ответственные должности: с 19 октября 1909 г. – ключаря Омского кафедрального собора, с 1 ноября 1909 г. – члена Омской духовной консистории. В 1913 г. священник Д. Богоявленский был назначен штатным членом Полоцкой духовной консистории и настоятелем Витебского кафедрального собора с возведением в сан протоиерея¹.

Послужной список протоиерея Д. Богоявленского, отмечающий лишь этапы его службы, не дает объяснений, почему он вернулся в духовно-учебное ведомство, но ему пришлось возглавить Донскую духовную семинарию в один из самых сложных периодов – в годы I Мировой войны. Протоиерей Д. Богоявленский прибыл в Новочеркасск и вступил в должность ректора на следующий день после ее объявления – 29 августа 1914 г.

Первый год войны, насыщенный ожиданиями ее скорого прекращения, почти не затронул привычный ритм жизни семинарии. Новый ректор постепенно знакомился с преподавательской корпорацией и семинаристами, вникал в особенности отлаженного учебного процесса. Скорее всего, именно в это время протоиерея Дмитрия поставили в известность, что со времени своего учреждения Донская духовная семинария была ориентирована на воспитание будущих миссионеров и до 1909 г. отличалась своей миссионерской направленностью. Вероятно, Правление семинарии предложило ректору возродить упраздненные архимандритом Севастианом полемические беседы с раскольниками и сектантами, приносившие

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 3. Д. 68. Л. 1об.–4.

немалую пользу воспитанникам. В 1914/1915 учебном году попытка возрождения была предпринята, но не увенчалась успехом. Как сообщал в отчете ревизор Учебного комитета при Св. Синоде, ревизовавший Донскую семинарию в 1915 г., «полемиических бесед с раскольниками и сектантами, кои раньше принято было вести при Донской семинарии, и ведение которых было упразднено бывшим ректором семинарии архимандритом Севастианом, не удалось организовать в отчетном году. Вместо них преподавателем истории и обличения раскола и сектантства Д. Грацианским и преподавателем латинского языка П. Якушовым, бывшим окружным миссионером, с участием воспитанников VI класса были проведены катехизаторские беседы с народом в здании дешевой столовой в г. Новочеркасске»¹.

Желание преподавателей и Правления семинарии вернуться к усиленному обучению воспитанников особенностям миссионерской работы нашло поддержку у иерарха, который на протяжении 21 года лично неустанно заботился об этом. Этим иерархом был архиепископ Донской и Новочеркасский Митрофан (Симашкевич), назначенный на Донскую кафедру Высочайше утвержденным докладом Св. Синода от 10 января 1915 г.² Принимая сердечное участие в судьбе духовного учебного заведения, которому отдал 21 год своей жизни, архиепископ Митрофан кроме обязательного возрождения «миссионерских собеседований с расколосектантами» в Великом посту 1916 г.³ благословил основание к Рождественскому посту 1916 г. проповеднического и миссионерского кружка. В его состав должны были войти в качестве председателя ректор семинарии протоиерей Д. С. Богоявленский, преподаватели и воспитанники старших классов. Кружок должен был в воскресные дни Рождественского поста 1916 г. проводить религиозно-нравственные чтения в актовом зале семинарии⁴.

1915 год был отмечен выдающимся событием, касавшимся как Донской семинарии, так и общественной жизни Области войска Донского. 25 января отмечалось 35-летие педагогической деятельности выдающегося члена семинарской корпорации и общественного деятеля Андрея Александровича Кириллова⁵. Уроженец Новгородской губернии, он всю свою жизнь посвятил Донской семинарии и донской земле, изучая ее историю. За 35 лет он воспитал немало выпускников, среди которых было духовенство, неизмен-

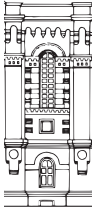
¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 1126. Л. 10

² Сорокалетие священнослужения Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Митрофана, архиепископа Донского и Новочеркасского // ДПВ. 1917. № 4. С. 104–109.

³ Проповеднический и миссионерский кружок при Донской духовной семинарии // ДПВ. 1915. № 11. С. 977.

⁴ Там же.

⁵ Андрей Александрович Кириллов. По поводу 35-летия его служебной деятельности // ДПВ. 1915. № 3. С. 158–168.

но отзывавшееся о нем с большим теплом, врачи, адвокаты, чиновники, преподаватели и военные¹. В ходе торжеств, проходивших в актовом зале семинарии, особенно подчеркивались заслуги А.А. Кириллова в области церковной истории Дона².

ДОНСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

События Первой мировой войны вошли в повседневность семинарии только осенью 1915 г. Учитывая резко возросшую потребность в помещениях для открывающихся военных училищ и лазаретов, многие учебные заведения Новочеркаска отдавали для этих целей часть своих зданий. Этой участи не избежала и Донская семинария. Руководствуясь определением Св. Синода от 28–29 октября 1915 г. и отношением обер-прокурора Св. Синода от 18 февраля 1916 г., к 1 марта 1916 г. семинария освободила все свои корпуса, за исключением помещения фундаментальной библиотеки, расположенного в нижнем этаже «старого здания семинарии». Это помещение с хранящимися в нем книгами было оставлено Правлению «во временное пользование... до особого распоряжения военного начальства»³. Остальные здания были переданы (временно) в ведение наказного атамана Войска Донского. Сообразуясь с нуждами войны, здесь планировалось открыть школу прапорщиков⁴.

Передача всех зданий семинарии не стала причиной прекращения учебного процесса. Классные занятия были продолжены в помещениях Донского епархиального женского училища, специально выделенных для семинаристов. Для квартир ректора и инспектора были сняты комнаты в частных домах Новочеркаска⁵. Воспитанникам, жившим в семинарском общежитии, 11–12 февраля 1916 г. Правлением семинарии было предложено срочно «найти частные квартиры». Все семинаристы, вынужденные снимать квартиры, ежемесячно получали по 22 руб. в счет оплаты жилья⁶.

Для обеспечения учебного процесса ученическая библиотека семинарии была помещена в здании Епархиальных съездов Донского духовенства⁷. Поскольку вместе с семинарскими корпусами в военное ведомство была передана и домовая церковь, богослужения для воспитанников семинарии с разрешения администрации Войска Донского стали совершаться в нижнем Покровском храме новочеркасского Войскового кафедрального собора⁸.

¹ Андрей Александрович Кириллов ... С. 158–168.

² Там же.

³ ГАРО. Ф. 352. Оп. 2. Д. 302. Л. 1–1об.

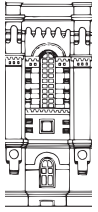
⁴ Там же. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 2.

⁶ Там же. Оп. 3. Д. 49. Л. н/п.

⁷ Там же. Оп. 2. Д. 302. Л. 2.

⁸ Там же. Л. 1–1об.

Неудобства, связанные с отсутствием собственных помещений для проведения учебных занятий и общежития, в котором нуждалось немало воспитанников семинарии, заставили архиепископа Донского и Новочеркасского Митрофана (Симашкевича) в феврале 1916 г. обратиться в Св. Синод. В представлении он сообщал, что до февраля 1916 г. занятия протекали «нормально и большая часть учебного материала по наукам семинарского курса уже пройдена»¹. Учитывая, что «дальнейшие занятия в зданиях других духовно-учебных заведений будут крайне обременительными ввиду особенно дороговизны содержания»², Высокопреосвященнейший просил разрешения завершить занятия всех классов семинарии к 1 апреля 1916 г.³

Организованное с большими жертвами окончание учебного года принесло ректору и Правлению семинарии, с одной стороны, разочарование, с другой – надежды. Несмотря на намерения открыть в зданиях семинарии школу прапорщиков, до 20 августа 1916 г. они не были использованы и оставались свободными⁴. Этот факт стал причиной обращения Правления семинарии в военное ведомство с ходатайствами о возвращении части помещений для организации учебного процесса. В ответ на ходатайства распоряжением наказного атамана семинарии были возвращены вначале помещения, расположенные в верхнем этаже старого здания семинарии, 15 сентября 1916 г. были «временно возвращены» помещения в нижнем и подвальном этажах «старого здания», использовавшиеся в качестве квартир и семинарской больницы (кроме «заразного» отделения).

Невостребованные военным ведомством комнаты в главном корпусе «вместе с некоторыми другими помещениями и дворовыми службами семинарии» с 1 сентября 1916 г. были переданы Новочеркасскому комитету Всероссийского земского союза и использовались в качестве лазарета для раненых и больных воинов⁵.

Размещение лазарета не помешало возвращению 9 октября 1916 г. в ведение Правления семинарии Иоанно-Богословского храма, находившегося в главном корпусе⁶. С 15 октября 1916 г. в нем были возобновлены богослужения⁷. Однако через три месяца, 9 января 1917 г., заведующий лазаретом попросил ректора семинарии протоиерея Д. Богоявленского ограничить число семинаристов, приходящих в храм на богослужения⁸.

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 2. Д. 302. Л. 3.

² Там же.

³ Там же.

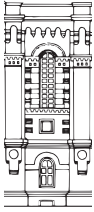
⁴ Там же. Л. 1–10б.

⁵ Там же. Оп. 3. Д. 49. Л. н/п.

⁶ Там же. Оп. 2. Д. 302. Л. 1–10б.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Оп. 1. Д. 1332. Л. 17.

УЧАСТИЕ СЕМИНАРИСТОВ В ВОЕННЫХ БУДНЯХ

184

Первая мировая война не оставила равнодушными воспитанников Донской духовной семинарии. В начале 1914/1915 учебного года они выразили желание оборудовать койку для раненого воина при больнице Общества донских врачей¹. С разрешения ректора семинарии среди воспитанников было собрано 60 руб. на ее оборудование и затем ежемесячно собиралось 45 руб. на содержание раненого воина в больнице².

В свободное от учебы время семинаристы принимали активное участие в уходе за ранеными³. Из воспитанников, выразивших желание потрудиться в качестве санитаров, была образована дружина из 60 человек. Они принимали участие в переносе раненых с вокзала в городские лазареты. Многие участвовали в организации досуга раненых: в большинстве городских лазаретов под руководством инспектора семинарии А.А. Кириллова для них были организованы чтения. Некоторые воспитанники пели и читали за богослужениями, совершавшимися в лазаретах для раненых воинов⁴.

Немало семинаристов, чутко откликнувшись на военные нужды, добровольно ушли на фронт, предпочитая службу в частях, участвовавших в военных действиях на передовой. Первыми в октябре 1914 г. «добровольцами на театр военных действий»⁵ ушли воспитанники П. Моисеев, Д. Стефановский и Г. Сцепинский⁶. Отношение к семинаристам, выразившим желание защищать Родину, сформулировал ректор Донской духовной семинарии протоиерей Д. Богоявленский, который во время проводов, состоявшихся в семинарии 29 октября 1914 г., сказал, что «на русском языке нет терминов, которыми было бы возможно выразить благодарность указанным питомцам духовной школы: они, осуществляя заповеди Спасителя о самопожертвовании как наибольшей степени христианской любви к ближним... приносят свою собственную, еще молодую жизнь в дар Святой Православной Вере, Церкви, Царю и Отечеству»⁷.

Образ мыслей и настроений, которыми руководствовалось большинство таких юношей, описаны в письме бывшего семинариста Петра Аврамова в Правление Донской духовной семинарии. Письмо было написано 11 сентября 1916 г. в ответ на просьбу Учебного комитета при Св. Синоде предоставить «точные сведения

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 1126. Л. 23об.-24.

² Там же. Л. 24.

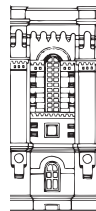
³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ В духовной семинарии // ДЕВ. 1914. №32. С. 1650.

⁶ Там же. С. 1651.

⁷ Там же.

о всех по возможности питомцах семинарии, вступивших в текущую войну в ряды действующей армии, как окончивших курс семинарии, так и вышедших из семинарии до окончания полного курса»¹. Отвечая на просьбу Св. Синода, пересланную Правлением Донской духовной семинарии, П. Аврамов писал: «Мысль поступить в ряды действующей армии возникла у меня с самого начала объявления мобилизации. С каждым днем, с каждой телеграммой, получаемой с театра военных действий, у меня росло и крепло убеждение, что мое место там, в рядах, что я нужен Родине, что грешно сидеть сложа руки дома, быть только простым зрителем того великого дела, ради которого вспыхнул европейский пожар. Я стал проситься у отца добровольцем в армию. Напрасно он убеждал меня в том, что задуманное мною неисполнимо в виду еще недоразвитости моей физики. Я был непреклонен. Пожалуй, я добился бы своего, если бы не бронхит, неожиданно сваливший меня с ног. Пришлось лечиться. В Областной больнице, где я лежал август месяц 1914 г., я узнал, что открылись офицерские 4-месячные курсы при Новочеркасском Алексеевском казачьем училище. Вскоре пришло от отца письмо, в котором он изъявил свое согласие на военную мою службу, но непременным условием ставил, чтобы я шел на войну офицером. В феврале месяце [19]15 г., после целого ряда мытарств мне удалось поступить в казачье училище, где я и пробыл до июня месяца того же года. Не стоит говорить о всех трудностях спешной 4-месячной подготовки к офицерскому званию. Только непоколебимая вера в то, что ТАК НАДО² заставила меня безропотно перенести и жестокие щелчки по самолюбию, и часто физические неудобства пребывания в школе...»³.

Петр Аврамов после окончания 1 июня 1915 г. Новочеркасского военного училища в чине прапорщика был зачислен во 2-й сводный казачий дивизион 16-го Донского казачьего полка, находившийся на австрийском фронте. Около двух месяцев он служил в должности начальника связи, прикомандированного к 77-й пехотной дивизии, затем помощником полкового адъютанта, затем вернулся в сотню. 3 мая 1916 г. был произведен в чин хорунжего. 29 мая 1916 г. назначен начальником пулеметной команды. Был ранен⁴. Получил награды: орден Св. Анны 4-й степени, орден Св. Станислава 3-й степени⁵.

Донская духовная семинария дала Русской армии немало храбрых воинов. *Стефановский Дмитрий Афанасьевич* ушел в действующую армию добровольцем из числа воспитанников IV клас-

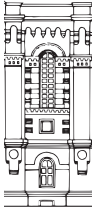
¹ ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 481. Л. 3.

² Прописные буквы в источнике.

³ ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 481. Л. 43–45.

⁴ Там же. Л. 41–42, 43–48об.

⁵ Там же.

са Донской духовной семинарии. С 20 октября 1914 г. по 1 мая 1915 г. обучался в Тифлисском военном училище, которое окончил в чине прапорщика. По окончании военного училища был зачислен в 17-й Туркестанский стрелковый полк, возведен в чин поручика, награжден орденом Св. Анны 4-й степени¹.

Филиппов Леонид Алексеевич ушел в действующую армию добровольцем, не окончив семинарский курс. 1 февраля 1915 г. окончил ускоренным курсом казачье военное училище. По окончании был отправлен на фронт в 16-й Донской казачий 8-й полк генерала Грекова. Командовал сотней, был произведен в хорунжие. 20 марта 1916 г. был командирован в Севастопольскую авиационную школу. Награды: ордена Св. Анны 4-й и 3-й степени, Св. Станислава 3-й степени. Произведен в чин сотника².

Семенов Василий Петрович ушел в действующую армию добровольцем, не окончив семинарский курс. В 1914 г. поступил в Новочеркасское военное училище, которое окончил в феврале 1915 г. в чине прапорщика. Был зачислен в 33-й Донской казачий полк и отправлен на Германский фронт. В 1916 г. получил чин хорунжего. Имел три награды³.

Попов Александр Александрович ушел в действующую армию добровольцем из числа воспитанников IV класса Донской духовной семинарии. В декабре 1914 г. поступил в Новочеркасское военное училище, которое окончил 1 мая 1915 г. в чине прапорщика. 1 июня 1915 г. зачислен командиром 5-й сотни 17-го Донского казачьего полка генерала Бакланова. Получил чин хорунжего. Был дважды ранен. Награды: орден Св. Станислава 4-й степени, орден Св. Анны 4-й степени⁴.

Васильев Владимир Капитонович ушел в армию добровольцем из числа воспитанников IV класса Донской духовной семинарии. В январе 1915 г. поступил в Новочеркасское военное училище, которое окончил 1 июня 1915 г. в чине прапорщика. Был зачислен в 12-й Донской казачий полк в 11-ю кавалерийскую дивизию, за боевые заслуги произведен в чин хорунжего. Затем воевал в партизанском отряде штаб-ротмистра Якубовского. После расформирования партизанского отряда вернулся на службу в 12-й Донской казачий полк. Награды: орден Св. Анны 4-й степени, орден Св. Станислава 3-й степени. Представлен к награждению орденом Св. Владимира⁵.

Назаров <имя не указано> Михайлович ушел в действующую армию добровольцем из числа воспитанников IV класса Донской духовной семинарии. В мае 1915 г. поступил в Новочеркасское ка-

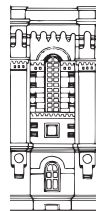
¹ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 481. Л.1-2.

²Там же. Л. 4-5.

³Там же. Л. 14-14об.

⁴Там же. Л. 29-29об.

⁵Там же. Л. 30-31об.

зачье училище, которое окончил 1 сентября 1915 г. в чине прапорщика. Зачислен в 1-ю Донскую кавалерийскую казачью дивизию в 13-й казачий полк. Был ранен. Произведен в чин хорунжего. Награды: орден Св. Анны 4-й степени¹.

Дмитриев Петр Матвеевич ушел в действующую армию добровольцем из числа воспитанников II класса Донской духовной семинарии. В марте 1915 г. поступил в Новочеркасское военное казачье училище, которое окончил в чине прапорщика. В действующей армии служил в запасной 17-й казачьей сотне².

Смоленский Семен Петрович ушел в действующую армию добровольцем из числа воспитанников III класса Донской духовной семинарии. Летом 1916 г., окончив Новочеркасское казачье военное училище в чине прапорщика, находился в 18-й атаманской полусотне в Усть-Медведицком округе³.

Морозов Иван Иванович ушел в действующую армию добровольцем, не окончив семинарский курс. В ноябре 1914 г. поступил в Новочеркасское военное казачье училище. Окончил 1 мая 1915 г. в чине прапорщика. Был зачислен в 30-й Донской казачий полк. За храбрость произведен в чин хорунжего. Награды: орден Св. Анны и орден Св. Станислава⁴.

Карташев Стефан Алексеевич ушел в действующую армию добровольцем из числа воспитанников III класса Донской духовной семинарии. 1 июня 1915 г. окончил Новочеркасское военное казачье училище в чине прапорщика. Был зачислен в действующую армию в 50-й Донской казачий полк. Принимал участие в боях в Галиции и в Финляндии. Произведен в чин хорунжего, позднее представлен «к производству в чин сотника». Награды: орден Св. Анны 4-й степени, орден Св. Станислава 3-й степени⁵.

Орлов Александр Владимирович ушел в действующую армию добровольцем, не окончив семинарский курс, в июле 1915 г. Был зачислен в 6-ю сотню 25-го полка 4-й Донской казачьей дивизии. Был ранен. Награды: орден Св. Анны 4-й степени, орден Св. Станислава 3-й степени⁶.

Щетковский Василий Григорьевич ушел в действующую армию добровольцем из числа воспитанников III класса Донской духовной семинарии. В декабре 1914 г. поступил в Новочеркасское военное казачье училище, которое окончил 1 мая 1915 г. в чине прапорщика. В июне 1915 г. отправлен на позиции австро-германского фронта, зачислен в 20-й Донской казачий полк.

¹ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 481. Л. 32–32об.

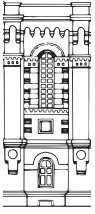
²Там же. Л. 35.

³Там же. Л. 36.

⁴Там же. Л. 37.

⁵Там же. Л. 38, 39–40об.

⁶Там же. Л. 49, 50–51.

В феврале 1916 г. произведен в чин хорунжего. Награды: орден Св. Анны 4-й степени¹.

Попов Виктор Александрович ушел в действующую армию добровольцем из числа воспитанников IV класса Донской духовной семинарии. В декабре 1914 г. поступил в Новочеркасское военное казачье училище, которое окончил 1 июня 1915 г. в чине прапорщика. Был зачислен в 25-й Донской казачий полк. В 1916 г. произведен в чин хорунжего².

Попов Петр Александрович в 1906 г. окончил I класс Донской духовной семинарии. В июне 1915 г. поступил добровольцем в 25-й Донской казачий полк, где служил телефонистом³.

Салтыков Дмитрий Стефанович ушел в действующую армию добровольцем, не окончив семинарский курс. 1 октября 1915 г. поступил в Кавказскую армию в чине прапорщика⁴.

Попов Анатолий Иванович ушел в действующую армию добровольцем из числа воспитанников III класса Донской духовной семинарии. В 1915 г. окончил Тифлисское военное училище в чине прапорщика. Был зачислен в 16-й Туркестанский стрелковый полк Кавказской действующей армии. Произведен в чин подпоручика. Состоял делопроизводителем при полковом военном штабе. Награды: орден Св. Анны 3-й степени, орден Св. Станислава 3-й степени⁵.

Артемьев Владимир Иванович ушел в действующую армию добровольцем из числа воспитанников III класса Донской духовной семинарии. В 1915 г. окончил Тифлисское военное училище в чине прапорщика. Был зачислен в 10-ю роту 17-го Туркестанского стрелкового полка Кавказской действующей армии. Произведен в чин подпоручика. В декабре 1916 г. переведен в 16-ю роту. Участвовал во взятии Эрзерума. Награды: орден Св. Анны 4-й степени, орден св. Анны 3-й степени; орден Св. Станислава⁶.

Колесников Георгий Александрович, не окончив семинарский курс, 10 декабря 1914 г. добровольцем отправился в Кавказскую действующую армию. Зачислен рядовым 14-го Туркестанского стрелкового полка. 10 декабря 1915 г. полком направлен в III Тифлисскую школу прапорщиков, которую окончил в чине прапорщика. Произведен в чин унтер-офицера. Награды: Георгиевский крест⁷.

Не ко всем бывшим семинаристам судьба была благосклонна на военном поприще. *Бурыкин Гавриил Перович*, ушедший из числа воспитанников III класса Донской духовной семинарии в дей-

¹ ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 481. Л. 52–52об., 53–53об.

² Там же. Л. 55, 56.

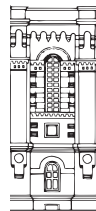
³ Там же. Л. 55.

⁴ Там же. Л. 57.

⁵ Там же. Л. 58.

⁶ Там же. Л. 59–59об.

⁷ Там же. Л. 60–60об.

ствующую армию добровольцем, прослужив во 2-й сводной дивизии 17-го Донского казачьего полка в чине хорунжего, 7 августа 1916 г. был убит в бою с германцами. Во время службы он был награжден орденом Св. Анны 4-й степени¹.

Попов Борис Николаевич ушел в действующую армию добровольцем в мае 1915 г. из числа воспитанников IV класса Донской духовной семинарии. По окончании Новочеркасского казачьего училища в чине прапорщика был зачислен в 46-й Донской казачий полк². Умер от дизентерии 8 июня 1916 г.³

Семенов Евгений Петрович ушел добровольцем в действующую армию после окончания Донской духовной семинарии, отслужив 2 года в должности псаломщика. В 1914 г. он поступил в Новочеркасское военное училище, которое окончил в феврале 1915 г. в чине прапорщика. Был зачислен в 33-й Донской казачий полк и отправлен на Германский фронт. Погиб 10 сентября 1915 г. во время наступления русских войск⁴.

Трагичной была судьба выпускника Донской духовной семинарии священника *Николая Антиповича Сысоева* (1904 г. выпуска). После смерти супруги он перешел на службу в ведомство протопресвитера Русской армии и флота. 28 сентября 1914 г. он погиб вместе с экипажем бронированного крейсера «Паллада» как военный священник⁵.

Приведенный мартиролог, неизвестный широкому кругу исследователей, показывает, что многие воспитанники Донской семинарии очень трепетно относились к судьбе своей Родины. Проучившись военному делу всего 4 месяца, они не побоялись отправиться на передовую, где отважно выполняли свой военный долг.

География полков, в которые были назначены бывшие воспитанники Донской духовной семинарии, была обширной: 12-й Донской казачий полк 11-й кавалерийской дивизии; 16-й Донской казачий 8-й полк генерала Грекова; 13-й казачий полк 1-й Донской кавалерийской казачьей дивизии; 20-й Донской казачий полк; 25-й Донской казачий полк 4-й Донской казачьей дивизии; 16-й Донской казачий полк 2-го сводного казачьего дивизиона; 17-й Донской казачий полк 2-й сводной дивизии; 30-й Донской казачий полк; 33-й Донской казачий полк; 46-й Донской казачий полк; 50-й Донской казачий полк. Бывшие семинаристы направлялись также в Кавказскую действующую армию – в 14-й Туркестанский стрелковый полк; 16-й Туркестанский стрелковый полк; 17-й Туркестанский стрелковый полк.

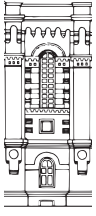
¹ ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 481. Л. 16, 17.

² Там же. Л. 7–7об., 11–11об., 12.

³ Там же. Л. 12.

⁴ Там же. Л. 14.

⁵ Там же. Л. 20–25об.

Донская духовная семинария в годы I Мировой войны дала Русской армии немало храбрых воинов – 14 из них были награждены орденами Св. Станислава 3-й и 4-й степени и Св. Анны 3-й и 4-й степени. Колесников Георгий Александрович, служивший в Кавказской действующей армии, после окончания III Тифлисской школы прапорщиков за храбрость был произведен в чин унтер-офицера и награжден Георгиевским крестом¹.

Как видно, семинаристы Донской духовной семинарии, руководствуясь распоряжениями Св. Синода, призвавшего духовенство и всех членов Русской православной церкви к оказанию социальной помощи, а также патриотическими чувствами, приняли активное участие в событиях Первой мировой войны.

УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС в 1916–1917 гг.

События Первой мировой войны не нарушили семинарских будней, задачей которых по-прежнему оставалась подготовка священнослужителей. Несмотря на частичное возвращение семинарских помещений, проблема размещения учебного заведения не была решена, и в 1916/1917 учебном году классные занятия с воспитанниками семинарии проводились на первом и третьем этажах дополнительного корпуса Донского епархиального женского училища².

Учебный процесс, за исключением повышенной интенсивности, не был изменен – все занятия проводились в нужном количестве и объеме. Помимо обязательных, из программы несмотря на тесноту не были исключены дополнительные предметы. По-прежнему в семинарии действовал иконописный класс. Его занятия (2 урока в неделю) проводились преподавателем Евгением Казаковым в одной из палат семинарской больницы. Как сообщалось в отчете семинарии, «этот недостаток помещения должен был отозваться неблагоприятно на аккуратности и правильном ходе занятий», но такие неудобства не стали причиной их прекращения. Иконописание по-прежнему вызывало интерес у воспитанников семинарии. В 1916/1917 учебном году в иконописном классе обучалось 32 человека³.

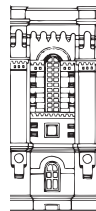
Не были в годы Первой мировой войны отменены и занятия музыкой, несмотря на недостаток помещений и другие неудобства. В 1915/1916 учебном году музыке обучались 45 человек. Вначале, как сообщал отчет, они «знакомились с инструментом и амбушюром⁴ (на духовых инструментах), а затем играли различные упраж-

¹ ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 481. Л. 60–60об.

² Там же. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1781. Л. 3.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Амбушюр – в данном случае положение губ, языка и лицевых мышц при игре на духовых музыкальных инструментах.

нения по школам и этюдам, положенным для духовых и струнных инструментов»¹. Из всех обучающихся преподаватель музыки В.М. Одноралов организовал два струнных квартета для исполнения камерной музыки и симфонический оркестр².

В 1916/1917 учебном году музыке продолжили обучаться 43 воспитанника. Также продолжали заниматься два струнных квартета, а вот симфонический оркестр под управлением В.М. Одноралова в феврале 1917 г. с большим успехом принял участие в устроенном семинарией в зале городского клуба концерте. Сбор с этого выступления был передан в пользу нуждающихся воспитанников семинарии³.

В сентябре 1916 г., после возвращения в распоряжение семинарии здания, начала действовать Образцовая начальная школа⁴, благодаря чему возобновилась подготовка семинаристов к преподаванию в церковных школах.

Особой заботой Правления Донской духовной семинарии была Иоанно-Богословская церковь. После настойчивых просьб о ее возвращении из военного ведомства, 15 октября 1916 г. храм был открыт для посещения всеми воспитанниками семинарии, но ненадолго. В январе 1917 г. на имя ректора протоиерея Д. Богоявленского поступило заявление заведующего лазаретом № 25 об ограничении посещения семинарской церкви воспитанниками, количество которых не должно было превышать 100 человек «в виду переполнения лазарета ранеными»⁵. Учитывая сложившиеся обстоятельства, 24 января 1917 г. Правление семинарии приняло постановление, согласно которому в богослужении в семинарском храме должны были принимать участие кроме певчих только воспитанники V и VI классов. Всем остальным учащимся было «вменено в обязанность» посещать богослужения в приходских храмах, расположенных ближе всего к их местожительству. Контроль участия семинаристов в богослужениях и их поведения был возложен на классных воспитателей⁶.

В 1916/1917 учебном году, учитывая обстоятельства военного времени, занятия с учащимися первых пяти классов были окончены 1 марта. Воспитанники были переведены в следующие классы без экзамена «на основании годовых удовлетворительных отметок»⁷. Занятия с воспитанниками VI класса были окончены к 23 марта. Выпускникам были выданы аттестаты и свидетельства об оконча-

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 1126. Л. 10об.

² Там же.

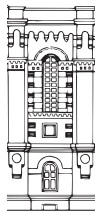
³ Там же. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1781. Л. 7об.

⁴ Там же. Л. 3-3об.

⁵ Там же. Л. 2об.

⁶ Там же. Л. 2об.-3.

⁷ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1781. Л. 6об.

нии семинарии на основании годовых удовлетворительных отчетов, выставленных «после произведенных репетиций по всем предметам», изучаемым в VI классе¹.

После завершения в марте 1917 г. учебного процесса перед семинарией встала новая проблема. Новочеркасский комитет Земского союза поставил в известность Правление семинарии о том, что было принято решение занять под лазарет для солдат кроме зданий семинарии старый корпус Донского епархиального женского училища, где проходили занятия с семинаристами². Этот вопрос обсуждался Чрезвычайным Донским епархиальным съездом, проходившим в апреле 1917 г. под председательством преподавателя семинарии Л.Ф. Свицерского. Съезд признал действия Союза «без достаточных оснований нарушающими интересы епархии»³. Особенно впечатляющим прозвучала формулировка постановления: «Земский союз обратил особенное внимание на духовно-учебные заведения, занял под лазарет для раненых воинов корпус семинарии и вынудил ее с неудобством поместиться в здании Епархиального женского училища. Ныне занимает половину корпуса этой последней школы и заставляет семинарию вновь искать себе помещение и окончательно до последней степени стеснить себя и Епархиальное женское училище, если учащиеся обеих школ будут заниматься в одном здании, или мужское духовное училище, если семинария перейдет туда. В то время когда стесняются духовно-учебные заведения, обслуживающие нужды не только духовенства, но и мирян, потому что в семинарии и духовном училище наполовину детей лиц не духовного звания и по преимуществу беднейшего класса населения, обучающихся при том бесплатно, увеселительные заведения – театры, клубы, синемаграфы освобождены от служения нуждам войны, громадные здания женского института⁴, кадетского корпуса совершенно не имеют лазаретов, из 12 барачков, предназначенных для раненых воинов, и половина не использована согласно назначению. Выселяя сотни учащихся, Земский союз не трогает немногочисленных обитателей атаманского дворца, Архиерейского дома. Ввиду вышеизложенного, Чрезвычайный донской съезд решительно высказывается против передачи Земскому союзу половины корпуса Епархиального женского училища»⁵.

Приведенное постановление съезда, не решавшее проблемы размещения Донской духовной семинарии, было, однако, очень своевременным. Отмена «процентной нормы» для инословных

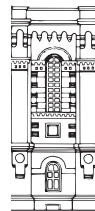
¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 1781. Л. 60б.

² Протокол № 5 заседания Чрезвычайного Донского епархиального съезда представителей духовенства и мирян 28 апреля 1917 г. // ДХМ. 1917. № 5. С. 77.

³ Там же. С. 77–78.

⁴ Имеется в виду Донской Маринский институт благородных девиц.

⁵ Протокол № 5 заседания ... С. 77–78.

и низкая плата за обучение привлекли большое число желающих получать образование в духовной семинарии¹. В 1917/1918 учебном году Правлением планировалось открыть 4-е отделение в I классе. Насущной была потребность в открытии 3-го отделения в III классе, где в двух отделениях в 1916/1917 учебном году обучалось свыше 100 человек².

Перспективы развития Донской духовной семинарии, намечавшиеся в апреле 1917 г., столкнулись с чередой событий, значительно изменивших как жизнь семинарии, так и всей страны, до 1917 г. именовавшейся как Российская империя.

ДОНСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Ноябрь 1917 г. ознаменовался трагичными как для России, так и для Русской православной церкви событиями: к власти пришли большевики, объявившие о создании атеистического государства, и началась кровопролитная братоубийственная Гражданская война.

В революционных потрясениях 1917 г. и событиях Гражданской войны донской регион занимал особенное положение. Здесь, сразу после провозглашения 7 ноября Советской республики, начало формироваться движение, целью которого было спасение России «от большевистской заразы». К службе в формирующихся отрядах привлекались в том числе семинаристы. Во главе этого движения стал полковник В.М. Чернецов: «Увидев, что организовать донское офицерство не представляется возможным, Чернецов обратился к иным силам. Столица Дона – город Новочеркасск – отличалась большим количеством учебных заведений... Чернецов стал формировать свой отряд из учащейся молодежи»³. Отряд был сформирован 30 ноября 1917 г.⁴ Сначала семинаристы несли гарнизонную службу в Новочеркасске в составе ученической дружины войскового старшины Шлычкова (командир В.М. Чернецов)⁵. После завершения формирования отряд начал участвовать в боевых действиях. Он двинулся по железной дороге на север от Новочеркаска и занял Александровск-Грушевский, затем вышел на границу Дона и Украины и занял станцию Щетово на ветке Звереве – Дебальцево. 25 декабря 1917 г. заняли Колпаково. После Нового года чернецовцы были отведены в Новочеркасск. С 5 января 1918 г. бойцы

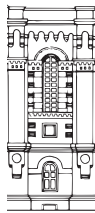
¹ Открытие новых классов при духовной семинарии // ДХМ. 1917. № 12. С. 183.

² Там же.

³ Венков А.В. «Страстная неделя» полковника Чернецова // Атаман. Южно-Российский военно-исторический журнал. 2018. № 1. С. 23.

⁴ Венков А.В. Донская армия. Организационная структура и командный состав 1917–1920 гг. Приложение-справочник к монографии Г.Г. Матишова «Донские казаки: от опоры самодержавия до жертв большевизма (XVIII–XX вв.)». Вып. 1. Донские партизанские отряды. Командование Донской армии. Молодая армия. Военно-учебные заведения. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 19.

⁵ Там же. С. 19.

отряда несли в городе караульную службу, сменив студенческую дружину. 11 января 1918 г. чернецовцами были без боя заняты Александровск-Грушевский, Сулин, Горная, станция Черевково. 12 января Чернецов вернулся в Новочеркасск за артиллерией. 14 января эшелон с батареей прибыл на станцию Каменоломни, вечером была взята станция Звереве. Далее продолжались бои за Глубокую, Лихую.

21 января 1918 г. В.М. Чернецов под станцией Глубокая был зарублен председателем Донского Ревкома Подтелковым¹. Остатки чернецовского отряда под командованием есаула Р.Г. Лазарева ушли в Ледовый поход в составе Добровольческой армии. 20 марта 1918 г. отряд Чернецова был зачислен в Партизанский полк Донской армии².

О семинаристах, служивших в отряде В.М. Чернецова, сохранились отрывочные сведения: в декабре 1917 г. на станции Горной погиб семинарист Федор Никонов³. С 6 марта 1919 г. в отряде служил семинарист Арсений Байздренков. По сообщению отца, он «был в походах на Донце против красных, ходил в наступление на врагов, был осыпан шрапнелью, и картечью сильно повреждена на голове каска... С 12 мая перешел на службу добровольцем в кавалерийский 10-й гусарский Ингерманландский полк, участвовал в сражении против красных с пулеметом в руках под г. Харьковом»⁴. Летом 1919 г. вернулся в семинарию. В отряде Чернецова служил семинарист Семен Пюрык, впоследствии также вернувшийся в Донскую духовную семинарию⁵.

Кроме отрядов, участвовавших в боевых действиях, семинаристы привлекались к военной службе в тылу. Будущий священник С.Н. Ананьев в бытность воспитанником Донской духовной семинарии после мобилизации учеников средней школы в 1919 г. был призван на военную службу и определен в качестве писаря в лазарет помощи Донского общества фронту. Здесь он прослужил до августа 1919 г., после чего поступил на должность заведующего питательным пунктом Всероссийского земского союз Румынского фронта. В ноябре 1919 г. С.Н. Ананьев был мобилизован и вернулся в духовную семинарию для продолжения образования⁶.

Военные будни, в которых участвовали воспитанники Донской духовной семинарии, не были показателем ее внутренней жизни, обусловленной в первую очередь политической обстановкой.

¹ Венков А.В. Донская армия. Организационная структура ... С. 19, 22–26.

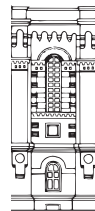
² Венков А.В. «Страстная неделя» полковника Чернецова. С. 29.

³ Венков А.В. Донская армия. Организационная структура ... С. 22.

⁴ ГАРО. Ф. 352. Оп. 3. Д. 95. Л. 19.

⁵ Там же. Д. 44. Л. 6.

⁶ Арх. УФСБ РФ по РО. Д. П-52997. Л. 70–70об.

Еще до взятия Новочеркаска Донской армией, во второй половине апреля 1918 г. был осквернен семинарский домовый Иоанно-Богословский храм. Как сообщалось в акте осмотра церкви, 13 (26) апреля 1918 г. ректором протоиереем Д. Богоявленским, инспектором А. Кирилловым и экономом Н. Яковлевым там «был обнаружен разгром, произведенный неизвестными лицами в отношении к этой церкви. Наиболее выпуклыми результатами этого разгрома явился исчезновение из алтаря церкви антиминса, а также взлом помещения для свечей в алтаре. В Евангелии (с обложкой бархатной) была сломана ножка. Ризница вся была приведена в беспорядок: ризы и другие священные облачения были смяты и брошены на пол»¹. Акт вандализма обеспокоил Донскую духовную консисторию, которая 18 мая 1918 г. просила ректора семинарии сообщить, какие предприняты меры для возобновления в храме богослужений: «Совершено ли Вами малое освящение домового семинарского храма и испрошен ли Вам у Высокопреосвященнейшего Митрофана св. антиминс взамен похищенного»². Вероятно, к началу нового учебного года храм был приведен в порядок.

Новый этап жизни Донской духовной семинарии был связан с образованием на Дону самостоятельного государства. Донское казачество, следуя автономистским устремлениям, 15 сентября 1918 г. учредило правовое государство – Донскую демократическую республику Всевеликое Войско Донское³ (18 мая 1918 г. Всевеликое Войско Донское было провозглашено Кругом спасения Дона). Ее учреждение стало причиной создания исключительных условий для жизни и деятельности Донской и Новочеркасской епархии. Если в епархиях, оказавшихся в ноябре 1917 г. на территориях, подвластных советской власти, закрывались церкви, «реквизировались» и нередко уничтожались церковное имущество, прекращали свое существование церковные школы, без суда и следствия расстреливалось приходское духовенство⁴, то Донской и Новочеркасской епархии в 1917–1918 гг. эти события коснулись лишь в незначительной степени⁵.

С 10 мая 1918 г. – дня взятия Новочеркаска казаками Донской армии⁶ – начались кардинальные изменения в жизни Донской

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 5. Д. 212. Л. н/п.

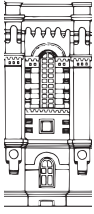
² Там же. Оп. 3. Д. 75. Л. н/п.

³ Гражданов Ю.Д. Всевеликое Войско Донское в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.). Ростов н/Д: Антей, 2015. С. 27–31.

⁴ Кашеваров А.Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2005. С. 94–110.

⁵ Шадрин А.В. Приходское духовенство ОВД в период революционных событий и Гражданской войны. 1917–1919 гг. // Философские и исторические исследования. Вып. 2. Сб. научных статей / сост. С. Б. Борисов, Н. Ф. Чипинова; ответственный редактор С. Б. Борисов. Шадринск: ШГПУ, 2017. С. 105–115.

⁶ Гражданов Ю.Д. Всевеликое Войско Донское ... С. 32.

епархии. К этому времени еще до объявления о создании автономного государства атаман П.Н. Краснов разработал основы законодательства будущего Всевеликого Войска Донского¹. По инициативе атамана, решительно протестовавшего против отделения церкви от государства, уже провозглашенного советской властью, Русская православная церковь была объявлена во Всевеликом Войске Донском «первенствующей»². Именно это определило как внутреннюю жизнь Донской и Новочеркасской епархии, так и положение духовных учебных заведений.

Подготовка к новому учебному году, сопряженная с изменением политической обстановки, стала причиной проведения 2 июня 1918 г. объединенного заседания корпораций Донской духовной семинарии, Новочеркасского духовного училища и Новочеркасского епархиального женского училища³. На заседании обсуждался вопрос о судьбе духовных учебных заведений епархии, вызванный, во-первых, прекращением связи с центральной церковной властью и, во-вторых, с прекращением поступления денежных средств из государственной казны на содержание духовных школ епархии. Также было затруднено получение денег из средств епархии⁴.

Проанализировав ситуацию, представители корпораций духовных учебных заведений пришли к выводу, что наилучшим выходом из создавшейся ситуации будет переход в ведение Отдела народного просвещения Всевеликого Войска Донского⁵. При этом оговаривалось, что в управлении школьной жизнью обязательно должен участвовать Донской архипастырь⁶. Аргументация такого решения, изложенная в докладе в Отдел народного просвещения Всевеликого Войска Донского, представляет интерес. Доклад гласил: «Ввиду исключительных обстоятельств настоящего времени к Войсковому правительству перешли по Донской области все те функции, которые раньше принадлежали центральной Всероссийской власти. В круг деятельности этой последней, между прочим, входила поддержка духовно-учебных заведений. Устанавливая Отделы и определяя объем их власти, Войсковое правительство духовную школу поставило вне ведения отделов. Между тем духовные школы занимают в Области такое положение, которое побуждает обратить на них особенное внимание. Эти школы дешевые, платы за обучение в них нет, за исключением женских Епархиальных училищ, где размер ее ниже размера платы соответствующих гражданских школ. Ввиду этого в духовных школах обучается бедней-

¹ Гражданов Ю.Д. Всевеликое Войско Донское ... С. 29.

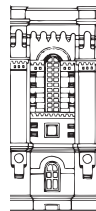
² Там же. С. 142.

³ ГАРО. Ф. 352. Оп. 3. Д. 45. Л. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 2об.

⁶ Там же.

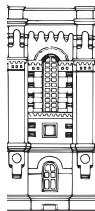

шее население, по преимуществу светского звания, наполовину, а иногда даже больше, казачьего сословия, и получает такое образование, что питомцев духовной школы мы видим на всех поприщах жизни Донского края: и в духовном, и в педагогическом, в низших и средних школах, духовных и гражданских, и юридическом, и медицинском, и административном, и военном. Вообще духовная школа настолько срослась с жизнью Донского края, что поставить ее вне этой жизни было бы делом вовсе не полезным и нарушающим исторические традиции Дона. Ввиду этого необходимо восполнить пробел в определении отношения Войскового правительства к духовной школе. Так как органом, ведающим на Дону школьное дело, является Отдел народного просвещения, то было бы вполне естественным, если бы этот Отдел принял на себя труд позаботиться о духовной школе с сохранением форм отношения к ней бывшей центральной всероссийской власти. Эта последняя всегда материально поддерживала духовную школу наравне со светской, ассигнуя необходимые суммы в исчислении духовного ведомства. ...В тяжелое время войны и развала гражданской жизни духовные школы функционировали, можно сказать, почти правильно: следовательно, административный аппарат их налажен удовлетворительно. Поэтому было бы желательно в настоящее время не производить в них крупной ломки, а ограничиться, если это потребуется, некоторыми изменениями в тех сторонах жизни, которые требуют улучшения... На основании всего изложенного общее собрание представителей духовно-учебных заведений г. Новочеркаска полагает желательным, чтобы Отдел народного просвещения Всевеликого Войска Донского ввиду вынужденного перерыва сношений местных епархиальных учреждений с церковной властью принял в свое ведение духовно-учебные заведения (мужские и женские) Донской епархии с тем, чтобы управление школьной жизнью и могущие быть частичные <неразб.> в строе духовно-учебных заведений осуществлялись с ведома и согласия Донского архипастыря»¹.

Скорее всего, доклад членов корпорации был принят и рассмотрен Правительством Всевеликого Войска Донского, которое, несмотря на финансовую нестабильность, взяло на себя финансирование духовных учебных заведений Донской епархии.

Благодаря Всевеликому Войску Донскому и его позиции относительно Русской православной церкви, в Донской епархии с лета 1918 г. начала активно налаживаться повседневная жизнь: духовным учебным заведениям возвращались помещения, переданные под лазареты в годы Первой мировой войны; замещались вакантные места в приходских церквях; духовенство получало награды;

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 3. Д. 45. Л. 1-2об.

издавались епархиальные периодические издания. На возобновивших свою деятельность Епархиальных собраниях обсуждались вопросы, не предполагавшие, что политическая ситуация может кардинально измениться.

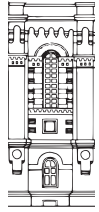
Тяготы Первой мировой и Гражданской войн, по всей видимости, не лучшим образом отразились на здоровье ректора Донской духовной семинарии протоиерея Димитрия Богоявленского. Череда бурных событий отодвинула на второй план общественную деятельность и частную жизнь этого человека, не позволяя дать оценку его вкладу в жизнь семинарии в 1914–1918 гг. Однако не оставляет сомнений тот факт, что организованный учебный процесс и отсутствие каких бы то ни было происшествий в семинарской среде были его заслугой.

1 августа 1918 г. протоиерей Д. Богоявленский обратился к архиепископу Донскому и Новочеркасскому Митрофану (Симашкевичу) с прошением о назначении на должность настоятеля церкви Донской иконы Божией Матери Старочеркасского женского монастыря. Прошение ректора было удовлетворено. В апреле 1919 г. он скончался в Старочеркасске¹.

Перемещение протоиерея Д. Богоявленского в столь непростое время было потерей для Донской духовной семинарии. Связь с Учебным комитетом Св. Синода была прекращена, и на протяжении 7 месяцев Донская семинария оставалась без ректора. Без ректора 1 октября 1918 г. прошли скромные празднования выдающегося события – 50-летия Донской духовной семинарии. «Полувековой юбилей главной духовной школы на Дону» было решено почтить «составлением» ее истории со времени ее учреждения в 1868 г.² Однако обстоятельства Гражданской войны и финансовая нестабильность не позволили осуществить задумку.

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 3. Д. 68. Л. 1 об.–4. Д. 107. Л. н/п.

² Свицерский А. К пятидесятилетию Донской духовной семинарии // ДПВ. 1917. № 1. С. 12–14.

**4.10. ИСПОЛНЯЮЩИЙ ДОЛЖНОСТЬ РЕКТОРА
АРХИМАНДРИТ ГРИГОРИЙ
(ИВАН МИХАЙЛОВИЧ ВАСИЛЬЕВ)
(МАРТ – ОКТЯБРЬ 1919 г.)**

ДОНСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ в 1919 г.

Последним ректором Донской духовной семинарии до ее возрождения в XXI в. был человек, чья личность до сегодняшних дней вызывает много вопросов. Иван Михайлович Васильев был уроженцем станицы Трехостровянской Области войска Донского. В 1887 г. он окончил Донскую духовную семинарию. С 1888 по 1905 гг., вступив в брак, был приходским священником Донской и Новочеркасской епархии. По всей видимости, после смерти супруги в 1909 г. священник И. Васильев окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия, был пострижен в монашество и назначен на должность епархиального миссионера Московской епархии, в которой служил до 1919 г. 1

12 февраля 1919 г. архимандрит Григорий (Васильев) подал в Правление Донской духовной семинарии рапорт следующего содержания: «Долг имею доложить, что я готов послужить родной семинарии в должности ректора, если Правлению угодно будет принять мою кандидатуру на сей пост...»². Поскольку с 1 августа 1918 г. место ректора Донской духовной семинарии оставалось вакантным, в марте 1919 г., скорее всего, по представлению Правления семинарии, архиепископ Донской и Новочеркасский Митрофан (Симашкевич) назначил его исправляющим должность ректора³. Одновременно архимандрит Григорий был назначен председателем Миссионерского комитета Донской епархии⁴. О возможных причинах его назначения, связанных с личностью архиепископа Митрофана (Симашкевича), упоминал в своих воспоминаниях протопресвитер Георгий Шавельский, давая при этом архимандриту самые не лестные отзывы⁵.

Отлаженная жизнь Донской семинарии, регулируемая Правлением, не требовала вмешательства нового и. д. ректора, чего, по всей вероятности, и не происходило. Еще до его назначения перед семинарским начальством стояли две проблемы: во-первых,

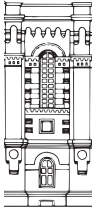
¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 3. Д. 92. Л. 24.

² Там же.

³ Там же. Д. 107. Л. н/п.

⁴ Там же.

⁵ Шавельский Г., протопресв. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М.: Изд-во Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2010. С. 222–224, 371, 602.

к ведению какого из отделов Всевеликого Войска Донского будут относиться духовные учебные заведения и каким образом они будут финансироваться, и, во-вторых, вопрос организации учебного процесса и приведения в порядок зданий, возвращенных семинарии после размещения в них лазарета. Неудовлетворительное состояние этих помещений заставило Правление в 1918/1919 учебном году продолжить проведение занятий в Донском епархиальном женском училище¹. При подготовке помещений к началу занятий выяснилось, что там разместились беженцы². Кроме их выселения и дезинфекции всех классов, Распорядительное собрание поставило вопрос о необходимости приведения в порядок семинарской больницы и восстановления ее «хозяйства, расхищенного большевиками и реквизированного для военных надобностей»³.

Масштабные работы по восстановлению зданий сопровождались и мелким ремонтом. Так, преподаватель физико-математических наук Н. Орлов летом 1918 г. просил Правление семинарии возместить ему 16 руб. 08 к., потраченные на ремонт двери физического кабинета, разгромленного большевиками⁴.

О внутренней жизни семинарии в 1918/1919 учебном году сохранились чрезвычайно скудные сведения. Из рапорта и. д. ректора семинарии архимандрита Григория архиепископу Митрофану известно, что к марту 1919 г. в семинарии числилось 406 воспитанников и 3 вольнослушателя. По классам они распределялись так: в I классе – 93 воспитанника; во II – 106; в III – 80; в IV – 92, в V – 17 и один вольнослушатель, в VI – 18 и 2 вольнослушателя. Преподаватели семинарии П. Дударев и В. Тронин болели тифом, но остались живы, а вот среди воспитанников были потери. От тифа скончались воспитанники: I класса Васильев Сергей, II класса Радин Александр, III класса Казьмин Евгений⁵.

ХОДАТАЙСТВА ЕПИСКОПА РОСТОВСКОГО И ТАГАНРОГСКОГО ОБ ОБУЧЕНИИ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК В ДУХОВНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ НОВОЧЕРКАССКА

Одним из значимых событий церковной жизни северо-восточного Приазовья было учреждение в 1919 г. Ростовской и Таганрогской епархии. Этот вопрос имел длительную предысторию, которая началась 19 мая 1887 г., когда входившие в состав Екатеринославской губернии города Ростов-на-Дону, Нахичевань, посад Азов и Таганрогское градоначальство, состоявшее из города Таган-

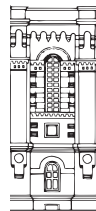
¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 3. Д. 107. Л. н/п.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Д. 90. Л. н/п.

⁵ Там же. Д. 107. Л. н/п.

рога и 5 волостей, указом императора Николая II были присоединены к Области войска Донского¹. Из этих населенных пунктов были образованы два округа: Ростовский и Таганрогский. Новообразованные округа со всеми военными и гражданскими учреждениями были подчинены наказному атаману Войска Донского². Изменение административной принадлежности не коснулось только храмов, которые остались в ведении Екатеринославской епархии³.

Через два года после присоединения к Области войска Донского, в 1889 г., войсковой наказной атаман Н.И. Святополк-Мирский поднял вопрос о передаче церквей этих округов в ведение архиепископа Донского и Новочеркасского. Главным аргументом атамана была необходимость согласования границ епархий с административными границами Области войска Донского⁴. Однако вопрос решен не был, учитывая нежелание Екатеринославского Преосвященного терять приходы, дававшие основную часть обеспечения, в том числе духовным учебным заведениям Екатеринославской епархии. Спустя 10 лет, в 1898 г., Главное управление казачьих войск вновь возбудило тот же вопрос⁵, но по-прежнему Екатеринославский Преосвященный Симеон (Покровский) 8 мая 1898 г., ответил на запрос обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева, что «вопрос об отделении [церквей] Таганрогского и Ростовского округов... и в настоящее время остается для положительного решения неблагоприятным»⁶. Еще через 10 лет, в 1908 г., вопрос был поднят вновь. Инициатива на этот раз исходила от Таганрогской городской думы. В ответ на эту инициативу Преосвященнейший Симеон в 1911 г. обратился с ходатайством в Св. Синод, и 1 апреля 1911 г. в Таганроге была учреждена викарная кафедра Екатеринославской и Мариупольской епархии⁷. В 1912 г. по инициативе Таганрогской городской думы, не удовлетворенной решением проблемы, был поднят вопрос об образовании самостоятельной Приазовской епархии⁸. Получив гарантии материальной поддержки, с 1915 г. в Св. Синоде началась разработка проекта учреждения самостоятельной епархии с викарной кафедрой в Ростове-на-Дону. Этому способствовало учреждение при Св. Синоде комиссии по вопросу об увеличении в Российской церкви числа епархий и о более удобном распределении границ некоторых существующих ныне обширных епархий, которую возглавил митрополит Петроградский

¹ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. VII. 1887 г. СПб., 1889. № 4466. С. 234–238.

² Там же.

³ Павловский С. К вопросу о присоединении городов – Ростова на Дону, Нахичевани и Таганрога с их округами к Донской епархии (Из архивных документов) // ДЕВ. 1914. № 14. С. 545.

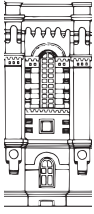
⁴ Там же. С. 549.

⁵ Там же. С. 550.

⁶ Там же. С. 552.

⁷ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXXL. 1911 г. Отд. 1. СПб., 1914. № 350004. С. 235–236.

⁸ Павловский С. Указ соч. С. 750.

и Ладожский Питирим (Окнов)¹. 9 августа 1916 г. наказной атаман Войска Донского граф П.Х. Граббе ходатайствовал перед митрополитом Питиримом «о содействии к возможно скорому разрешению вопроса об учреждении Приазовской епархии»². Однако работа была прервана революционными событиями 1917 г. Этот вопрос, давно требующий решения, был решен только в 1919 г. на Юго-Восточном русском церковном соборе в Ставрополе, на котором присутствовали архиепископ Донской и Новочеркасский Митрофан (Симашкевич), избранный председателем Высшего Временного церковного управления, и епископ Таганрогский, викарий Екатеринославской и Мариупольской епархии Арсений (Смоленец)³. Решение об учреждении самостоятельной Ростовской и Таганрогской епархии было принято 22 мая 1919 г. на заседании собора в присутствии 54 членов собора⁴.

Следствием этого выдающегося события стали ходатайства епископа Ростовского и Таганрогского Арсения (Смоленца) о возможности обучения детей духовенства новой епархии в духовных учебных заведениях Новочеркасска. 1 августа 1919 г. епископ Арсений обратился по этому поводу к архиепископу Донскому и Новочеркасскому Митрофану⁵. 12 августа 1919 г. вопрос рассматривался Правлением Донской семинарии. Приняв во внимание еще не решенную проблему возвращения всех корпусов, оно выразило согласие обучать юношей Ростовской епархии⁶. В уведомлении Правления Донской семинарии, посланном 3 августа 1919 г. Ростовскому-на-Дону епархиальному совету⁷ значилось: «Все юноши Ростовской епархии, желающие получить образование в духовной школе, могут быть охотно принимаемы во все классы [Донской] семинарии с условием субсидирования семинарии из средств [Ростовской] епархии в возможном размере. В настоящем учебном году в семинарии предполагается общежитие на 40–50 человек с платой в 300–400 руб. в месяц, куда в первую очередь будут принимаемы сироты, принадлежащие к той или другой епархии. Если здание семинарии будет возвращено, тогда общежитие будет открыто на 150 человек»⁸.

По всей видимости, перспектива обучения ростовского юношества была с интересом воспринята Правительством Всевеликого Войска Донского. После достижения предварительной догово-

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. Отд. 3. Ст. 4. Д. 111. Л. 2.

² Там же. Л. 3об.

³ Крячко Н., свящ. Учреждение Временного Высшего церковного управления на Юго-Востоке России в 1919 году. URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/691675/> (дата обращения: 12.07.2015).

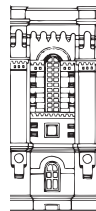
⁴ Крячко Н., прот. Архив Юго-Восточного русского церковного Собора 1919 г. как источник по истории Русской Православной Церкви. URL: http://www.sedmitza.ru/data/2012/06/27/1237054930/2012_1_2_04.pdf (дата обращения: 12.07.2015).

⁵ ГАРО. Ф. 352. Оп. 3. Д. 100. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 18об.

⁷ До 1918 г. Епархиальные советы именовались духовными консисториями.

⁸ ГАРО. Ф. 352. Оп. 3. Д. 100. Л. 3–3об.

ренности между иерархами, Правительство Всевеликого Войска Донского приняло решение постепенно освободить главный корпус Донской духовной семинарии, в котором еще располагалось общежитие писарей и воинских команд¹. В первую очередь предпринимались попытки передать семинарии первый этаж. Здесь Правление намеревалось поместить общежитие воспитанников на 130–150 человек². В связи с этим намерением Правление сообщило архиепископу Митрофану о том, что «для устройства общежития семинария не имеет кроватей с принадлежностями (подушки, одеяла): таковые погибли в минувшую смуту. Часть их разграблена большевиками, часть безнадежно увезена земским лазаретом»³.

Начало приемных и переводных экзаменов в 1919/1920 учебном году было назначено на 19 августа 1919 г., занятий – на 2 сентября⁴. Однако по распоряжению и. д. ректора архимандрита Григория учебный год должен был начаться 2 октября, «принимая во внимание тяжелые и тревожные обстоятельства, переживаемые краем и необходимость окончить полевые работы, а призванным на службу дать возможность до конца исполнить свой долг перед Родиной»⁵.

Очень трогательными были сообщения о двух последних торжествах, отмечавшихся в стенах Донской духовной семинарии. 26 сентября (9 октября) 1919 г. семинария праздновала престольный праздник своего домового храма в память Преставления апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Накануне, по установившейся традиции, была совершена заупокойная литургия и панихида по скончавшимся начальникам и воспитанникам семинарии. Вечером на всенощном бдении, совершенном епископом Аксайским Гермогеном (Максимовым), перед полиелеем сказал слово и. д. ректора архимандрит Григорий. Литургию 26 сентября совершал Высокопреосвященнейший Митрофан в сослужении градского духовенства. В конце литургии Владыка произнес слово о величии и силе христианской любви. «В заключение слова Владыка обратился с увещанием к присутствовавшим воспитанникам как будущим пастырям Церкви хранить и воспитывать в себе чувства любви к Богу и ближнему, так как только любовь дает способность быть руководителем совести других»⁶. Как сообщала «Донская христианская мысль», престольный праздник привлек в храм много молящихся⁷.

¹ ГАРО. Ф. 352. Оп. 3. Д. 107. Л. н/п.

² Там же.

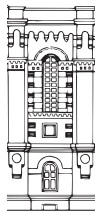
³ Там же.

⁴ От Правления ДДС // ДХМ. 1919. № 32–33. С. 352.

⁵ Там же. 1919. № 42–43. С. 438. № 36–37. С. 393.

⁶ Там же. 1919. № 42–43. С. 437–438.

⁷ Там же. С. 438.

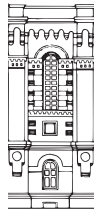
Не менее душевным было празднование 40-летнего юбилея педагогической деятельности Андрея Александровича Кириллова. Признавая его большие заслуги перед Донской семинарией, педагогическая корпорация приняла единодушное решение отметить этот значимый, в том числе для семинарии, которой А.А. Кириллов посветил 40 лет жизни, юбилей. Учитывая будни, омраченные Гражданской войной, торжество носило «самый скромный характер»: 9 августа в 11 часов утра в семинарской Иоанно-Богословской церкви был отслужен благодарственный молебен, в заключение которого было возглаголено многолетие «всечестному боярину Андрею». Затем и. д. ректора приветствовал юбиляра речью¹.

7 октября 1919 г. указом архиепископа Митрофана Донская духовная семинария вновь осталась без ректора. В указе значилось: «Допущенный мною к исполнению обязанностей ректора Донской духовной семинарии архимандрит Григорий освобождается от исполнения таковых обязанностей. Должность ректора семинарии объявляется вакантной. Исправляющим должность ректора семинарии... назначается инспектор семинарии Андрей Кириллов, а исправляющим должность инспектора, согласно циркулярному указу Св. Синода от 18 сентября 1869 г. № 47, преподаватель Леонтий Епифанович².

Каковы были причины устранения от должности архимандрита Григория и как сложилась его дальнейшая жизнь, остается неизвестным.

¹ От Правления ДДС // ДХМ. 1919. № 32–33. С. 346.

² ГАРО. Ф. 352. Оп. 3. Д. 92. Л. 1. Д. 107. Л. н/п.; Донская христианская мысль. 1919. № 40–41. С. 423–424.

4.11. ЗАКРЫТИЕ ДОНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ в 1920 г.

Самой трагичной и малоизвестной страницей истории Донской духовной семинарии остается ее закрытие. В 1920 г. на Дону была окончательно установлена советская власть. Еще в 1917–1918-х гг. она выработала методы уничтожения учебных заведений, ориентированных, в соответствии с лексикой того времени, «на обслуживание нужд церкви». Поскольку преподавание религии было запрещено еще печально известным декретом об отделении церкви от государства и школы от церкви¹, все имущество духовных учебных заведений подлежало изъятию, а в «реквизированных» зданиях открывались советские школы.

Вероятно, именно так случилось и с Донской духовной семинарией, но документы, которые могли бы пролить свет на последние месяцы ее существования, сегодня не выявлены. В церковном предании сохранились сказания о том, что в 1920 г. семинария была преобразована в пастырские курсы, а окончательно закрыта в 1921 г. Вызывает сомнение, что советские органы власти, пристально следившие за церковью, могли позволить существовать в Новочеркасске учебному заведению, даже называвшемуся пастырскими курсами. Впрочем, возможно, когда-нибудь эта страница истории будет исследована и освещена в должной степени.

Завершая летопись Донской духовной семинарии, необходимо сказать, что ее существование, начавшееся с немалыми трудами и благодаря выдающимся личностям, сыграло значимую роль как в истории Донской и Новочеркасской епархии, так и в истории Области войска Донского. Семинария на протяжении 50 лет своего существования была центром образования, науки и, конечно, центром, воспитавшим немало поколений донского духовенства. Многие ее выпускники удостоились мученической кончины, не отрекшись от своего пастырского призвания, 10 выпускников стали иерархами Русской православной церкви. Последние выпускники семинарии дожили до 1960-х гг., являя собой образец верности Церкви, благочестия и традиций.

¹ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М.: Изд-во Библейско-богословского института св. ап. Андрея, 1996. С. 21, 27–28.

